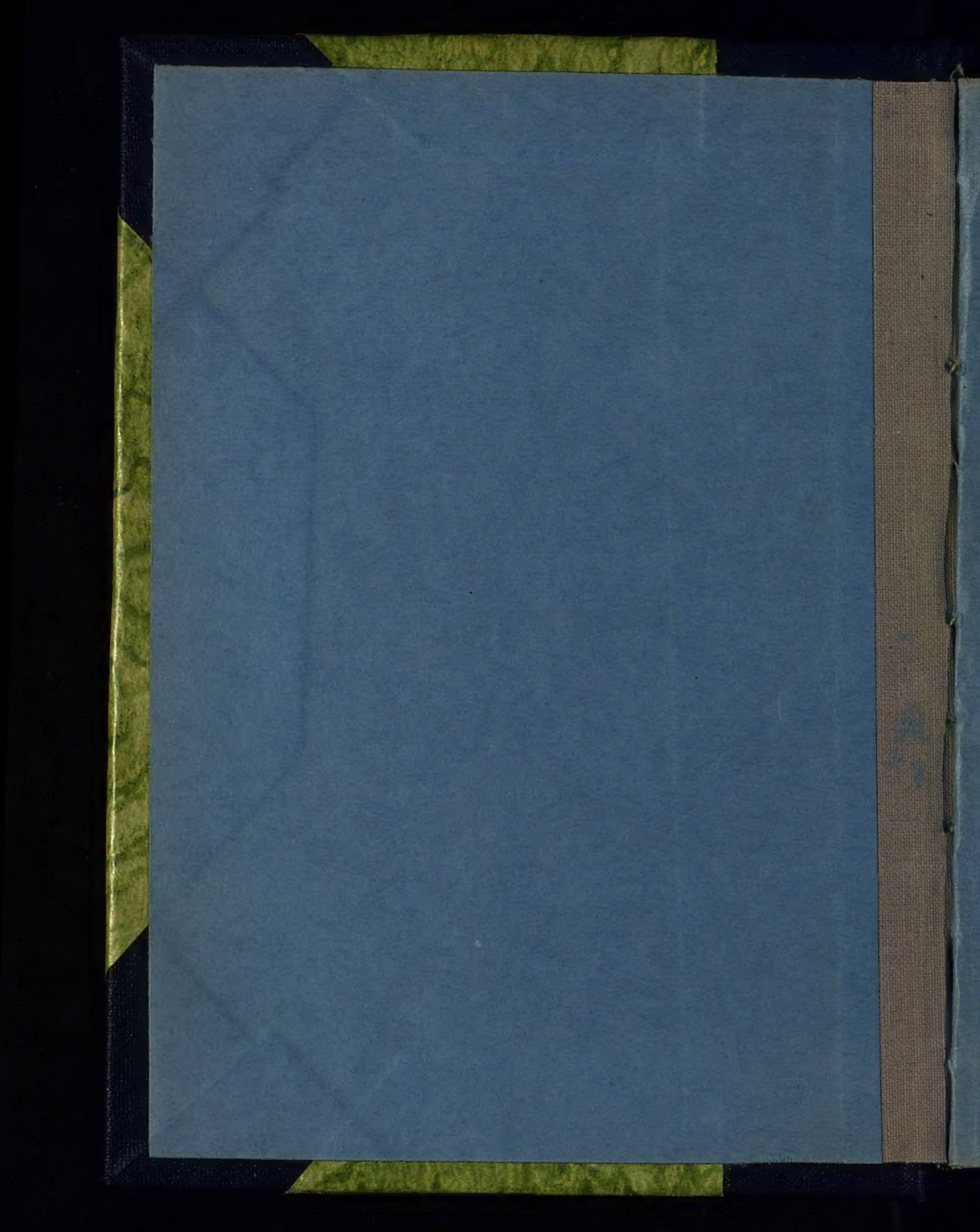
Павлов Н.А.
Его Величество государь император Николай II
Париж, 1927

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО

ГОСУДАРЬ НИКОЛАЙ II

Н. А. ПАВЛОВЪ

PARIS

1927

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО

ГОСУДАРЬ НИКОЛАЙ II

Н. А. ПАВЛОВЪ

PARIS
1927

IMPRIMERIE D'ART VOLTAIRE
34, RUE RICHER, PARIS (9e)

Посвящается Его Императорскому Высочеству Принцу Александрѣ Петровичу Ольденбургскому.

Его Величество Государь Николай II.

I.

Призывая помощь Бога, пытаюсь дать очеркъ царенія Государя Николая Александровича. Задача эта трудна, какъ по сложности происшедшихъ за время Его царствованія событій, такъ и по невозможности дать уже теперь исчерпывающую исторію и характеристику этого Государя — столь малому числу лицъ хорошо извѣстнаго. Неразгаданнымъ ушелъ Онъ изъ жизни, оставивъ по себѣ безукоризненную полосу воспоминаній; но изъ этихъ воспоминаній лишь исключительнаго дарованія историкъ сумѣетъ тоже безукоризненно очертить весь Его духовный и умственный обликъ.

Своимъ служеніемъ Россіи, всей жизнью, нравственными и физическими страданіями — Государь искупилъ счастливое будущее любимаго имъ превыше всего Отечества. Я вѣрю въ это сильное и счастливое будущее. Оно наступитъ скоро, и наступитъ благодаря жертвѣ Имъ принесенной; жертвѣ своей драгоцѣнной, царственной жизни. Всю красоту Его жизни, охранявшей единство нашей Родины, всю міровую важность этой жертвы — оцѣнятъ всей силой духа лишь будущія, достойныя Россіи ея поколѣнія. Оцѣнятъ и народы міра, признавъ въ Немъ исключительнаго по благородству, истиннаго носителя Верховной власти и великаго по гуманности человѣка.

Царствованіе Государя Николая II было пере-

ломомъ въ существованіи Россіи, въ связи съ міровыми событіями. Переломъ этотъ при настроеніи и дѣятельности окружавшаго Его общества былъ неизбѣженъ. Отъ этого опредѣленія, какъ вывода напечатанныхъ мною за всю жизнь мыслей, я и буду отправляться. Было ожиданіе именно такого перелома, на которомъ долженъ былъ остановиться ходъ русской исторіи.

Нація имѣла въ Россіи все, для счастливаго и богатаго, независимаго и покойнаго существованія. Достигнуть необходимыхъ преобразованій было легко и Государь, довѣряя народу и обществу, на путь ихъ вступилъ.

Не умѣя оцѣнить этого Государя, ни использовать опыта исторіи, ни содѣйствовать Власти, ни цѣнить блага владѣть такой страной — своею лѣнью, легкомысліемъ и ропотомъ глухого недовольства и безсмысленныхъ исканій общества — современное поколѣніе націи пришло къ 1917 году...

Народы стали сами отвѣтствены за судьбы своихъ странъ и вся вина происшедшаго ложится всецѣло и безоговорочно на головы всей націи...

Русскій Царь, выразитель эпохи... Онъ свѣтлое и живое олицетвореніе Россіи... Въ лицѣ Государей — всегда вся Россія. Потерявъ Царя, замерла душа Россіи, потерялъ себя народъ. Суждено ли народу найти и возстановить ея силу безъ Царя?... покажетъ исторія...

Ропотъ и глухой бунтъ, съ перваго часа воцаренія палъ на Царя. Переломъ съ этого часа и совершался . . . .
. . . .

Уже многіе не только высказались о Государѣ,

но самоувѣренно дали характеристику Его и Его предковъ. Характеристика у большинства — отрицательная. Начиная съ европейски извѣстнаго Витте и кончая мерзостью писаній разныхъ Василевскихъ, Извольскихъ и злобно - лживыхъ выпадовъ нѣкоторыхъ представителей высшаго свѣта — о Государѣ говорится или грубо дерзко, или сожалительно, какъ о ничтожествѣ.... Хорошо зная Витте, я зналъ его ненависть къ Государю и подчеркиваемое неискренно лукавое «обожаніе» къ отцу Государя*). Злобное опредѣленіе Государя, какъ «гвардейскаго полковника» и не больше, доказываетъ, что этотъ безспорно умнѣйшій чиновникъ эпохи, по злобѣ своего мѣщанскаго духа, не могъ и не умѣлъ понять провиденціальнаго значенія своего Монарха: его злоба выросла изъ за невозможности сломить **волю** Государя и повернуть Россію на путь эволюціоннаго перехода къ республиканскому строю, во имя котораго этотъ интеллигентъ и сотрудникъ международныхъ круговъ, работалъ, подготовляя кабалу и паденіе Россіи.

Въ одной изъ французскихъ газетъ далъ отзывъ и другой министръ — г. Коковцевъ. Насколько я помню, онъ говоритъ «благосклонно» и «оправдываетъ» въ чемъ то Государя...

Есть хорошіе, но больше злобныхъ отзывовъ... Ложь беззастѣнчива даже теперь. Большинство злорадно пишетъ: Царь — съ маленькой буквы; Ни-

---

*) Прочтя мое открытое письмо, — обвиненіе — въ Мартѣ 1905 года въ Моск. Вѣд., — Витте былъ у меня, и въ оправданіе себя показалъ мнѣ свою тайную записку, часть которой нынѣ опубликована его супругой. Ту же записку онъ показалъ Ф. Д. Самарину и въ общей бесѣдѣ, «поклялся», что публиковать ее не будетъ, сознавая неточности и преувеличенія.

колай Романовъ, или просто Николай. — Пишущіе выказываютъ всѣ прелести того свѣтскаго и интелигентскаго воспитанія, которое властно вело всѣ наши классы къ краснымъ бантамъ и знаменамъ на улицу, и привело на тротуары европейскихъ городовъ...

Въ большинствѣ воспоминаній жизнь Государя сводится къ Распутину, какъ показанію какой то Его «страшной» вины.

Перечислять такихъ авторовъ, и знатныхъ и демократическихъ, и приводить ихъ доводы просто стыдно. Пошлость и низменность такихъ писаній очевидна, и если я говорю о нихъ, то только потому, что въ нихъ повторяется будто установленное мнѣніе, что Государь былъ «безволенъ, двоедушенъ, неуменъ»..., а главное, что благодаря Ему были Распутины, Штюрмеры и другіе виновники какихъ то народныхъ бѣдствій...

Но причинная связь этихъ опредѣленій съ прошлымъ очевидна. Въ теченіе всего Царствованія, **столичное общество,** начиная съ нѣкоторыхъ лицъ окруженія Государя*) — изощряется въ созданіи

---

*) Типичнымъ показаніемъ отношеній «свѣта» къ Государю служитъ книга барона Н. Врангеля. Привожу выдержки: «я вращался въ кругу знати, вершителей судебъ и т. д.» Эпоху Государя Николая I онъ опредѣляетъ: «мишура, насиліе, время розогъ, плетей, дикаго произвола, беззаконій, казней, мишура могущества, передъ которымъ трепещетъ Европа.... все блефъ, пуфъ (стр. 5 и др.). Оплеухи въ домахъ и на улицѣ, драли вездѣ»....

Эпоха Александра II: описаніе, какъ себя нѣжитъ и холитъ аристократія.

«При Александрѣ III и его сынѣ ведется травля евреевъ (стр. 115). Положеніе невыносимо; они чуть не умираютъ съ голоду» и т. д. (стр. 115).

При Александрѣ III (стр. 99) — «послѣдніе годы жизни — стоячее болото. У Александра не было ни силъ, ни особаго дарованія (стр. 111).»

«Нѣкоторые царедворцы зовутъ Александра III дворни-

всякихъ легендъ о Немъ и Его семьѣ. Уже при отцѣ Государя дерзость окруженія въ отзывахъ о Александрѣ III была безграничная. При Государѣ Николаѣ II недовольство «свѣта», насмѣшки и пренебреженіе къ Нему, ростутъ съ перваго года воцаренія. Ходынка... пріемъ Тверцовъ, слова Его о безсмысленныхъ мечтаніяхъ... участіе на балу въ старинныхъ одеждахъ—все высмѣивается; малѣйшая неудача ставилась Ему въ вину, и ежегодно все безтактнѣе и безсердечнѣе была критика и Государя и Государыни; общество съ самаго верха выискивало предлоги для Ихъ осмѣянія.

Вѣдомо и другое: защиты отъ критики и навѣтовъ проявлено не было.

При томъ, ни малѣйшаго предлога даже для критики не существовало, пока введенный во дворецъ «старецъ» не явился этимъ предлогомъ. Съ той поры Царская семья стала мишенью опредѣленной клеветы. Съ его появленіемъ, тѣ же верхи, открыто, ни минуты не задумываясь о низости сво-

---

комъ (стр. 137), характеризуютъ по его сѣдалищу...Скобелевъ презираетъ Александра. При Черевинѣ и Дохтуровѣ Скобелевъ говоритъ, «что Государь полетитъ, и скатертью дорога.

Г. Врангель «самъ видѣлъ (стр. 184), какъ какая то карета улепетывала въ 1905 г., а мальчишки кричали — ату его, — въ каретѣ былъ Николай II.

Манифестъ 1904 г. Врангель называетъ каталогомъ «Мюръ и Мирилиза».

Близкій придворный говорилъ Врангелю, что перевороты какъ корективъ, неизбѣжны.

Николай II — арміей не командуетъ. Наборами деревни опустошались. Поля невоздѣланы, массы рабочихъ безъ работы. Солдаты скверно кормятся, грязь, разруха во всемъ.

«Самодержавіе приказало долго жить. Умеръ отъ слабости (стр. 227), говоритъ народъ. Покойника отпѣли (стр. 229)» и т. д. и т. д.

Отъ автора: Таковы лишь нѣкоторые перлы писанія этого «аристократа», конногвардейца, банковскаго дѣльца...... старца. За кого и отъ кого онъ говоритъ? И отчего люди его круга не опровергаютъ такихъ клеветъ?...

его дѣла — злорадно **создаютъ молву** о Царской семьѣ; нѣсколько ближайшихъ къ Престолу лицъ — «гордо» отойдутъ отъ Государя и наконецъ, создавъ клевету, уснащая ее всякими небылицами, то же общество въ 1916 году сдѣлаетъ, якобы для спасенія Монархіи лицемѣрный жестъ: заманивъ въ ловушку, прикончатъ темнаго старца — создавъ взрывъ революціи...

Восторженно встрѣчаемый народомъ, вознесенный небывалымъ подъемомъ встрѣчи во Франціи, Государь постепенно развѣнчивается въ глазахъ и народа и иностранцевъ. Наши знатные путешественники и сановники, какъ Витте или дѣятели какъ Кн. Долгорукій и гр. Нессельроде, (послѣ Выборгскаго воззванія), вкупѣ съ печатью и радикалами дѣлаютъ свое преступное дѣло опороченія авторитета Государя. Охрана достоинства Монарха за - границей возложена на дипломатію и... полицію: первая, читая отзывы нелегальной прессы малодушно отмалчивается: вторая — съ Манусевичами и Азефами предаетъ или бездѣйствуетъ. До войны — лишь народъ никакъ и нигдѣ не воспринимаетъ клеветы общества на Государя. Зная это и пользуясь войною, все общество, съ безотвѣтственными депутатами, напрягаетъ главныя усилія для опороченія Государя. Во время труднѣйшихъ мѣсяцевъ и Японской и міровой войны, Дума, опираясь на общество, безнаказанно клевещетъ... и молва хлынула въ армію и въ народъ. —

Самодержецъ Россіи... безупречнѣйшій человѣкъ и семьянинъ, былъ въ «чемъ то» обвиненъ, и разнузданное общество осмѣлилось Его же судить! Этимъ ли актомъ совершался «переломъ»

жизни Россіи? Если не этимъ, общество изыскало бы другой; Государь былъ обреченъ на осужденіе и на смерть.

И вотъ теперь, спустя семь лѣтъ, послѣ измѣны всѣхъ, кромѣ душу свою съ Нимъ и за Него положившихъ, мы все еще слышимъ критику: «Безволенъ... слабъ... былъ не на высотѣ... Распутинъ» и прочее. Словъ, — честнаго, открытаго, колѣннопреклоненнаго покаянія передъ памятью Государя - Великомученика — нѣтъ. А пора, если не устыдиться, и не сознаться въ безчестіи — то хотя бы молчать, и не смѣть ни на словахъ, ни письменно, касаться имени Того, чья кровь пала на всѣ наши, Его подданныхъ, головы...

Клевета... изъ многоразличныхъ свойствъ нашей націи одно изъ яркихъ: сплетня и клеветничество. Никогда нетронутый клеветой, пишущій эти строки, чуть было не былъ затронутъ ея крыломъ.., но у каждаго изъ насъ есть средства свести счеты съ клеветникомъ и встать за свое доброе имя...

У Монарха нѣтъ и этого права... и какъ мелка кажется любая наша обида, если сравнивать съ той системой злостнаго навѣта, который духомъ зла, какъ стѣна, выкладывался русскими на Государя, стоявшаго и какъ Монархъ и какъ человѣкъ недосягаемымъ образцомъ идеальной честности, храбрости, семейственности и нравственности.

Неуклонно, по заповѣдямъ Христа, жилъ этотъ тихо сіяющій высокой человѣчностью Государь,... а клевета - молва ползла, мучила, и искала Его жизнь..

Не подобіе развѣ великой исторіи преслѣдованія Христа... съ конечнымъ воплемъ толпы дать ей Варавву... по наущенію книжниковъ?... и у насъ

книжники и — «Вараввы» — смѣнили Его. Клевета совершила свое подлое дѣло — свела въ могилу лучшаго русскаго человѣка — гордо и непобѣдимо несшаго крестъ, мечъ и знамя Россіи...

Не стало живого олицетворенія могущественной Россіи, не стало обруча ее сковывавшаго и безъ Него — она рухнула.

II.

Онъ умеръ, а клевета еще не умолкла *). Перья пишутъ. Языки говорятъ. Изолгавшіеся люди ищутъ себѣ оправданія въ Его винахъ...

Берусь ли я за защиту Его имени, дѣяній, чести? Нисколько. Я и не смѣю этимъ задаваться. Безукоризненную честь и правду не защищаютъ; и та и другая сами свѣтятъ, и свѣтъ отъ Государя будетъ лишь разгораться. Передъ Нимъ будутъ преклоняться, и сознаніе, что Онъ въ недосягаемой для насъ свѣтлой вѣчности — великое сознаніе...

Обязанность свидѣтелей эпохи правдиво установить обстоятельства, при которыхъ Государь Николай II вступилъ на Престолъ и царствовалъ.

Условія эти были таковы, что, помимо своей воли, Онъ оказывался иногда безсильнымъ использовать полноту своей власти и проявить ее, какъ бы того желалъ. «Безсильный», — спросятъ меня — значитъ безвольный? — Нѣтъ, понятія эти совершенно разныя.

Не будемъ утверждать, что Государь обладалъ

---

*) Системой многолѣтняго навѣта, въ мнѣніи обществъ запада создалось ложное сужденіе о Государѣ, и оно, быть можетъ, болѣе всего тяжко: вымирающее русское общество обязано сдѣлать все чтобы разувѣрить обманутыхъ русскими клеветниками европейцевъ.

непреклонной волей. Были случаи, когда Онъ могъ, — и не проявилъ ея. Въ ущербъ или на пользу странѣ, были эти случаи уклоненія отъ воли — подлежитъ обсужденію. Но не эти случаи были роковыми для страны. На нихъ, какъ и на нѣкоторыхъ ошибкахъ въ цѣпи событій, останавливаться нельзя...

Безспорно одно: въ главнѣйшихъ вопросахъ судьбы страны — Государь, во все время, и до послѣдняго часа, проявилъ громадное напряженіе характера, выдержку и... волю не уступающаго Царскихъ правъ и не поступающагося царской честью и достоинствомъ своей Родины Государя.

Больше того — лишь Онъ, Русскій Царь, остался до послѣдней минуты одинъ непоколебимо вѣрнымъ присягѣ Россіи и за Нее — безропотно — не склонилъ, а сложилъ голову.

Докажемъ, что и послѣднее обвиненіе, что Онъ отрекся по безволію — въ корнѣ лживо...

. . . .

Государь вступилъ на престолъ при кажущемся благополучіи въ странѣ. За тринадцать лѣтъ до того, престолъ этотъ былъ въ крови Его великодушнѣйшаго дѣда. Это неслыханное по цинизму убійство висѣло гнетомъ, а покушеніе въ Боркахъ доказывало, что походъ на Монархію продолжается. Личность гиганта духа Александра III грозила подняться во весь ростъ Самодержавія, при малѣйшей попыткѣ общества стать на пути Его воли. Онъ самъ держалъ въ повиновеніи не только страну, но Его воля лежала неподъемнымъ грузомъ какой бы ни было агрессивной политики, какъ общества, такъ и нѣкоторыхъ извѣка злобныхъ противъ насъ странъ Запада. Но Государь въ краткое царствова-

ніе не успѣлъ противупоставить чего либо реальнаго начавшемуся разстройству экономическаго порядка въ странѣ, кромѣ Его величайшаго творенія — проведенія Сибирскаго пути, значенія котораго никто и по сегодня не оцѣнилъ, не понявъ громадности замысла хода на Востокъ, гдѣ будетъ рѣшаться все будущее Россіи. Не поняли и того, что этотъ путь уже спасъ нашъ Востокъ отъ Англіи, опоздавшей кинуть на него Японію.

Меньшаго значенія были внутреннія реформы — водворенія порядка на мѣстахъ, съ руководствомъ департаментомъ изъ Петербурга. Вмѣсто широкаго самоуправленія и органической системы децентрализаціи и установленія дѣйствительной власти на мѣстахъ, законодатель ограничился «опытомъ» введенія земскихъ начальниковъ, причемъ предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ ряда учрежденій не было дано ни власти, ни правъ, **ни отвѣтственности***). Въ уѣздѣ такъ и не создалось руководящаго и объединяющаго всѣ части управленія и хозяйства органа мѣстной власти.

Власть появилась не въ уѣздахъ, а въ участкахъ. Мысль Государя была сначала отлично воспринята населеніемъ, но не имѣя ни мѣстнаго руководства, ни конечной связуемой съ строемъ и земствомъ системы, ни цѣли, корней не дала. Черезъ головы всѣхъ учрежденій, возжи управленія

*) Въ апрѣлѣ 1904 г. Плеве передалъ мнѣ Высочайшее повелѣніе спѣшно представить законопроектъ мѣстной реформы: губернскіе и уѣздные совѣты, уѣздный начальникъ, приходъ, губернскія и областныя Думы. Комиссія созывалась на Сентябрь.... Плеве былъ убитъ. Кн. Мирскій и Булыгинъ считали мѣстную реформу при Думѣ — ненужной. Подробности этого дѣла печататься будутъ въ моей Экономической Исторіи Россіи.

были въ рукахъ департаментскаго чина, и склонявшіеся передъ таковымъ губернаторы считались съ нумеромъ «входящаго» приказа изъ Петербурга, а не съ земской и сельской жизнью. При этихъ условіяхъ, лучшіе и независимые мѣстные люди служить не могли и составъ оставлялъ желать лучшаго. Исторія «входящихъ» бумагъ изъ министерства и пресловутаго Земскаго Отдѣла — трагикомична. Исторія эта, ломавшая иногда весь бытъ и жизнь народа **не могла** быть извѣстна Монарху, и причинъ неудачи реформы Онъ не зналъ...

Но, кромѣ того, даже противъ этой единственной мѣстной власти, въ эпоху безконечныхъ комиссій Коханова и Пазухина, ополчился либеральный кланъ бюрократіи, и урѣзаемая реформа такъ и осталась не законченной до 1905 года, когда при Думѣ и свободѣ печати о «власти» никто уже не смѣлъ заикнуться. Нечего говорить, что общество и печать ненавидѣло и высмѣивало даже эту попытку устроенія порядка. Ничтожная же оплата огромнаго труда земскихъ начальниковъ не могла привлечь настоящихъ силъ. Такимъ образомъ, реформа Государя не получила завершенія и армія поставленныхъ въ деревню чиновниковъ, осталась арміей съ генералами и штабами, но безъ строевыхъ командировъ. Удовлетворительно справляясь съ задачей — какъ дѣлать, армія эта не знала — что дѣлать...

Второй важной реформой Государя Александра III — былъ крестьянскій банкъ. Но мин. финансовъ до 1897 года медлило развить его дѣятельность, а съ паденіемъ денежныхъ средствъ деревни (цѣны на хлѣбъ 18 - 25 к. пудъ), населеніе не могло развить свободной покупки земель.

Экономическое положеніе страны за періодъ царствованія обоихъ Государей сливается, примѣрно до 1900 года. Съ 1880 года сельское хозяйство переживаетъ рѣзкій кризисъ, цѣны на продукты непомѣрно низки, покупательная способность населенія слаба, и при этихъ условіяхъ два тяжелыхъ неурожайныхъ года ослабили силы населенія. Въ тотъ же періодъ шла политика экспериментовъ гг. Бунге, Вышнеградскаго и Витте: страна втягивалась въ международный торговый и золотой оборотъ. **Мы начинаемъ дѣлать долги,** и на страну возлагаются всѣ обязанности капиталистическаго хозяйства по западному образцу.

Здѣсь нѣтъ мѣста объяснять, какъ самобытный по духу Государь Александръ III былъ вовлеченъ министрами и дипломатіей въ безвыходный кругъ международныхъ обязательствъ и нѣкоторыхъ формъ политики и хозяйства, и разгадка уступчивости этого Государя — нелегка. Бросивъ Западу свой историческій тостъ «за единаго друга — Черногорію» — Государь выказалъ свое недовѣріе міру... но міръ былъ сильнѣе Его: къ намъ съ запада поступила бюрократическая система управленія и хозяйства, на которую даже такой Государь, какъ Александръ III вынужденъ былъ опираться.

Въ то же время и въ полное противуположеніе развитію капиталистическаго хозяйства, тотъ же Государь даетъ законъ **14-го декабря 1893 года** *),

*) Въ 1894 г. по докладу Н. Павлова Саратовское дворянство дерзаетъ представить доводы противъ этого закона и необходимость упразднить общину. Рѣзкіе доводы докладчика противъ общины о «неминуемой революціи, черномъ передѣлѣ и проч., если Власть не рѣшится на рядъ реформъ и дѣйствій» — вызвали протесты губернатора и письма министра — о темахъ «волнующихъ умы». По докладу Н. П. Саратов. двор.

о неотчуждаемости крестьянскаго надѣла. Этимъ закономъ крестьяне почти навсегда закрѣпощались къ землѣ. Ни продать, ни купить земли, ни пользоваться гдѣ либо кредитомъ съ этой поры крестьяне не могли. Останавливалось всякое внутреннее и внѣшнее сельское передвиженіе, разселеніе, переселеніе, выходъ изъ общины и т. п.

Даже Государь Александръ II и его комитеты не могли бы допустить мысли, что крестьяне, покрывшіе выкупной долгъ, могутъ быть когда либо ограничены въ правѣ собственности...

Невѣроятное совершилось, и даже въ 1907 году (реформа Столыпина) этотъ законъ не былъ отмѣненъ.

Вся исторія этого закона и его послѣдствій, **многократно** изложена мною въ печати съ 1894 г., и я привожу лишь самый фактъ укрѣпленія общины, за счетъ всякой экономической свободы крестьянъ, и за счетъ успѣховъ сельскаго хозяйства, Излюбленная и взлелѣянная сановниками (во имя нужды въ рабочихъ рукахъ помѣщиковъ - сановниковъ и лѣни бюрократіи провести кадастръ), а также славянофилами и рядомъ съ ними Герценами, Бакунинами и Чаадаевыми, и **сочиненная** въ 1836 году **для Россіи** нѣмцемъ Гакстгаузеномъ — **община,** этотъ явный признакъ строя соціализма, актомъ 1893 года получилъ вящее и безпредѣльное

въ 1897 г., о реформѣ крест. и двор. Б., о земельномъ устройствѣ,, о групповомъ переселеніи дворянъ и земцевъ съ крестьянами въ Сибирь, возбуждены ходатайства. Государю благоугодно было одобрить идеи. Полугодовая поѣздка Н. П. съ 58 выборными ходоками 7000 верстъ въ степяхъ дали матеріалъ А. Н. Куломину и законопроекты печатались. Въ основу всѣхъ реформъ ставится единоличная собственность, кредиты крестьянамъ, амельорація, поселки и т. п....

Въ 1902 году всѣ печатные доклады комиссіи сданы въ архивъ. Комиссіи закрыты...

закрѣпленіе, превосходящее даже начало коммунистическое, дающее нѣкоторыя права выхода изъ коммуны...

Къ радости Герценовъ, Винаверовъ, Савинковыхъ и Ленина, Монархія ужилась съ подлиннымъ сельскимъ соціализмомъ; **капиталистическое хозяйство строилось при коммунѣ - общинѣ** — и въ этомъ трагическомъ сочетаніи и глухой борьбѣ двухъ противоположныхъ началъ, кто нибудь долженъ былъ уступить *).

Консервативнѣйшій Государь **безотчетно** всталъ на опасный путь. Одной рукой онъ далъ Витте вводить капитализмъ, другой думалъ укрѣпить противъ него заставу земельнаго тягла и общины, вѣря, что народъ общинникъ останется русскимъ и не одѣнетъ маски интернаціонала.

Государь Александръ III **жалѣлъ народъ,** боясь его обезземеленья, боясь сферы кредита и вѣря въ

---

*) С. Ю. Витте, — крупнѣйшій по уму чиновникъ эпохи;но онъ обезличенъ чьей - то вліяющей на него властью, и онъ противъ воли ведетъ страну культурными путями къ хаосу. Очевидно, онъ знаетъ «нелѣпость» забвенія с. хоз. и развитія промышленности — при паденіи народнаго достатка. Онъ зналъ необходимость свалить общину, зналъ, какъ помочь сельск. хоз., необходимость переселенія, разселенія. Зналъ — и всему этому до конца противился.

Въ мемуарахъ, я записалъ цѣлый рядъ бесѣдъ съ нимъ; зналъ его сотрудниковъ и знакомыхъ; и нѣкоторые его планы. Онъ ненавидѣлъ Столыпина за его политику, ненавидѣлъ больше чѣмъ Плеве, хотя П. А. никогда его не затрагивалъ...

На всѣ пожеланія Государя (эпоха отмѣны круговой поруки и прощеній долга по выкупнымъ) — помочь деревнѣ — Витте отвѣчалъ — отсутствіемъ средствъ...

О томъ, кому онъ подчинялся, сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ... Надо удивляться, сколько въ его посмертно изданныхъ книгахъ сказано ненужнаго, мелочнаго и неправдиваго, — недостойнаго его ума, опыта и знаній. Будь онъ живъ, онъ никогда бы такого труда не выпустилъ. Надо надѣяться, что его книга послужитъ матеріаломъ историку только въ своей дѣловой части, а остальное, какъ ненужное и злостное, канетъ въ вѣчность, безъ чьего-либо вниманія и уваженія....

самобытную крѣпость духа народа. Мы знаемъ, что онъ колебался... но благодаря вліянію на него министровъ — Толстого и Побѣдоносцева — и всей бюрократіи Онъ передъ своимъ концомъ бросилъ законъ 1893 г., какъ якорь для народа, но этимъ остановилъ движеніе и работу крестьянъ. Очаги нѣмца Гакстгаузена тлѣли. На общину, какъ на спину тарантула насадится интеллигенція и зальетъ Россію ядомъ соціализма въ 1917 году. Та же община — клѣтка и аппаратъ, который дастъ возможность большевикамъ держать народъ годами въ трепетѣ и нуждѣ . . . .

. . . .

Покорный мысли, волѣ и завѣтамъ отца, началъ царить Государь Николай II. Экономическое положеніе было сложно и неблагополучно. Сельское хозяйство не могло не падать: на лицо была община — воспитательница лѣни, и народа и правящаго класса: что могло быть легче для фиска и для управленія, какъ распоряженіе кучами Ивановъ Непомнящихъ!

Витте, поднимая на дыбы промышленность, при общинѣ и слабѣющемъ сельскомъ хозяйствѣ, и начиная **занимать** золото, сознательно не открываетъ глаза обоимъ Государямъ. Неопытный, въ первые годы Государь, былъ всецѣло въ рукахъ старыхъ министровъ.

Но кризисъ сельскаго хозяйства не могъ уже быть замолчанъ. Дутые успѣхи показной для запада политики Витте не скрываютъ кризисовъ и паденія сельскаго хозяйства. Настало время, когда вся система государственнаго хозяйства требовала пересмотра.

«Неисчерпаемыя» наши богатства не слиш

комъ привлекаютъ иностранный капиталъ, и съ 1900 года притокъ его ослабѣваетъ. Повторяется слово «урожай», и **на немъ** начинаетъ строиться вся наша экспортная политика и бюджетъ. Открывъ всѣ денежные краны казны промышленности и торговлѣ (городамъ), Витте не **даетъ ни копѣйки — землѣ**, и отъ нея ждетъ средствъ.

По почину Государя, въ 1901-мъ году созывается **Особое Совѣщаніе** Сельско - Хозяйственной Промышленности *). Витте организуетъ его добросовѣстно, но ставка его на либерализмъ провинціи срывается; до 600 комитетовъ говорятъ одно дѣло (о «конституціи» проговорились всего 8 комитетовъ). Комитеты консервативны; просятъ: уничтоженія общины, перехода къ единоличному владѣнію, кредита, разселенія, переселенія и проч. На величайшій актъ Государя — призывъ мѣстныхъ людей—сельская Россія даетъ рѣшающій и продуманный отвѣтъ. Началась сводка капитальнаго труда. Особое совѣщаніе работаетъ въ комиссіяхъ и подходитъ къ выводамъ...

Государю была необходима такая помощь, Онъ ждетъ ее съ мѣстъ, проявляя громадный интересъ. Какъ въ освободительную реформу Александра II, какъ въ эпоху мѣстной реформы при Александрѣ III, такъ и въ эту эпоху, — Петербургъ —

---

*) Пишущій эти строки жилъ 35 лѣтъ въ деревнѣ, былъ предвод. двор., участникомъ земства 22 г., почетнымъ судьей 18 лѣтъ, выборщикомъ въ Гос. Совѣтѣ отъ дворянства 11 лѣтъ. Въ 1901 году состоялъ членомъ двухъ уѣздныхъ комитетовъ и Саратовскаго губернскаго и вызванъ былъ Витте для участія въ Особомъ совѣщаніи и трехъ комиссіяхъ. Комиссіи финасовая и по реформѣ крестьянскаго банка (по моему докладу), заканчивая 6 мѣсячную работу, были закрыты управ. земск. отдѣломъ Гурко, по распоряженію Плеве, согласно Высочайшаго повелѣнія.. Почти всѣ доклады и журналы вывезены мною изъ Россіи.

общество и бюрократія — вмѣшиваются двумя теченіями. Одни находятъ отвѣты комитетовъ слишкомъ консервативными, другіе — либеральными. Чиновный Петербургъ возмущается — какъ смѣетъ провинція указывать! Начинается вѣдомственная, подпольная борьба и интрига. Плеве подозрѣваетъ Витте. Витте его ненавидитъ. Два клана борются два года и якобы консервативное теченіе беретъ верхъ. Плеве **испрашиваетъ повелѣніе остановить работы Совѣщанія — и на нихъ ставится крестъ.** Труды Комитетовъ сданы въ архивъ.

Государю неоткуда знать правды, т. к. сводка трудовъ — **неготова,** а самый процессъ Совѣщанія Ему представленъ, какъ опасный шагъ со стороны Витте...

Историческій и важнѣйшій актъ Государя — созывъ Комитетовъ — сорванъ! О немъ нарочно забудутъ до 1917 года, и будутъ дѣлать видъ забвенія до сихъ поръ.

Полно, или не полно созванная, но страна, въ числѣ до 50 тысячъ мѣстныхъ людей и крестьянъ отвѣтила Государю, показавъ свой разумъ и вѣрность. Община была наканунѣ конца, а бюрократія и общество ее опять отстояли — для 1905 и для 1917 года...

Злорадно смѣялся Витте и его свѣтскіе друзья.. радовались нѣмцы...

Этого мало: на волю Государя былъ сдѣланъ походъ, и кампанія оппортунистовъ чиновниковъ, понынѣ здравствующихъ побудила Плеве испросить **Манифестъ 26-го февраля 1904 года,** которымъ община и неотчуждаемость надѣла и затрудненіе выхода изъ общины и переселенія — подтверждались и закрѣплялись...Это былъ ударъ вѣдомствен-

ный **по Витте,** отразившійся на работѣ всей мѣстной Россіи, ничего съ Витте общаго не имѣвшей...

И лишь въ 1907 году, первый послѣ Александра I Государь рѣшается сломить общину и даетъ свободу дѣйствія Столыпину. Община надломана, но не сломана. Законъ о собственности еще не проведенъ, но вводится единоличное хозяйство.

На этотъ законъ общество отвѣчаетъ такъ: все радикальное общество, бывшее въ 80-хъ годахъ **за** индивидуальное право становится **противъ** Столыпина. Враги Россіи поняли, **что община основной успѣхъ и ключъ революціи.** Поняли и зарубежные враги, что при объявленіи всей земли личной собственностью ея пользователей — народъ въ десять лѣтъ окрѣпнетъ, будетъ непобѣдимъ. Начался второй походъ, и Столыпина убили.

Его послѣдователи не имѣли ни энергіи, ни разума быстро и энергично закончить эту главную реформу Государя, подымавшую всѣ силы народа и хозяйства и страховавшую отъ всякихъ революцій.

III.

Оглядываясь на истекшее пятидесятилѣтіе, можно показать, какъ прикованное къ землѣ сельское населеніе постепенно оскудѣвало, какъ съ наступавшимъ недомоганіемъ падали нравственность и порядокъ. Еще недавно крѣпкое духомъ и совершенно покойное населеніе развращалось. Наступило оскудѣніе и съ нимъ пьянство, ропотъ и развитіе легендарной лѣни....

Радикальное общество это видѣло, и не касаясь экономическихъ причинъ, отстаивая общину, твердило о спасеніи — въ конституціи, сознавая,

что именно въ общинѣ народится деревенскій бунтъ, безъ котораго городская вспышка, какъ въ 1905 году, будетъ безрезультатна. Отсюда — борьба и ненависть къ Столыпину, рядъ покушеній и убійство. Отсюда ненависть къ помѣстному дворянству, знавшему правду.

Но не этимъ однимъ исчерпывается исторія отношеній общества ко всѣмъ начинаніямъ Государя Николая II: въ знатныхъ верхахъ Петербурга издавна повелась борьба противъ всякихъ «новшествъ» и земельныхъ реформъ; борьба противъ переселенія, разселенія, противъ развитія земельнаго и иныхъ кредитовъ. Владѣльцамъ латифундій, живущимъ въ Петербургѣ (изъ 36 мил. десятинъ двор. земли 700 владѣльцевъ имѣли 20 мил. ліоновъ десят.) нужны были **сельскіе рабочіе и дешевыя руки.** Это корень ихъ интересовъ, а послѣдствія паденія общины — переселеніе, разселеніе и пр. сократило бы многочисленную и дешевую рабочую силу. Отсюда многолѣтняя защита общины въ Государственномъ Совѣтѣ и въ составѣ бюрократіи.Отсюда пренебреженіе къ помѣстному дворянству,уѣздному земству и Особому Совѣщанію. Отсюда скрытое недоброжелательство къ Столыпину. Отсюда издавна чинимыя всякія препятствія переселенію, разселенію и проч. За двадцать лѣтъ Государственный Совѣтъ восемь разъ высказывается противъ земельной реформы и переселенія, и министерство Внутр. Дѣлъ ведетъ переселеніе спустя рукава и **само** же своимъ земскимъ отдѣломъ*) въ теченіи 20 лѣтъ тормозитъ его.

Безземельная интеллигентная бюрократія мыс-

*) Особенно упорно отстаивали общинное начало и тормазили, переселеніе управл. 30. — Стишинскій и Гурко.

литъ по руководству радикаловъ, за общину; она безразлична къ сельской жизни или ничего не смыслитъ и прислуживается передъ знатью во имя карьеры....

Такъ длилась при трехъ Государяхъ защита соціалистической крѣпости — общины. На долю Государя Николая II выпало покончить съ ней. Его лучшій министръ былъ снятъ съ пути, и нерѣшительно надломленная община продолжаетъ нести свою службу врагамъ рода человѣческаго, умерщвляя чувство собственности, права и труда.

Нельзя, однако, не предвидѣть, что надломъ въ роковомъ общинномъ началѣ, совершенный съ опозданіемъ на полъ-вѣка Государемъ Николаемъ II, и очевидность выгодъ хуторского и личнаго владѣнія не пройдутъ даромъ, и въ той же **общинѣ** самотокомъ забродитъ природное и непобѣдимое ничѣмъ чувство собственности и личности, и въ ней же наперекоръ всѣмъ идилліямъ однихъ и подлымъ умысламъ другихъ, будутъ пущены корни народнаго непреодолимаго желанія къ свободѣ, труду и личному достатку. Рано или поздно **народъ самъ** разобьетъ общину... если, что будетъ неудивительно, не покончатъ съ нею сами соціалисты большевики введя институтъ собственности.

Въ исторіи «расхищенія Самодержавія» примѣръ упраздненія работъ Особаго Совѣщанія 1901 года и сокрытія отъ Государя правды—одинъ изъ разительныхъ. Показателенъ онъ и въ смыслѣ той пропасти, которая залегла между землей и городомъ. То былъ первый за сто лѣтъ голосъ земли и Петербургъ заглушилъ его отъ Царя — по «вѣдом-

ственнымъ» соображеніямъ и по духу злой интриги, царившей въ обществѣ.

Что была для бюрократіи Россія? сельское хозяйство?... Жизнь текла мирно. Деньги нужны были для убыточной промышленности, на уплату процентовъ займовъ, на скрѣпленіе Европейскихъ сношеній. Община лежала грузомъ на главномъ сельскомъ производствѣ страны, грузомъ на свободѣ труда, **на всемъ государственномъ хозяйствѣ... мы** отставали **только** ради нея...*) и полъ вѣка, бюрократія изъ за оппортунизма и лѣни, а общество, по злому умыслу оберегали это сокровище, доказывая Монархамъ важность сохраненія фискальнаго аппарата, славянское ея начало, отсутствіе средствъ для земельной реформы, недостатокъ межевыхъ чиновъ и прочее.

Возможенъ вопросъ: но оба Государя не могли не знать доводовъ противъ общины? Знали, и оба стремились начать реформу, но каждый разъ дружный хоръ бюрократіи авторитетно убѣждалъ: о несвоевременности «ломки» строя,объ опасности отъ будущаго пролетаріата, опасности сокращенія рабочихъ рукъ на мѣстахъ въ имѣніяхъ, о невозможности перехода на частное владѣніе за отсутствіемъ кадастра... а, главное, за недостаткомъ средствъ, для осуществленія этой «грандіозной» реформы! Въ эпоху освобожденія крестьянъ, подъ знакомъ отсутствія кадастра и межевиковъ, торопливо строилось на общинѣ освобожденіе крестьянъ, (см. Кошелева, Н. Семенова — труды редакц. комиссій) и

---

*) Никто не хотѣлъ видѣть общей картины, какъ сто миліоновъ крестьянъ, не имѣвшихъ права ни продать, ни заложить, ни купить крестьянской земли, ни получить откуда либо кредита, сидѣли 35 лѣтъ прикованные закономъ безъ всякаго движенія!

борьба около общины шла до 1905 года, когда вредъ ея сталъ очевиденъ, а «земля» стала лозунгомъ революціи. Цѣною крови рѣшилась участь общины, но враги государства спохватились и начали вновь ее защищать и возстановлять.

За посягательство на общину палъ Столыпинъ, и началась спѣшная подготовка къ 1914 году...

Но взявъ на себя правильное устройство хозяйства сельскаго населенія закономъ 1907 года, Государь Николай II не останавливался уже ни передъ чѣмъ, чтобы довести его до конца въ свое царствованіе.

Интернаціоналъ отвѣтилъ Ему войной и революціей...

Судьба Россіи рѣшалась на поляхъ посѣвовъ и въ неоглядныхъ степяхъ **сознательно забываемыхъ бюрократіей и обществомъ...**

IV.

Съ критикой бюрократіи слѣдуетъ быть осторожнымъ. Она существуетъ вездѣ и развитіе бюрократическаго духа въ республиканскихъ странахъ несравненно значительнѣе, чѣмъ въ монархическихъ, да и огульное нападеніе на бюрократическій строй прежде всего безсмысленно.

Однако, въ исторіи нашей бюрократіи есть свойства, совершенно отличныя отъ другихъ странъ...

Наша столица, будто нарочно занесенная на край страны — скапливала въ себѣ совершенно особый слой общества; привилегированный, замкнутый, неподвижный, но оказавшійся неотвердѣлымъ. До половины XIX вѣка слой этотъ исходилъ изъ дворянства. Земля «изъ службы еще не выходила», но съ половины вѣка, всякая живая связь

бюрократіи съ подлиннымъ помѣстнымъ дворянствомъ утрачивается и въ рядахъ бюрократіи оказалось огромное большинство недворянъ или дворянъ безземельныхъ. Бюрократія, совершенно пренебрегая интересами перваго сословія, какъ сельскихъ хозяевъ, продолжаетъ существовать подъ знакомъ этого сословія и предусмотрительно старается,когда это выгодно,это подчеркивать,а когда надо — отрекается отъ него. Петербургская чиновная и придворная бюрократія играетъ все время **двойную** игру, она составляетъ издавна особый классъ, и связываясь кое какими нитями съ мѣстами, пользуется при случаѣ дворянствомъ, не неся передъ нимъ никакой отвѣтственности... и своей экономической политикой приноситъ ему вредъ... Отсюда — ложное, маскированное положеніе бюрократіи и передъ Царемъ и передъ дворянствомъ, и передъ интеллигенціей, съ которой она, за малымъ исключеніемъ, съ 1905 года **составляетъ одно цѣлое.**

Весь XVIII и XIX вѣкъ служилый классъ авторитетенъ въ народѣ - непоколебимымъ обаяніемъ самодержавной власти. Раньше, при малочисленности мѣстной бюрократіи, **страна жила предоставленная сама себѣ,** и западная «культура» начинаетъ въ нее вводиться лишь съ проведеніемъ почтъ, телеграфа, сообщеній и сношеніями съ центральными вѣдомствами.

Съ этой эпохой совпадаетъ и оскудѣніе центра...

Бюрократія изъ Петербурга начинаетъ **вмѣшиваться** въ жизнь страны по западнымъ методамъ. Вмѣшиваться за счетъ былой свободы и значенія мѣстной власти и авторитета провинціи. Съ этой

эпохи прямого вмѣшательства должна возлагаться **на бюрократію полная отвѣтственность за ходъ исторіи.**

Бюрократія, ревнивая къ вліянію земства, беретъ на себя задачи опеки надъ народомъ, но выполнить своихъ цѣлей не можетъ, не имѣя ни силъ, ни знанія, ни патріотизма, ни сплоченности. Цѣль— оевропеить русскихъ и обрусить окраины, провести начало капитализма, и одновременно сохранить общину и «кое что» бытовое — создаетъ хаосъ понятій, и жизнь народа все глубже запутывается. Условія, этно- и географическія, и соціальныя нашей страны такъ неимовѣрно различны съ другими странами, что всѣ западническіе пріемы и трафареты не оставляютъ никакихъ слѣдовъ въ жизни народа. Дѣлается **не то, что надо,** и Россія Державина и Гоголя остается все той же, только здоровый духъ ея быстро утрачивается.

Если кто и работаетъ удачно, то только уѣздное Земство.

Имѣя въ своей средѣ до второй половины вѣка цѣлый рядъ крупныхъ государственниковъ одной школы и круга, и продолжая опираться лишь на авторитетъ Царя, бюрократія была въ силахъ творить и помогать Государямъ, медленно, но идти впередъ. Со второй половины вѣка, физіономія бюрократіи рѣзко мѣняется, численно растетъ и въ близкіе круги около Монарха вливаются новые элементы, типа интеллигентскаго, безцензоваго, наемнаго. Служба «не за страхъ, а за совѣсть» смѣняется въ частыхъ случаяхъ службою за страхъ и противъ совѣсти. Мелкіе хищники — городничіе смѣняются финансовыми хищниками центра.

Бюрократія беретъ на себя больше, чѣмъ можетъ и смѣетъ: она упорно держится Царскою властью, но начинаетъ присваивать Ея прерогативы въ мелкихъ вопросахъ, создавая свои чиновно абсолютныя права, злоупотребляя Царскимъ именемъ и цѣлой системой **«расхищенія Самодержавія»** постепенно размыкаетъ власть отъ народа. Ни въ одномъ случаѣ, до самаго 1917 года, бюрократія не сознаетъ публично своихъ ошибокъ, **слагая каждое свое дѣйствіе** на Высочайшую волю, и опираясь на эту волю, ищетъ опоры и въ обществѣ, не сознавая измѣннической сущности такой игры.

Отсюда создается право справедливаго осужденія нашей бюрократіи....

И теперь, когда по сравненію съ творящимся въ Россіи былая бюрократія морально кажется идеальной, это право обвиненія остается въ полной силѣ и выростаетъ, такъ какъ дѣйство правящаго класса послѣднее пол-столѣтіе неукоснительно влекло къ совершившемуся. Историкъ долженъ будетъ лишь строго различать эпохи и личный составъ чиновнаго класса этихъ эпохъ.

Замыкаясь и ревниво оберегаясь отъ чьего - либо вліянія извнѣ на Власть — бюрократія сама, безъ «мѣстной» помощи справиться съ хозяйствомъ и съ порядкомъ управленія не можетъ и мѣняетъ то и дѣло курсъ политики истерически...

Самоувѣренно утверждая, что «l'Etat, c'est nous», классъ этотъ даетъ въ иныхъ случаяхъ право называть Самодержавный строй — бюрократическимъ, и радикалы бьютъ въ слабыя мѣста не бюрократію, а Власть и осуждаютъ не бюрократію, а строй, связывая дѣйствія чиновниковъ съ волею Монарха. Бюрократія отталкиваетъ отъ себя и привержен-

цевъ Монархіи, видящихъ расхищеніе Царской власти, и укрывательство за ней — не рѣдко беззаконія и попустительства. Составъ бюрократіи къ XX вѣку играетъ рѣшающую роль. Начиная съ нѣкоторыхъ придворныхъ и кончая канцеляріями, въ среду правительства допущенъ входъ ряда авантюристовъ и массы либеральной интеллигенціи. Въ 1905 году, чиновники смѣшались съ улицей, и смычка съ обществомъ становится физической. Еще недавно, гордая и **независимая бюрократія и общество, нападающее на бюрократію, составляютъ одно,** — объединяясь въ гостинныхъ, канцеляріяхъ, ресторанахъ и на улицѣ. Военное общество сливается съ гражданскимъ и многіе мыслятъ съ нимъ за одно. **Подъ видомъ** борьбы, къ 1917 году общество сливается съ бюрократіей.

Съ конца 1890-хъ годовъ, своей двойственностью, своей видимой для всѣхъ, мелочной, мѣстнической,внутри вѣдомственной и съ провинціей борьбой — правящій классъ самъ даетъ право себя порицать и не щадить... и не умѣя защитить ни себя, ни Власти, во имя самозащиты, нападаетъ на Власть.

Облагораживая служилый классъ, встаетъ фигура Столыпина, защищающаго жизнью Царя и Россію, и тѣмъ ярче для исторіи выступаютъ безцвѣтныя тѣни остальныхъ...

Нашъ правящій классъ, не въ примѣръ всѣмъ другимъ странамъ, **всѣмъ** обязанъ Государямъ: почестями, арендами, пенсіями, заботливымъ расположеніемъ Монарховъ, и мы уже знаемъ, какъ въ 1917 году заплатитъ имъ за это знать и бюрократія.

И тѣ нѣсколько консерваторовъ, которые выступаютъ въ слабо читаемой консервативной печа-

ти, видя ходъ событій къ распаду — до 1900 года отстаиваютъ силу правительства, вѣрятъ еще въ нее, но, убѣждаясь съ этой эпохи въ его безсиліи, оппортунизмѣ, попустительствѣ, ошибкахъ и въ непризнаніи здоровыхъ желаній и мыслей крестьянъ и мѣстныхъ людей, а главное въ неспособности защитить Монарха и строй, самые благонамѣренные **вынуждены** на выступленіе противъ бюрократіи, и этотъ классъ, по своей винѣ, теряетъ послѣднихъ защитниковъ. Теряя авторитетъ, не имѣя корней въ народѣ, бюрократія сдвигается въ сторону радикаловъ.

Щадитъ правительство и осторожно въ своихъ обвиненіяхъ, во имя вѣрности къ Монарху — одно помѣстное дворянство, но и его голосъ будетъ и замолчанъ и заглушенъ, тѣмъ же ревнивымъ правящимъ классомъ...

Бюрократія не даетъ сомкнуться силамъ, вѣрнымъ Государю...

Нельзя отрицать, что какъ въ обществѣ, такъ и въ бюрократіи были люди выдающіеся по труду и знанію. Такіе были, держась старыхъ традицій, оставаясь до конца неподкупными и твердыми. Были и трудоспособные и достойнѣйшіе... но съ 1900-хъ годовъ «вѣрный» типъ чиновника уходитъ въ тѣнь, старѣя, не умѣя догнать запросовъ новаго времени и не сочувствуя политикѣ авантюризма и начавшемуся метанью изъ стороны въ сторону...

Въ переднихъ рядахъ Петербурга, не составляя сплоченнаго ядра, оказываются новые люди. Это даже не классъ, а галерея мѣняющихся во имя карьеры чиновниковъ. Кланяясь на обѣ стороны, и консерватизма и либерализма, стараясь угодить

всѣмъ и не угождая никому они дѣлаютъ политику. Однако дѣлать политику, **безъ преемственнаго плана** не удалось; за политикой стояла исторія, которая считалась только съ Монархомъ. Пути же исторіи всячески загромождались бюрократіей и обществомъ, и исторія, неизбѣжно, должна была въ 1905 году временно остановиться.

Новый **приростъ къ бюрократіи — парламентъ** усилилъ централизацію, подорвалъ авторитетъ и живую силу Монархіи — нагроможденіе усилилось, и уже съ 1905 года Россія, не имѣя защитниковъ закона, была брошена на путь развала.

Для однихъ — бюрократія конца XIX вѣка — «стѣна», отдѣляющая Власть отъ народа, для другихъ, — стѣна, ее ограждающая, окажется плетнемъ, черезъ который шагнетъ общество — улица, чтобы покончить съ Царской властью. Тоже общество въ 1917 г.; дастъ «вторую» свою бюрократію —, правящую уже безъ всякой совѣсти и разума, во имя революціи. Эта бюрократія не сумѣетъ ни властвовать, ни управлять, ни сопротивляться, засядетъ въ Зимнемъ дворцѣ подъ защиту женскаго батальона и кадетъ, и безслѣдно исчезнетъ за границей.

Послѣдняя попытка возрожденія бюрократіи, въ тылахъ бѣлыхъ и иныхъ армій, тоже безсильна; общество не сумѣетъ взять власть, ни въ Уфѣ, ни въ Омскѣ, ни въ Ригѣ, ни въ Архангельскѣ, ни въ Крыму, найдя описаніе своихъ дѣлъ въ лѣтописяхъ Гинца, Будберга, Сахарова и прочихъ. Отъ этихъ описаній вѣетъ безысходной бездарностью общества, осмѣливавшагося думать, что можно вернуть и спасти Россію — безъ Царя.

Старая бюрократія окажется за рубежомъ и не

объединенная, не подастъ авторитетнаго голоса въ средѣ нѣкоторыхъ сочувствующихъ старой Россіи странъ... Западъ не признаетъ вѣса бывшаго правящаго класса, доказавъ тѣмъ, что міръ считался съ нами только черезъ Монарха.

Съ конца XIX вѣка бюрократія и общество составляютъ одно цѣлое. Тотъ же духъ, тѣ же интересы, тѣ же нравы, создаютъ полное органическое сліяніе. Борьба съ Думой и обществомъ была комедіей, и если Дума за десять лѣтъ была неспособна дать ни одного творческаго закона, кромѣ переворота 1917 года, то и правительство кромѣ Столыпина, не только не дало ничего сильнаго и планомѣрнаго, но не выдвинуло ни одного сколько - нибудь сильнаго оратора или защитника строя, въ противовѣсъ обвиненіямъ общества и Думы, падающимъ на голову Монархіи. Бюрократія не отведетъ этихъ ударовъ и не приметъ ихъ на себя...

Правящій классъ, на который опирался Государь Николай II, оказался безсильнымъ и невѣрнымъ.

V.

Въ 1857 году въ Россіи было въ обращеніи: серій казначейскихъ на 88 милліоновъ рублей; кредитныхъ билетовъ — 740 милліоновъ рублей и вкладныхъ, размѣнныхъ безъ курса, ходившихъ какъ деньги знаковъ — одинъ милліардъ р., и золотой монеты 600 мил. р., а всего около 2-хъ милліардовъ денежныхъ средствъ, при бюджетѣ въ 257 мил. р. и при совершенно ничтожныхъ податяхъ.

Наличное обращеніе должно было прогрессивно увеличиваться. Народъ былъ **сытъ и богатъ.** Промышленность удовлетворяла потребность 75

милліоновъ населенія. Долговъ у государства — не было.

То было въ крѣпостную зависимость, при ненавидимомъ интеллигенціей и западомъ Государѣ Николаѣ I и Александрѣ II.

Канкринскую **систему** и хозяйство Государя Николая I смѣняютъ новаторы - западники школы къ которой позже принадлежалъ Витте.

Съ 1859 года вкладные билеты конвертируются, т. е. ходячія деньги обращаются въ банковые билеты, при цѣнѣ 75 р. за 100. Курсъ начинаетъ устанавливать **биржа,** и бумагой этой уже расплачиваться нельзя, а можно было **торговать, т. е. играть.**

Изъ обращенія изъятъ милліардъ рублей. Введенъ «либеральный» таможенный тарифъ. Изъ **заграницы** начался наплывъ дешеваго товара, а за границу ушло все золото. Бумажки стали жечь (въ 1858 году кред. бил. было на 735 м., въ 1864 году 617 милліоновъ).

Денежное обращеніе съ 2 съ половиной милліардовъ доведено до 750 милліоновъ.

Результаты: сельскіе хозяева разорялись. Крестьянство стало нищать, попавъ въ руки кулаковъ и фискальныхъ агентовъ. Государство ослабѣло и постепенно впадаетъ въ **неоплатные** долги. Цивилизація выродилась въ фасадъ, въ комедію, въ **ростъ города** — съ размноженіемъ въ немъ теаристократіи и плутократіи. Власть начинаетъ терять популярность. Самоуправленіе безъ денегъ.хирѣетъ... Въ завершеніе звѣрское убійство Царя 1-го марта.

Съ этихъ лѣтъ, управленіе Россіи становится въ зависимость отъ **биржи,** а жизнь страны въ за-

висимость отъ Европы. Въ прорубленное Петромъ окно, просунулись головы кредиторовъ, спекулянтовъ, банкировъ, колонизаторовъ, завистниковъ и всѣхъ, кто смотрѣлъ на нашу страну,какъ на источникъ наживы, грюндерства, захвата и легкаго грабежа.

Императорскій періодъ оканчивается пріобщеніемъ насъ къ Западу. Разгородившись зачѣмъ-то Уральскимъ хребтомъ на двѣ Россіи, мы подлинно становимся **частью** Европы и вступаемъ въ семью «великихъ» державъ и демократій, воспринявъ и войдя въ міровой товарообмѣнъ и **золотое** обращеніе. Бюрократія всѣми своими вѣдомствами смиренно подчинилась министру финансовъ, золотому тельцу, и составивъ и замкнувъ звено, мы выпутаться изъ золотой цѣпи не можемъ.

При такихъ новыхъ и сложныхъ направленіяхъ, въ горячій періодъ европеизаціи Витте, на царство вступаетъ юный Государь, и почти черезъ тридцать лѣтъ богатѣйшая страна, имѣющая **все свое,** способная при нѣкоторомъ усиліи завалить Европу сырьемъ и учетверить золотой запасъ, сократить ввозъ — оказывается съ крупнымъ долгомъ. На робкія одиночныя просьбы помощи главному хозяйству — сельскому — Витте отвѣчаетъ отказомъ, не даетъ ничего, и отдаетъ все на фасадъ — индустрію, не дающую на экспортъ — ничего.

Хозяйство бюрократіи за 30 лѣтъ привело къ такъ называемому **оскудѣнію** и въ этомъ повиненъ не одинъ Витте, а весь правящій классъ, окружающій Государя. Ни одно вѣдомство, ни одинъ сановникъ, ни общество, ни Дума, ни печать не протестуетъ противъ этой политики: золото грѣетъ. Общество требуетъ «культуры», и мы «догоняя» Европу

втянуты въ цивилизованный міръ цѣною долговъ и убыточныхъ договоровъ. Войдя въ акціонерную семью биржевой Европы, мы осуществили западную идеологію — «града земного»... но за то теряемъ свою независимость, свободу, силу и многое иное... impera quia sunt divisi—девизъ бюрократіи...

Могъ ли молодой Государь бороться противъ теченія, рубить причалы и давать ходъ назадъ?

Могъ бы, отвѣтимъ мы, еслибъ около Него былъ бы кто нибудь русскій, сильный, и если бы съ нимъ было общество. Но мы знаемъ, что съ Государемъ не было никого...

И осуждать прошлое нужно, т. к. не будь этого прошлаго, не было бы настоящаго, и въ прошлыхъ ошибкахъ неповинны лишь двѣ силы: **Царь и народъ деревенскій.** Все же остальное поголовно повинно. Противъ одинокаго Государя и слѣпого въ политикѣ народа пошелъ стѣной «золотой телецъ», и борьба съ нимъ оказалась Государю не по силамъ. Западный культъ мѣшка съ золотомъ заслонилъ самосознаніе общества. «Чекъ» сталъ девизомъ міра кромѣ Африки, Китая и закабаленной Индіи...

Прежній Царь не былъ никому обязанъ. Современный Императоръ обязанъ передъ западомъ, не имѣя въ странѣ ни въ комъ иной опоры и сознавая экономическую слабость народа.

И на самомъ дѣлѣ у французовъ — épargne—у нѣмцевъ —Sachwert—, у насъ при общинѣ народъ бѣденъ и запасовъ — нѣтъ.

Въ Россіи были два Государя, не считавшіеся ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ: Иванъ IV и Петръ, и очевидно, что послѣдній, увидавъ куда мы лѣземъ и

какъ поняли его желаніе поднять Россію господа Витте, Абаза и Рафаловичи, Туганы и Озеровы и проч., — разорвалъ бы въ клочья всѣ планы финансовыхъ авантюристовъ и всѣ договоры и приказалъ бы всѣмъ отпустить бороду, а на границу выставилъ-бы 5.000.000 штыковъ. Возможно, что и г. Витте и иные прочіе болтались бы на висѣлицѣ, а многіе сановники и депутаты были бы биты батогами... И кто знаетъ—не одѣлъ ли бы Петръ I вновь бармы и шапку Мономаха;и тремя словами:«Я Царь Россіи» не остановилъ ли бы вакханалію общества, доведшую до 1917 года — и не наказалъ ли бы онъ тѣхъ —и прежде всего старыхъ друзей нѣмцевъ — у кого учился «мѣщанству» ,не догадавшись, что учителя потребуютъ расплату натурой,т. е. русской землей, которую онъ паки любилъ...

Признаемъ, что Государь Николай II не имѣлъ силы Петра I. Не имѣлъ и людей вѣрныхъ и послушныхъ, какими были современники Петра.

Но было и иное: время не причемъ, и появленіе такой силы какъ Петръ, свѣтъ еще можетъ увидѣть. Но Государь нашъ слѣдуетъ завѣтамъ благородства прѣдковъ; они щадятъ даже врага: входя въ Парижъ и Берлинъ, щадятъ Францію и спасаютъ Германію. Не сходясь во имя гуманности съ Наполеономъ, Александръ I не идетъ на уничтоженіе Англіи. Видя смуту внутри Россіи Государи не мстятъ, и не давятъ враговъ ,ограничиваясь единицами осужденныхъ...

Государь Николай II несетъ Корону благородныхъ и на ломку, по примѣру своего великаго дерзновеннаго предка не пойдетъ, да и одинокій не можетъ помыслить — бороться съ силой Европы. Онъ идетъ **по теченію**, вѣря въ культурное начало міро-

вого движенія, вѣря въ порядочность общества и стойкость народа...

Государь полонъ желаніемъ благоденствія народа, идетъ навстрѣчу **культурнымъ** начинаніямъ своихъ министровъ и общества и щадитъ и прощаетъ ошибки.

Правда, сельское населеніе при общинѣ и при отсутствіи всякаго кредита хирѣетъ. Правда — въ средѣ народа не существуетъ трудоспособнаго Mittel Stand'a и отсутствіе техническихъ силъ трудовой интеллигенціи даетъ себя знать на количествѣ и качествѣ производства. Правда — покупательная способность народа ничтожна...,но Государю глубокомысленно доказывается, что по «финансовымъ и экономическимъ законамъ», а главное, по политическимъ соображеніямъ — мы иначе уже не можемъ, какъ продолжать строить громадное зданіе modern, капиталистическаго хозяйства; Государю доказываютъ, что участіе въ міровомъ хозяйствѣ къ тому обязываетъ... обязываютъ валюта, биржа, долги, и что къ «варварской» системѣ Николая I вернуться немыслимо. И самодовольный и малообразованный правящій классъ, слѣпо подчиняясь вожаку Витте — на деревянныхъ лѣсахъ и соломеннной подстилкѣ хирѣющей деревни, замирающей въ общинѣ — продолжаетъ **торопиться** достроить храмъ западнаго капитализма. Витте имѣетъ за себя всю знать, печать, банки, биржу, тьму иностранцевъ, все купечество, все еврейство, всю интеллигенцію и все до низу общество, служащее черезъ этого сановника «князю міра сего». Надо удивляться той смѣхотворной, дикой «отчаянности», съ которой, на перекоръ праву, смыслу и стихіи, безъ фундамента, **безъ плана,** Вит-

те ведетъ эту стройку. И все было бы нормально и цѣлесообразно и необходимо, если бы былъ **планъ** и въ первую очередь было бы сдѣлано все, **для забытаго и пренебреженнаго сельскаго хозяйства** и безправнаго крестьянства. Тогда никакіе эксперименты не были бы страшны...

Этого то главнаго правящій классъ не дѣлаетъ. Фасадъ европейскаго образца растетъ, и какъ нелѣпый будетъ сдунутъ первымъ вѣтромъ солдатско-интеллигентскаго бунта и похоронитъ подъ собой строителей. Изъ подъ обломковъ его Ленинъ будетъ за что-то проклинать помогавшую ему бюрократію и буржуазію, а спустя шесть лѣтъ, мы русскіе, любя ходить по краю пропасти, впадаемъ въ другую **крайность** мечтая обрасти чертополохомъ и жить на основѣ натуральнаго хозяйства...

Время не похоронитъ исторіи, ни славнаго, содѣяннаго когда то нашими большими государственными людьми, ни многаго абсурднаго, къ которому стремилось современное общество...

Намъ извѣстно, что Государь зналъ всѣ несовершенства и непродуманность политики своихъ правительствъ, но Онъ былъ безсиленъ одинъ встать противъ нихъ. Онъ все чаще и чаще слышалъ слова: «Нельзя то, и нельзя другое, по политическимъ и международнымъ условіямъ», — а позже, съ введеніемъ парламента, принявшаго цѣликомъ программу Витте и всего радикальнаго общества, всякій отходъ отъ этого курса былъ равносиленъ перевороту, на который Государь не шелъ.

Государь избралъ другой путь. Призвавъ Столыпина, Онъ ввѣрилъ ему передѣлать на здоровое начало частнаго владѣнія весь крестьянскій укладъ жизни.

Первый Императоръ выказалъ эту рѣшимость, и пошелъ открыто на полное осуществленіе свободныхъ правъ и устройства главной силы страны — крестьянства. **Поздно для исторіи — но Онъ сталъ наконецъ на этотъ путь...**

Реформа эта, несмотря на препятствія творимыя частью правящаго класса, и бѣшеный походъ общества въ защиту **общины** могла принять вихревое движеніе. Стандартъ жизни деревни сталъ сразу подыматься, народъ,почуявъ свободу и силу, началъ богатѣть. Черезъ тридцать лѣтъ — съ силой народа собственника сдѣлать было бы ничего нельзя, и выросла бы сила Царя и Россіи....

Это и поняли враги. Спѣшно, въ 1910 году Германія наряжаетъ «комиссію по изслѣдованію хуторскаго хозяйства». Живѣйшій интересъ проявляетъ печать Англіи (1912 годъ). Правительства этихъ странъ освѣдомлены о будущихъ успѣхахъ русскаго народа.

Въ то же время **наше общество подняло всѣ силы противъ реформы и Столыпина.** Рядъ покушеній и его смерть. Послѣ него опять безлюдіе, и темпъ реформы ослабляется... Парламентъ за десять лѣтъ не даетъ ничего своего; онъ тащится за бюрократіей..., а свое онъ дастъ только въ 1917 г.

Государь, вставъ на путь земельной реформы, не отступитъ до конца, ввѣрясь силамъ правящаго класса и парламента. Онъ не можетъ допустить мысли, что силъ этихъ нѣтъ.

Характерно, что слово «собственность» не произносится въ печати. Это право **само собою разумѣется,** хотя слѣва на него ведется походъ, а Русское государственное право о немъ осторожно умалчиваетъ. Въ 1894 г. объ установленіи этого **пра-**

ва смѣло и первое скажетъ Саратовское Дворянство. Въ 1901 году о немъ заговорила **земля** — въ 600 комитетахъ сельско - хозяйственной промышленности. Эти голоса и призывы похоронила бюрократія. Въ 1905 г. 17 ноября, «собственность»—лозунгъ перваго союза земельныхъ собственниковъ (Москва)*). Въ маѣ 1906 года о ней заговоритъ объединенное дворянство, и въ 1907 году это начало проведено въ жизнь Столыпинымъ. Съ этого года **началась новая жизнь страны, —** но благодаря революціи, крестьянству такъ и не удалось до сегодня избавиться отъ «черты осѣдлости» и оно еще болѣе обнищало.—Зато отъ черты осѣдлости освободилось еврейство. Оно наживется и станетъ собственникомъ земель. Это одно изъ главныхъ завоеваній революціи.

VI.

Если не было устройства въ земельномъ во просѣ, то неустройство въ **порядкѣ управленія** отозвалось на царствованіи Государя Николая II не менѣе тяжело.

Петръ I, осѣвъ въ Петербургѣ, лишилъ мѣста самодѣятельности. Екатерина II, то Самодержица, то Императрица, забывала провинцію, усиливая Петербургъ. Напомнилъ о деревнѣ Пугачевъ, имѣвшій на свое несчастье союзниками англичанъ, а не нѣмцевъ. Александръ I забывалъ, что Россію, какъ и въ смутное время, въ 1812 году спасъ не Петербургъ, а живая сила провинціи.

---

*) Въ сентябрѣ 1905 г. сначала въ Саратовѣ, потомъ въ Москвѣ, мною, при содѣйствіи Мельникова и князя Щербатова собраны съѣзды и союзъ землевладѣльцевъ. Въ Ноябрѣ послѣ съѣзда, Государю благоугодно было принять депутацію союза и адресъ съ изложеніемъ экономическаго плана:

Центръ продолжалъ укрѣпляться, пока Александръ II не далъ земства. Но бюрократія, боясь его усиленія и «всякихъ» дворянъ: Жихаревыхъ, Чичериныхъ, Кошелевыхъ, Хомяковыхъ и Кривскихъ — сокращаетъ права земства до филіаловъ министерства, не смѣетъ даже дать «министерства земства»*) — Рядомъ циркуляровъ и закономъ о предѣльномъ обложеніи — обуздываетъ его самодѣятельность вплоть до 1917 года, пренебрегая главной силой — уѣздовъ и давъ выродиться губернскому земству въ злобно - революціонный земгоръ, ничего общаго съ земствомъ не имѣющій.

Мелкой и недостойной была борьба бюрократіи съ мѣстами, вмѣсто задачи совмѣстнаго устроенія Россіи. При этомъ историкъ обязанъ записать, что земство до 1890 - хъ годовъ, было консервативнѣе бюрократіи и какъ мировымъ посредникамъ, такъ и Земству деревня обязана была порядкомъ...

Огромнымъ **преступленіемъ** правящаго класса — ревниваго къ своему вліянію, было отдаленіе Государя отъ общенія съ мѣстными людьми...

Вѣчно живая идея широкаго самоуправленія отбрасывалась, какъ вредная и опасная....

Перечтемъ Голохвастова «Земство въ смутное время»: «Іоаннъ Грозный далъ сѣверо-востоку **земскую** автономію.... и когда воцарился Владиславъ, земская изба, великолѣпно устроенная, съ подоходнымъ налогомъ, кадастромъ, денежными раскладками, богатая, независимая и вѣрная Самодержавію, сговорилась по волостямъ и городамъ, двинула впередъ Минина и покончила съ поляками и во-

---

*) Черезъ Плеве, Его Величеству отъ группы дворянъ мною поданъ проектъ устройства Министерства Земства.

рами, выведя какъ матка династію Романовыхъ и крѣпя ихъ долго земскими соборами».

Примѣровъ много: самоуправленіе... земская Русь... когда то богатѣйшій Псковъ и Новгородъ. Наконецъ самобытная Финляндія... и жажда, жажда хозяйственныхъ людей творить за свой страхъ, но на пользу страны и Государеву, и вотчинниковъ, и торговаго люда, и богатѣйшихъ въ быломъ крестьянъ... Примѣромъ служитъ Сибирь, по счастью забытая, далекая отъ бюрократіи: сколько силъ накопила она, сколько упорства показали тамъ пришедшіе «дряблые» изъ центра люди... По «азамъ», да по «херамъ», не отгораживаясь никакими стѣнами — создавали сибиряки въ глуши степей и тайгъ хозяйскую вольную силу! Всѣмъ нутромъ Россія просила и ждала, назовемъ для краткости — «децентрализаціи». Ждала на мѣста: работу, власть, мѣстное хозяйское законодательство, торговлю...

Съ 1894-го года одинокіе голоса **требовали** мѣстной реформы*), прихода, укрѣпленія уѣзда,**совѣтовъ** въ губернію или область — при управленіи, контролѣ и общегосударственномъ законодательствѣ центра...

Катковъ писалъ: «Правительство идетъ»..., но оно никуда съ Фонтанки и Мойки не шло, и кончило тѣмъ, что постыдно — ушло....

Если бы въ Петербургѣ было еще ядро, **головка** правящаго центра, который бы шелъ **дружно къ цѣли** и укрѣплялъ Монархію. Но было обратное: на

---

*) Саратовское дворянство по моему докладу 1897., въ числѣ другихъ пожеланій ходатайствовало, о широкой мѣстной реформѣ. Лишь въ 1904 году Плеве по Высочайшему повелѣнію поручилъ мнѣ составленіе законопроекта мѣстнаго уѣзднаго губернскаго и областнаго самоуправленія. Какъ этотъ проектъ, такъ и земельной реформы, оставлены кн. Мирскимъ и Булгакинымъ подъ сукномъ.

протяженіи всей эпохи происходилъ **вѣчный раздоръ вѣдомствъ** и расхищеніе Самодержавія. А мѣстная Россія жила безправная, но творила. Медленно, безъ средствъ казны — шла впередъ. Консервативная, здоровая, она представляла изъ себя главную опору Царскую... но годъ отъ году возставала на бюрократію, отказывавшую ей въ довѣріи **и мѣшавшую** ей развиваться. Безсмысленная оппозиція Тверского земства была единична и сочувствія въ земствѣ не встрѣтила...

Помнилась еще старина, грезилось крѣпкое самоуправленіе Іоанна Грознаго. Вопросъ висѣлъ въ воздухѣ, но никто не смѣлъ его ставить, кромѣ двухъ - трехъ фанатиковъ изъ консервативной печати. *).

У Россіи было два пути: **самоуправленіе** или довершенная централизація бюрократіи — **парламентаризмъ.** Побѣдили общество и бюрократія, возглавляемая Витте.

Онъ и всѣ его послѣдователи предпочитали получать милліардъ съ акциза и дѣлать займы, чѣмъ идти на широкое развитіе производительности труда при самоуправленіи областей.

Централизація довершится Думой и самоуправленіе — похоронено. Какъ и въ вопросѣ общины, бюрократія въ теченіе полувѣка отводитъ Государей отъ этихъ рѣшеній — придвигая событія къ 1917 году...

Въ 1905 году наше общество и западъ торжествовали. Крылья власти и ростъ силъ народа на мѣстахъ были связаны — парламентомъ.

---

*) Въ правой печати о самоуправленіи, и земельномъ устройствѣ съ 1897 по 1912 г. пишутъ: С. Ф. Шараповъ, А. П. Никольскій и Павловъ (Н.).

На ломку строя прародителей Государь не рѣшался: **Императорство по теоріи и государственное право не допускало областного самоуправленія.** Витте доказываетъ (невѣрно), что Самодержавіе даже съ земствомъ несовмѣстимо...

Государь **опирается на систему,** т. к. съ самаго Воцаренія Ему **доносятъ** и доказываютъ о «ненадежности» провинціи. Бюрократія не допускаетъ реформы строя, допустивъ потомъ его крушеніе. Не допуститъ самоуправленія и собраніе поденныхъ депутатовъ, тянущихся къ власти...

Лишь въ 1915*) году Государь сознаетъ всю тяжесть опутавшаго Его центра; Онъ готовъ рѣшиться на переворотъ, но Ему не дадутъ обратиться къ землѣ, зная, что даруй Онъ областныя самоуправленія — власть Его выростетъ и народная Россія не допуститъ революціи. И дѣйствительно первыми послѣ революціи — будутъ защищаться области, удаленныя отъ центра: забродитъ противъ воровской власти Кавказъ, Крымъ, Туркестанъ. Зашевелятся Уралъ,Сибирь и степи. Загорятся возстанія въ кубанскихъ станицахъ... не примутъ коммунизма ни Финляндія, ни Балтика, ни Польша. Бороться будетъ дальнее Поволжье... Въ областяхъ живетъ здоровый духъ; иной, чѣмъ въ омертвѣломъ, обезволенномъ центрѣ.

И мы будемъ ждать, какъ и при Владиславѣ, что подыматься начнутъ изъ бѣды и крови области, а не партіи, и не городу,—а провинціи и деревнѣ выпадетъ честь подъема національныхъ силъ:съ какою частью земляческихъ войскъ сольется на-

---

*) Въ 1915 г., проведя опять проектъ самоуправленія черезъ Сарат. Двор. (и въ Московск. Вѣдом.) я удостаиваюсь вторично представить законъ Государю.

родная сила — говорить еще рано. Но такъ будетъ. И въ укоръ двухсотлѣтнему прошлому — исторія, спустя вѣковой сонъ, природой вещей поворотитъ жизнь на свой ладъ — устроенія **независимой и единой въ своихъ свободныхъ экономическихъ частяхъ Россіи.** Того добьется сила земли, сила земская, земляческая, обманутая и усыпленная Петербургомъ.

VII.

Вернемся къ началу царствованія. Въ ночь убійства Александра II, по улицамъ столицъ не расходилась сплошная толпа вѣрнаго государямъ народа. Государь Николай II помнилъ тотъ день и ночь...

По вступленіи на Престолъ Онъ вникаетъ въ управленіе. Онъ живетъ и правитъ по завѣтамъ отца. Политическое вліяніе на него имѣютъ двое: Побѣдоносцевъ и Витте. Первый—защитникъ старины, и весь неподвижность. Второй — за прыжки въ неизвѣстное. Оба умны, упорны, рѣзки, — но едва ли преданы Государю. У обоихъ законченнаго плана управленія нѣтъ...

Остальное окруженіе — свѣтское, и ни совѣта, ни чувства къ Государю оно въ своемъ большинствѣ дать неспособно. Карьера, развлеченіе, парады, пріемы, протекціи, интриги, личные интересы поглотили чувства свѣта. Старый опытный составъ бюрократіи исчезаетъ. Безличнаго Дурново и немудраго Сипягина, смѣняетъ волевой, умный, до мозга чиновный Плеве. Бюрократія дѣлится на двое: за Витте и за Плеве. Шесть лѣтъ, на виду у всѣхъ, длится эта борьба. Плеве боится самоуправленія. Не любитъ дворянства и земства и не знаетъ деревни. Совѣтами двухъ - трехъ роко-

выхъ для себя и страны*) совѣтниковъ онъ **правитъ** Россіей именемъ Государя. Онъ закроетъ важнѣйшее Особое Совѣщаніе 1901 года и не сумѣетъ разоблачить Шиповскій съѣздъ. Набросаетъ массу проектовъ, и не кончивъ ни одного, вырветъ у Государя Манифестъ 26-го февраля 1904 года*), **укрѣпляющій общину...**

Его ставка на войну неудачна.

Опираясь на департаментъ полиціи, онъ ошибается: департаментъ слабъ и тамъ обманываютъ его и предаютъ Государя г. г. Манасевичи - Мануиловы, Манусы, Зубатовы, Азефы и Гапоны.... — Многіе изъ нихъ близки къ Витте и имъ руководятся...

Со смертью Плеве, не умѣвшаго, какъ позже не сумѣлъ генералъ Треповъ, разоблачить Витте и общественный заговоръ — Витте возьметъ вліяніе и быстро поведетъ Россію на 17 октября 1905 г.

Плеве не успѣваетъ дать ни одной реформы, и во время борьбы этихъ двухъ министровъ — **начинается первое серьезное политическое броженіе.**

Русское дѣло стоитъ: земству ограничиваютъ средства работы. Мѣстной реформы нѣтъ. Власть на мѣстахъ слабѣетъ. Переселеніе безъ движенія. Сельское хозяйство безъ кредита. Водка растлѣваетъ нравы. «Расцвѣтъ» промышленности даетъ себя повсюду знать открытіемъ банковъ и ресторановъ и началомъ небывалаго разгула общества. По желанію Витте нарушеніемъ въ 1897 г. ст. 51 и 52 устава крестьянскаго банка, цѣны на землю взвинчены

---

*) Всѣ начатые и не проведенные въ жизнь Плеве проэкты составлялись Стишинскимъ, Гурко, Штюрмеромъ и другими чинами М. В. Д.

*) Основныя мысли и редакція манифеста составлены Стишинскимъ, Гурко.

втрое и начинается, волнуя народъ, азартъ земельной спекуляціи. Завелись шалыя деньги. Въ городахъ начались рабочіе безпорядки, а въ деревняхъ голодовки, съ набросанными земскимъ отдѣломъ наспѣхъ «временными правилами» по борьбѣ съ голодомъ. Усилились студенческія броженія, и кое-гдѣ бунты на фабрикахъ. Террористическіе акты... и неудачная война.

Твердый курсъ министерства Плеве не далъ ничего. Борьба двухъ вѣдомствъ разжигала страсти и радикальные круги подняли головы. Съ безтактностью, не имѣющей оправданія, все сановничество раздѣлилось въ борьбѣ двухъ министровъ, и ставитъ Государя въ особо тяжкое положеніе. Смута начинается въ Петербургѣ, во время неудачной войны, въ самомъ правительствѣ. Очевидно, что ею пользуются внутренніе и иностранные враги. Во время похода флота Рождественскаго, великія державы дѣлаютъ намъ беззаконнѣйшія препятствія и наше правительство и дипломатія проявляютъ полное безсиліе...

И все же, всѣ эти неблагополучія легко устранимы. Они не вліяютъ еще ни на общее состояніе и богатство страны, ни на замѣтные, хотя и медленные успѣхи хозяйства.*) Отставая отъ Запада, Россія шла впередъ. Никакіе крайніе кризисы не угрожали и нужны были лишь двѣ основныя реформы: мѣстная и земельная.

Желѣзнодорожное строительство развивалось. Промышленность оживала. Даже сельское хозяй-

---

*) Доходы казны прогрессируютъ туго. Лишь съ 1908 желѣзнодорожный доходъ достигаетъ 346 мил. рублей, въ то время какъ всѣ казенные заводы приносятъ лишь мил. р.

ство, лишенное всякой помощи, давало полмиллiарда пудовъ для вывоза.

Недовольство родилось въ столицѣ. Печать его разжигала. Общество злорадствовало на неудачи войны и обстановка мирнаго управленiя страной — казалась **неблагополучной...**

У насъ нѣтъ полной исторiи, какъ подготовлялась война съ Японiей. Дипломатiя была неосвѣдомлена и не внимала докладу Покотилова - Витте, о шагахъ Англiи, Германiи и Японiи. Какъ война 1904, такъ и 1914 года, были провоцированы и наши послы оказались передъ fait accompli Слѣпа была и русская печать. Разжигая внутреннюю смуту, печать и не думала изучать нашего положенiя ни на Востокѣ ни на Западѣ.

Можно ли поставить войну 1904 года въ вину Государю? Довоенныя событiя создавали признаки этой войны. Государь оказался слишкомъ довѣрчивъ къ окруженiю. Онъ обманутъ былъ не только знатными аферистами — Безобразовыми, Абазой и Ко., но и министрами, которые поддерживали этихъ господъ. Большинство министровъ въ совѣщанiи было на ихъ сторонѣ. Возраженiя Витте, Куропаткина и Ламсдорфа не были вѣски, и притомъ политика Витте 1901 - 1904 г г. (Дальнiй и Амуръ) совпадала съ планами Безобразова.*) Государь внимательно слушалъ, обсуждалъ и склонился на сторону большинства — за компанiю на Ялу, создавшую поводъ къ войнѣ....

Уже въ 1904 году около Государя проявляются признаки измѣны; критика и ропотъ общества усиливается. Съ убiйствомъ Плеве, общество

---

*) См. неизданные записки гр. Витте.

ищетъ предлога къ обвиненію Государя. Среди сановниковъ нѣтъ группы, которая бы въ трудную минуту Ему помогла и **доказала,** что никакой опасности для Россіи и строя — нѣтъ.

Витте съ придворными, настаиваетъ на назначеніи бывшаго гусара кн. Святополка Мірскаго. Въ три мѣсяца аппаратъ власти имъ совершенно расшатанъ, и не только этотъ ничтожный министръ, но и все правительство сдается частному съѣзду въ Москвѣ и печати. Правительство объявило «довѣріе» обществу и началась пресловутая «весна» свободы и эра подлоговъ.

На «довѣріе» печать отвѣчаетъ руганью Власти и пропагандой революціи.

Подъ флагомъ земства, частью изъ его среды, явочнымъ порядкомъ, никѣмъ не избранная, выдѣляется группа, созванная въ Москвѣ Шиповымъ (въ числѣ 107 лицъ) — Петрункевичъ, гр. Гейденъ, Родичевъ, Бенкендорфъ, де Роберти, кн. Шаховской, кн. Долгорукій, кн. Трубецкой, Львовъ и пр. Земцы приглашены **безъ вѣдома земствъ** и въ составъ съѣздовъ кооптированы интеллигенты. Это не оппозиція, **а заговоръ,** первое гнѣздо, преемственно давшее 1917 годъ, Родзянко, Гучковыхъ, Милюковыхъ, Керенскаго, Ленина и тоже прочихъ. Этотъ заговоръ организованъ придворными, титулованными, съ вѣдома бюрократіи...

Въ этомъ его интересъ и **глубочайшая предательская сущность.** Мундиры, титулы, два-три предводителя и чиновники защищаютъ строящуюся за ней революціонную организацію и всю интеллигенцію. Они почти всѣ учредители союза Освобожденія и Штутгартскаго журнала Струве — «Осво-

бождение», который клеветнически, жестоко и грубо поноситъ Государя и строй.

Группа эта — самозванная и не избранная земствомъ, созвана явочно, но рекомендуется Государю министрами какъ земская. Предательство многократное. Государь обманутъ и Онъ приметъ у себя депутацію какъ земскую, и лишь этимъ создастся ея авторитетность.

Обманутъ народъ, земство и дворянство, т. к. ни то, ни другое ихъ не избирало и большинство и не знало о происходящемъ. Но хроника и исторія, **скрывъ правду,** наложило тѣнь на участіе въ первомъ заговорѣ и земства и дворянства, и довѣріе къ нимъ Государя этимъ поколеблено.

Въ трагедіи этого подлога есть и комическая сторона. Бюрократія не только не сплачивается въ свою очередь и не протестуетъ и не разоблачаетъ обмана, но министры открываютъ Московскому съѣзду двери министерства, и тамъ, у Чернышева моста, 6-го ноября 1904 года — правительству, а черезъ него и Государю, компаніей самозванцевъ, двумя резолюціями съѣзда ставится ультиматумъ. Резолюціи эти: всѣ свободы, конституція и прочее. Общественность выявляетъ свое полное и грубое политическое невѣжество, договариваясь до сверженія государственнаго строя, т. к. вторая резолюція требуетъ выборовъ на основаніи **всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.** Схема эта еще нигдѣ не принята въ мірѣ. Ео ipso съѣздъ ведетъ къ анархіи, республикѣ и уже въ 1904 году по этой схемѣ могъ бы пройти Ленинъ!

Не споря, не защищаясь, бюрократія осѣла какъ тина. Государственное право упразднялось. Строй свергался въ стѣнахъ министерства въ при-

сутствіи многихъ чиновниковъ, и весь заговоръ и подлогъ остались безнаказанными. Измѣна и ничтожество правительства и бюрократіи — очевидны, и она повторится въ 1915 году въ блокѣ и въ февралѣ 1917 года въ паникѣ министровъ. Государь обманутъ правительствомъ, вступившимъ въ соглашеніе съ самозваннымъ заговоромъ, съ цѣлью свергнуть государственный строй.

Общественность и министры и окруженіе утверждаютъ какъ и въ 1917 году о необходимости переворота, несмотря на то, что страна совершенно спокойна. Неустройство экономическое, вызванное политикой Витте и Плеве устранялось реформами Особаго Совѣщанія 1901 года. Труды его еще не были уничтожены. Острыхъ кризисовъ быть не могло, и государственное хозяйство было устойчиво.

Война при терпѣніи и настойчивости могла кончиться удачно. Не было ничего, что могло бы быть причиной революціи. Народъ былъ повсемѣстно спокоенъ.

Все было ложью въ этой эпохѣ. Лгутъ заговорщики, лжетъ кн. Святополкъ, лжетъ Витте, лжетъ печать, лгутъ и обманываютъ чиновные...

Передъ Государемъ вставалъ вопросъ: кому вѣрить? Все кругомъ Него утверждало необходимость уступить, идти на переломъ исторіи или ввести диктатуру...

Государь остался покойнѣе всѣхъ, Онъ ждалъ полгода и Манифестомъ 18 февраля 1905 года возвѣстилъ будущій созывъ Государственной Думы.

Государь опирается на старую испытанную Императорскую систему управленія, завѣщанную предками, и вѣритъ бюрократіи. Онъ защищаетъ

свое правительство, идетъ навстрѣчу преобразованіямъ... Зналъ ли Государь несовершенства этой системы? Зналъ, но Ему справедливо казалось непреложной и исторія, и государственное право и сила правительства и окруженія. И какъ уже сказано, страна шла впередъ, считалась могущественной, и при богатствѣ были всѣ возможности развивать всѣ производительныя и духовныя силы народа; податного напряженія никакого нѣтъ*).

Историкъ не посмѣетъ обвинить Государя въ ошибочности Его **общаго** взгляда на положеніе и не можетъ отрицать Его права опираться на систему и предоставленіе бюрократіи иниціативы финансоваго и политическаго управленія. Государь считается съ тѣмъ, что передъ 1905 годомъ почти весь правящій классъ въ унисонъ съ обществомъ утверждаетъ неотложную необходимость представительнаго строя.

Провѣривъ всѣ доводы, предоставляя той же бюрократіи ввести новый законъ, Государь въ правѣ ожидать отъ общества признательности; отъ Министровъ — охраненія въ странѣ порядка и работы; отъ Думы — творческаго дѣла.

Государь имѣетъ всѣ основанія полагаться на вѣрность народа и части общества. Онъ не знаетъ, что приверженцевъ защиты Монархіи и Его личности окажется не много, Онъ не знаетъ, что присяга принимается лишь какъ форма службы. Онъ не

---

*) Наши налоги до 1917 г. самые легкіе въ мірѣ. Основной налогъ казны на землю не превышаетъ въ среднемъ 13 к. съ десятины. Земскіе налоги въ среднемъ выводѣ не превышаютъ 52 к. съ десятины. Съ 1913 г. Госуд. доходы съ 2800 милліон. доходятъ къ 1914 г. до 3.500 милл. Прямые налоги всего 270 милліон. Косвенные подняты на 70 милл. Разоряетъ народъ доходъ акцизный — (водка) въ 1913 г. доведенный до 870 милліоновъ и мелочная мошеническая торговля.

допускаетъ мысли, что кругомъ него создаются планы разрушенія, и никто и не мыслитъ о планѣ защиты Власти и Россіи.

VIII.

Наступаетъ 1905-ый — предтеча 1917 года. Вмѣсто признательности и дѣла, общественность и Дума отвѣчаютъ революціей. Заговоръ,натравивъ улицу и рабочихъ, благополучно спрятался. Правительство охранить порядка не въ силахъ, и о спокойной законодательной работѣ нѣтъ и рѣчи. Война неудачна и печать рветъ и мечетъ противъ Власти. Начатъ полный походъ противъ Монархіи. Къ осени революція въ разгарѣ. **Спокойная** до 1905 года деревня начинаетъ въ Поволжьѣ жечь усадьбы (Саратовская - первая)*). Начались: солдатскіе и фабричные бунты. Забастовка желѣзныхъ дорогъ. Но къ октябрю 1905 года революція всюду утихаетъ. Войска вѣрны, и улица легко усмиряется. Послѣ ноябрьскихъ съѣздовъ перваго въ Россіи союза землевладѣльцевъ и монархическихъ организацій въ Москвѣ начинается серьезный ростъ этого движенія.

Но заговоръ не дремлетъ. Со смертью В. К. Сергѣя Александровича, въ окруженіи Государя, кромѣ твердаго Принца А. П. Ольденбургскаго и еще двухъ членовъ семьи у Государя совѣтниковъ нѣтъ. Все окруженіе растеряно. Государю доложено ложно о ненадежности войсковыхъ частей. Преувеличены бунты провинціи. Министры и администрація не умѣютъ справиться даже съ утихающими волненіями, и близкіе къ Государю люди пани-

---

*) Саратовск. губ. въ 1905 выжжена въ усадьбахъ больше всѣхъ. Болѣе всѣхъ пострадали усадьбы либераловъ.

чески требуютъ отъ него полной конституціи и всѣхъ свободъ...

Государь вѣритъ. Не можетъ не вѣрить большинству. Кругомъ Него паника. Онъ не можетъ видѣть доблестную неустрашимость и распорядительность нѣкоторыхъ губернаторовъ какъ В. Ф. Лауница. Ему говорятъ, что правое движеніе вздорное... и бюрократія дѣлаетъ свое дѣло: впопыхахъ, непродуманно, Государю подается къ подписи актъ 17-го октября. Дума и свободы даны.

Но Государь, измѣнивъ текстъ, оставляетъ за собой Самодержавіе.

Въ этомъ рѣшеніи залегъ глубочайшій государственный смыслъ. Государь сохранилъ для будущаго это живое и неумирающее въ Россіи право...

На эту то Его **волю,** немедленно послѣ акта 17-го октября и тогда уже совмѣстно съ международнымъ заговоромъ, (массовый привозъ оружія изъ Англіи, Америки и Франціи) бѣшено отвѣчаетъ послѣдней вспышкой городъ.

Совершенно потерянный Витте передаетъ права управленія Дурново и этотъ хитрый и смѣлый сановникъ, безъ особаго усилія, двумя-тремя военными натисками, подчиняетъ улицу и общество, а деревенскіе бунты, вспыхнувъ въ трехъ губерніяхъ, прекращаются **сами собой.**

Четверо рѣшительныхъ людей остановили бунтъ 1905 года. П. Н. Дурново въ столицѣ, въ арміи Ренненкампфъ, въ Москвѣ Минъ, въ провинціи и въ столицѣ Лауницъ. Послѣдніе оба — убиты.

О «работахъ» г.г. Булыгина и Витте по изданію закона о Думѣ не стоитъ говорить; столь мало онѣ значительны и продуманы. Мало примѣчательно и Петергофское Совѣщаніе 1905 года, доказав-

шее лишь глубокую рознь, робость и неискренность правящаго класса и окруженія. Бюрократія сдалась по всему фронту. Ея престижъ до нѣкоторой степени спасъ случайный сановникъ Дурново, и послѣ него вплоть до 1917 года выступитъ единственная крупная и доблестная личность - министра Столыпина...

Наступившая эпоха Думъ даетъ обычную картину въ исторіи парламентаризма. Если недовольство прежде бродило въ обществѣ, то теперь оно собралось и получило свой дворецъ, свой жертвенникъ-трибуну, около которой возносился всякій злобный, кощунственный вздоръ, заглушавшій единичные голоса разума и дѣла. Работы нѣкоторыхъ комиссій Думы, были почтенны, но пленумы были ристалищами злобныхъ партійныхъ схватокъ и безудержнымъ глумленіемъ надъ правительствомъ. При этомъ послѣднее, кромѣ сильной самозащиты Столыпина проявляетъ полное неумѣніе защитить себя и Власть и не имѣетъ ни убѣжденности, ни ораторскаго дарованія, ни смѣлости.*) **Голоса правительства страна не слышитъ вплоть до 1917 года.**

Подпольная пропаганда смѣняется «законной», изъ Думы. Выборгское воззваніе и иныя выходки кончаются разгонами, выборнымъ закономъ 12 - го іюня и новой Думой, якобы законопослушной.

Однако, какъ ни сильна пропаганда Думы, какъ ни разносится она по странѣ, населеніе, кромѣ общества и рабочихъ не воспринимаетъ ея злыхъ призывовъ. Больше того: интересъ къ ней охладѣ-

---

*) Наиболѣе твердыми министрами эпохи почитались: Рухловъ, Треповъ (А. Ф.), Кассо, Риттихъ.

ваетъ, въ силу какъ бездарности ея лозунговъ, **такъ и глубоко мирнаго духа народнаго.**

Деревня одно время прислушивается къ Думѣ, но съ 1907 года занята новымъ земельнымъ устройствомъ, покупкой земли, благодаря повышенію цѣнъ на хлѣбъ, и налегаетъ на работу. Дума блекнетъ. Надеждъ на ея творчество нѣтъ. Столыпинъ, содержаніемъ своихъ великолѣпныхъ рѣчей почти исчерпалъ программу строительства своего времени и больше его, и глубже сказать было некому. Онъ опасно медлитъ лишь съ широкой мѣстной реформой по причинамъ, о которыхъ сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Съ его смертью Дума становится свободной. Передъ ней задача какъ нибудь существовать, и не быть совсѣмъ забытой народомъ. Она спасти себя можетъ лозунгомъ — революція. По мнѣнію бюрократіи — законопослушная, она окажется на высотѣ довѣрія и русскаго общества и интернаціонала — предастъ Россію...

Въ послѣднюю эпоху царенія, Государь, совмѣстно съ Столыпинымъ, не принадлежавшимъ къ бюрократіи, подымаетъ силы страны. Послѣ 1905 года крестьянство само отвергаетъ мысль о бунтѣ и берется за дѣло. Владѣльческое и крестьянское хозяйство дѣлаютъ успѣхи. Успѣхи эти мѣстами таковы, что хозяева запада могли бы у **насъ поучиться.** Экспортъ зерна достигаетъ милліарда пудовъ *). Не финансистъ Столыпинъ, оставляя преж-

---

*) Нашъ экспортъ 1904 - 1914; средній выводъ: зерна 62% продуктовъ мясныхъ 15%, лѣса 8%, спирта 3%. Т. о. сельское хозяйство даетъ къ вывозу 88%, а изъ остающихся 12 — экспортъ промышленнаго издѣлія не превышаетъ 8%.

Изъ 88% продуктовъ С. Х. 79% принадлежитъ крупному землевладѣнію.

нюю систему, предоставляетъ промышленности льготы и свободу развитія. Въ планы Государя входитъ погашеніе долговъ. Несмотря на помѣхи Думы, придирки и безконечные запросы, вѣдомства начинаютъ работать нормально.

Государь спокоенъ. Правовое землевладѣніе автоматически обогащаетъ страну. Дума, теряя при собственности революціонную почву въ деревнѣ, больше неопасна и Государь убѣжденно оставляетъ ее и выражаетъ ей довѣріе.

Наступившее благополучіе выводитъ изъ себя общество и главенствующая партія народной свободы рѣзко склоняется къ соціализму и ведетъ походъ противъ земельной реформы. Партія — въ контактѣ съ международными заговорами. Старые Шиповскіе круги и Петербургская англоманская снобирующая знать и промышленные круги опять содѣйствуютъ радикаламъ. Съ ними же — **большинство** бюрократіи и, интеллигенція. Примѣчательно, что съ этой эпохи постепенно устанавливается связь общества съ окруженіемъ и нѣкоторыми членами Царской семьи. **Съ 1905 года, когда опредѣлилась полная безнаказанность заговора** (репрессіи и временный военный судъ послѣ покушенія на Столыпина ничтожны по числу казней) — начинаетъ работу зарубежная организація. Въ Женевѣ, въ Германіи, Англіи и въ Парижѣ — совмѣстное дѣйствіе группъ соціалистовъ. Наша полиція знаетъ лишь нѣкоторые узлы, но не знаетъ ни корней заговора, ни вожаковъ въ кругахъ заграничныхъ капиталистовъ и правительственныхъ лицъ. Полиція и развѣдка, послѣ умнаго Рачковскаго, при ничтожныхъ расходахъ на розыскъ и при наличіи Азефовъ — Мануиловыхъ, почти ничего не знаетъ.

Составъ развѣдки бездаренъ. Еще менѣе знаетъ дипломатія; снобируя и не имѣя въ личномъ составѣ ни одного сильнаго или талантливаго, этотъ корпусъ существуетъ для карьеристовъ и сибаритовъ. Заграничная дипломатія, капиталисты и соціалисты крутятъ нашихъ представителей вокругъ пальца, а съ другими, какъ Извольскій и его друзья готовятъ Россію къ новому перевороту.

Эпоха 1907-1912 — сложеніе этихъ заговоровъ. Террористическіе акты отложены. Устраненъ (агентомъ полиціи) одинъ Столыпинъ и заговоръ противъ Россіи принимаетъ міровой масштабъ.

Сознавъ невозможность вновь поднять крестьянъ, **заговоръ бередитъ международныя отношенія. Поднятъ славянскій вопросъ; заработала печать. Дума вступается за славянство.** Общественники и депутаты посланы въ Славянскія земли. Англійская и французская печать сочувствуютъ этому движенію...

Государь оставленъ въ полномъ невѣдѣніи замысловъ этихъ организацій.

Революція 1905 года забыта и ничему не научила.

Со смертью Столыпина авторитетъ правительства падаетъ. Преемника онъ самъ себѣ не находитъ, и посредственности, его смѣнившія, защитить Царя и Россіи, какъ Столыпинъ — не сумѣютъ. Историку придется взять списокъ состава сановниковъ той эпохи; изъ него явствуетъ, что сильнѣе или лучше тѣхъ, кто были наверху въ 1917 году — не было...

Столыпинъ былъ крупнѣйшимъ лицомъ послѣдняго царствованія. Послѣдній сановникъ — баринъ, презиравшій смерть... «Царю, Народу, Церк-

ви — другъ»... По смертельномъ раненіи, его первый жестъ былъ осѣнить Крестомъ Государя.

Движеніе это завѣтно для вѣрнаго Царю помѣстнаго дворянства....

IX.

Могъ ли Государь, въ помыслахъ своихъ, опираться на націю?

Могъ, основываясь на отношеніяхъ народностей къ Его предкамъ, проявленіяхъ **искренней** радости при Его появленіи, вѣрности войска, крестьянства и т. д.

Государь шелъ навстрѣчу благоразумнымъ желаніямъ народа.

Вѣрны были коронѣ южане и восточныя народности; враждебнѣе, но до конца лойяльны и Польша и Финляндія.

По классамъ: Государь никогда не выдѣлялъ дворянства. Никакихъ особыхъ привилегій дворянству не дается, и само **помѣстное** дворянство ничего не просило. Провокаторскій жестъ Витте въ 1896 г. отпуска кредита по губерніямъ въ 200 тысячъ рублей, принятъ былъ дворянствами холодно. Двѣнадцать губерній отказались отъ кредита, остальные внесли деньги Красному Кресту.

Въ отношеніяхъ Государя къ дворянству осталось тяжкое недоразумѣніе: чиновное дворянство было совершенно оторвано отъ помѣстнаго и весь духъ его былъ иной. Связь искусственно поддерживалась десятками титулованныхъ дворянъ, наѣзжавшихъ изъ столицы въ провинцію и въ земство. Лишь съ 1906 года бюрократія спохватывается и ухаживаетъ за объединеннымъ дворянствомъ, а кооптируемые въ эту явочную

организацію чиновники роняютъ и ея значеніе, разлагая духъ помѣстнаго дворянства.

Государю угодно было понимать дворянство, не какъ одно помѣстное, а какъ всѣхъ носящихъ это званіе, и въ этомъ была роковая ошибка по винѣ какъ дворянствъ, не сумѣвшихъ разграничить помѣстныхъ отъ чиновниковъ, такъ и правящаго класса, **отстранявшаго** Государя отъ безкорыстно вѣрнаго Ему помѣстнаго класса. Изъ 39 дворянскихъ обществъ — оппозиціонныхъ было 2, благоразумно либеральныхъ 11, и неуклонно преданныхъ 26. Многія обращенія дворянства замалчивались правительствомъ и печатью. Историческаго значенія обращенія дворянствъ: Саратовскаго въ 1894 г. и позже Тульскаго и Курскаго — остались безъ вниманія, и не были поддержаны остальными. Многія дворянства вплоть до 1917 года повергаютъ свои чувства къ стопамъ само**державнаго** Государя...

За всю эпоху дворянство ни разу спрошено не было. Желаніе такихъ обращеній къ дворянству и къ земству у Государя было, но три раза было отведено правительствомъ.

Если такія обращенія и не имѣли бы рѣшающаго значенія, то имѣли бы огромное вліяніе на весь характеръ отношеній помѣстныхъ сословій и заговоръ 1904 и 1917 года не могъ бы имѣть мѣста. Въ 1904-омъ году происходитъ преступное: самозванному заговору Шипова сочувствуютъ предводители, кн. Трубецкой, гр. Гудовичъ и другіе, и съѣздъ 21 предводителя, собиравшихся тоже безъ **вѣдома** дворянства, служитъ опорой и Витте и радикаламъ.

Объединившіеся 12 предводителей, сторонни-

ки Самодержавія и экономическихъ реформъ, подавъ Государю записку, вліянія не имѣли.

Дѣйствіе группъ Шипова и кн. Трубецкого создаетъ недовѣріе Государя ко всему сословію, которое не давало предводителямъ полномочій и само обмануто. Къ 1910 году поправѣютъ всѣ 37 дворянскихъ обществъ, но у Государя сомнѣніе останется, и Ему памятно Петергофское совѣщаніе, на которомъ несправедливое и огульное обвиненіе дворянства В. К. Владиміромъ Александровичемъ и бюрократіей осталось не опровергнуто.

Историкъ обязанъ точно установить, что помѣстное дворянство, какъ таковое (и земство до 1905 года) не было спрошено, и что вѣрность его большинства Самодержавію была внѣ сомнѣнія; и второе: въ заговорѣ 1904 года противъ государственнаго строя, во главѣ организацій стояла **знать** бюрократическая и столичная, совмѣстно съ неуполномоченной никѣмъ группой земцевъ и дворянъ, тоже въ части титулованныхъ...

Россійская знатная Жиронда, добавляю я, отличается своей гибкостью: она будетъ мѣнять окраску. Когда начнутъ жечь усадьбы — будетъ молить защиты и кинется въ объединенное дворянство. Позже устремится въ Думу и Совѣтъ и вновь начнетъ интриговать и разлагать. Примкнетъ къ знаменитому блоку 1915 года — первому сигналу революціи. Больше всѣхъ будетъ клеветать на Государя въ своихъ салонахъ и готовиться къ перевороту.

Безупречные и вѣрные Монархіи люди «свѣта» будутъ молчать.....

Помѣстное дворянство обмануто, но виновно, т. к. съ 1904 года не сумѣло рѣшительно **отмеже-**

ваться отъ бюрократіи и удалить изъ своей среды знатныхъ и незнатныхъ предателей. Стоя на сторожевыхъ постахъ земли, выполняя до конца свой долгъ служенія Государю и народу, примѣромъ въ хозяйствѣ и безвозмездно въ земствѣ **помѣстное дворянство** будетъ первой жертвой обмана общества и его заговора. Разъединенное по губерніямъ и неполно представленное въ объединенной организаціи, дворянство не подаетъ **голоса и первымъ и тяжелѣе другихъ отдано будетъ въ жертву революціи....**

Энергично слогается оппозиція, а позже и заговоръ промышленниковъ. Правительство не давая *) **ничего** сельскому хозяйству, сжимая средствами земство, даетъ **все** индустріи. Двери казны широко открыты и правительство порою униженно проситъ у Москвы сочувствія и поддержки. Помню Москву 1905 года: съѣздъ землевладѣльцевъ, и первый разъ поставленный въ упоръ вопросъ о собственности. Съ какой злобой и пренебреженіемъ отнеслась Москва къ съѣзду и этому вопросу. «Что доказывать вздоръ — что два и два четыре!»... «Насъ это не касается!»... «Конечно надо дать мужикамъ помѣщичью землю»... громко велись разговоры.

Облагодѣтельствованные монархическимъ строемъ промышленники — всегда въ оппозиціи, всегда за политическую революцію, всегда за ин-

---

*) Изъ всѣхъ суммъ кредитовъ лишь отъ 5 до 7% поступаетъ на сельское хозяйство съ 1895 - 1907 на землеустройство отпущено Госуд. Кред. 10 мил. рубл. и за тотъ же срокъ меліоративнаго кредита 3 милл. руб. (по 3 копейки на душу населенія). Съ 1909 г. предположено кредиту 20 милліоновъ руб. (по 14 к. на душу) и ежегодно по 9 мил. р. (по 5 к. на душу). Въ то же время Пруссія даетъ кредиту 768 милліоновъ. Америка по 60 р. на душу. Германія по 35 р., Францiя 28 и т. д.

теллигенцію, и всегда противъ «гуманныхъ» мѣръ власти къ рабочимъ...

Морозовы, Рябушинскіе, Коноваловы — съ ними Гучковъ, Сытины, кн. Львовъ, Астровъ, и печать формируютъ въ Москвѣ вражескій духъ къ Монархіи и къ личности Государя. Тутъ Минина не найдется... какъ не оказалось Пожарскаго. За промышленниками стоитъ Европейская биржа, банки, грюндерство, комиссіонерство, иностранцы, евреи, профессура, печать, артистическій міръ, вплоть до всякихъ подпольныхъ театровъ и ресторановъ. Въ разныхъ Кюба и клубахъ въ Петербургѣ знатью, а въ Москвѣ у Яра и въ Эрмитажѣ плетется злоба на власть, клевета на Государя, и успѣхи съ 1915 года «земгоровъ» и «комитетовъ» приведутъ къ 1917 году.

Очевидно, что полиція, гоняющаяся за эмиграціей и подпольемъ, не смѣетъ и помыслить тронуть ни придворныхъ титулованныхъ заговорщиковъ, ни московскихъ радикаловъ и купцовъ.

Въ то же время, въ провинціи и частью въ столицѣ тысячи и тысячи торговцевъ, внѣ движенія и заговора — вѣрны старинѣ, вѣрны Государю * и историкъ ошибется, огульно сопричисливъ торговцевъ къ оппозиціи. Провинція и дворянская и купеческая, лишена голоса. Ее никто не спроситъ. Ее никто не сумѣетъ толково организовать. Бюрократіи нѣтъ до нея дѣла.

Государь высоко милостивъ и расположенъ къ торговому классу, но какъ и со всѣми ровенъ и сдержанъ. Знаки вниманія Его — часты.

Получая, съ 1914 года громадную наживу отъ войны, призванные помогать Власти, столичные

*) Непоколебимо вѣрны старообрядцы и другіе сектанты.

промышленники возведутъ цитадели комитетовъ, откуда понесутся клики о ниспроверженіи Царя и строя; о углубленіи революціи;... а въ 1918 году «неблагодарный» народъ погонитъ и ихъ заграницу. Ропотъ оппозиціи на старый строй смѣнится ропотомъ на новый. Раскаются одни, и непримиримо злобной останется группа другихъ, не способныхъ сознаться и думающихъ только о карманѣ. Оставшіеся дома промышленники ради наживы будутъ прислуживаться къ воровской власти. Но въ Россіи, изъ среды торговцевъ и людей провинціи, отберется крѣпкій отслоекъ, который организуетъ ко времени мѣстныя силы для послѣдней борьбы... Торговцы изъ областей помнятъ и повторятъ Минина . . . .
. . . .

Если старыя сословія дѣлятся на вѣрныхъ и невѣрныхъ Монархіи, то въ интеллигенціи вражда къ строю была вѣковая: ея армія выросла и выступила къ 1905 году. Третье сословіе работало не покладая рукъ на революцію, и, скрываясь за спиной «знатныхъ» заговоровъ и самостоятельно, съ 1917 года, — интеллигенція возьметъ въ руки власть.

Консерваторы интеллигенты, какъ Тихоміровъ, Никольскій, Величко, Булацель, Пуришкевичъ, Дубровинъ и иные, были на перечетъ. Съ 1906 года, они не безъ успѣха помогаютъ организовать улицу и до 1908 года создадутъ довольно сильные союзы.

Но эти вожаки пренебрегаютъ экономическими вопросами. Ихъ тактика — организація толпы. Союзы правой интеллигенціи вмѣстѣ съ рабочими насчитываютъ одно время десятки, можетъ

быть, сотни тысячъ, но остальная вся интеллигенція и рабочій классъ — революціонны...

Отъ проповѣдей графа Толстого до гнуснаго писанія Горькаго — интеллигенція разноситъ безбожную молитву революціи. Призывъ разбоя донесется до 1917 года, затронувъ большую часть интеллигенціи, въ офицерствѣ которые превознесутъ Керенскаго и Гучкова, творца приказа № 1, покорно принятаго генераломъ Алексѣевымъ.

Итальянское fara da se... и гордое французское ça ira, какъ и предостерегающее Wacht am Rhein, недоступно толщѣ нашей интеллигенціи. Она была по духу интернаціональна и военно - пораженческая. Она сплочена и руководится умнымъ еврействомъ. Для значительной части интеллигенціи слова — нація, государство, вѣра, исторія — пустые звуки, а Монархія — ненавистна до скрежета зубовъ.

Въ 1905 и въ 1917 году интеллигенція пластомъ отвалится на крайнюю лѣвую грань и повлечетъ и армію, и народъ къ позору и гибели. Она срослась съ большей частью бюрократіи и профессуры, она выросла на заблужденіяхъ и на клеветѣ печатнаго слова цѣлой эпохи, она включила въ себя всѣ профессіи, втянула отщепенцевъ личныхъ дворянъ и знатныхъ дегенератовъ подъ «Ставрогина», и въ одинъ голосъ будетъ пѣть и Марсельезу и Сарынь на Кичку, не думая о завтрашнемъ днѣ и о Родинѣ. Интеллигенція, лѣнивая и дерзкая и кромѣ того помѣшана инородцами. Ею руководитъ желаніе пасть ницъ передъ соціализмомъ, ее влечетъ даже не нужда и не бѣдность, которой въ Россіи быть не можетъ, и не народничество, а злое озорство. Въ ней помѣшана

Верховенщина, вмѣстѣ съ Ставроговщиной. Оттого такой молніеносный успѣхъ революціи. За Россію не оказалось никого. Наверхъ интеллигенція выброситъ собирательные типы Керенскаго, Ленина и прочихъ. На интеллигенціи остановилась грань къ народу. Она пыталась быть его учителемъ и равняла его на себя. Интеллигенція наша не изъ народа, а изъ «жилыхъ помѣщеній» — городовъ: она накрыла народъ сверху. Она же слилась съ обществомъ, отъ камергера Родзянки до Ленина, и узаконена тѣмъ городовымъ, который, наводя порядокъ въ толпѣ, окликаетъ: «Публика впередъ — народъ осади назадъ».

Народъ, наконецъ, не послушался, насѣлъ впередъ, поглотивъ публику. Ленинъ осадитъ назадъ и народъ и публику, взявъ всѣхъ въ «желѣзо». Правительство боролось съ массой интеллигенціи помощью сотенъ чиновъ полиціи, среди которой такіе же интеллигенты — Азефы, Лопухины и Манусевичи. Очевидно. такая борьба была безсмыслена.

Историкъ долженъ изучить ходъ движенія интеллигенціи всего XIX вѣка и установить: могла ли бы она безъ общественнаго, свѣтскаго заговора 1904 года дойти до 1917 года и его октября?

Не могла, и истокъ всего движенія въ т. н. высшемъ обществѣ...

Отношеній къ интеллигенціи у Государя нѣтъ никакихъ. Государь любитъ учащуюся молодежь и прощаетъ ей многія выходки. Государь всемѣрно сочувствуетъ наукѣ и его мечта — всеобщее образованіе. Витте три раза выслушиваетъ это Высочайшее пожеланіе, и каждый разъ отвѣчаетъ,

что государственныя средства этого не допускаютъ.

Государь привѣтствуетъ всякое открытіе, все значительное въ литературѣ, искусствѣ, музыкѣ и въ техникѣ. Читая подпольную прессу, Государь неуклонно озабочивается улучшеніемъ быта рабочихъ, знакомясь съ его неустройствами. Наше рабочее законодательство въ Его царствованіе по гуманности ушло во многомъ впередъ западнаго, и Государь настаиваетъ передъ Витте и Тимирязевымъ идти дальше впередъ и взять нѣкоторые образцы Германскаго закона. На докладѣ Тульскаго предводителя А. А. Арсеньева, Государь ему говоритъ, что для Него «всѣ классы равны и Онъ особо озабоченъ бытомъ рабочихъ»... Государь самъ ищетъ путей улучшенія... но въ исторіи Зубатова, Гапона и иныхъ, бюрократія сминаетъ вопросъ и неспособна подойти къ нему цѣлесообразно. Радикальные промышленники на уступки не идутъ, и министры, не смѣя ихъ раздражать, не настаиваютъ.

Число рабочихъ по отношенію къ крестьянству — ничтожно *), но они скоплены въ центрахъ. Общество обѣщаетъ дать рабочимъ «свое» гуманное правительство и сулитъ имъ рай.

Слушая общество, рабочіе идутъ на баррикады, идеально бастуютъ, поучая своихъ западныхъ товарищей пріемамъ революціи.

Имѣя всю Власть и силу безпощадно карать бунтовщиковъ Государь самымъ рѣшитель-

---

*) Заводскихъ рабочихъ у насъ (къ 1880 г.) всего 2.900.000 (2%) изъ числа которыхъ рудныхъ всего 180.000.

Въ тѣ же годы крестьянъ домохозяевъ 17 мил., изъ числа которыхъ 5 мил. покупали продовольствіе; 3 мил. работало у помѣщиковъ. Т. о заводскихъ рабочихъ и крестьянъ было всего 12 милл.. Къ 1910 г. % рабочихъ тотъ же, не превышая 5.

нымъ образомъ противился массовому террору. Число наказаній, даже полевыхъ судовъ при Столыпинѣ — ничтожно. Число политическихъ ссыльныхъ , по статистикѣ, падаетъ сравнительно съ девяностыми годами на 37%.

Государь противится укрощенію массовой силой, ограничиваясь даже въ 1905 году карательными отрядами въ Москву и въ Ригу, посылая въ провинцію «уговаривающихъ» генераловъ безъ войска...

Государь озабоченъ бытомъ ссыльныхъ и добивается его смягченія. Никакого иного шага кромѣ терпѣнія и милости къ расплывчатому классу интеллигенціи Государь сдѣлать не можетъ, предоставляя правительству найти способъ законной защиты государственнаго строя...

Бюрократія не имѣетъ плана борьбы и защищаетъ строй, злоупотребляя правомъ чрезвычайныхъ и усиленныхъ охранъ, предпочитая ихъ законному коронному и военному суду... Интеллигенція осуждена геніемъ русской мысли Ф. М. Достоевскимъ. Для него: либералъ, западникъ и интеллигентъ — синонимы «рабьяго зрака» — «наростъ на русской націи»... Достоевскій угрожалъ, предостерегалъ... и его не послушалъ никто. Бюрократія и общество не сумѣли **спасти народъ** отъ пропаганды интеллигенціи.... и бюрократія превратилась въ нее.

Въ 1917 году, видя на своей сторонѣ штыкъ, рабочіе откажутся отъ опеки интеллигенціи и взявъ власть въ свои руки, благодарно передадутъ ее — евреямъ.

На трепѣніе и милость Государя, рабочіе и интеллигенція отвѣтили Ему ненавистью...

X.

Отношеніе Государя къ крестьянскому сословію совершенно ясно. Онъ глубоко, реально его любитъ и въ немъ любитъ Россію; любитъ народъ въ деревнѣ, въ арміи , всюду, гдѣ бы ни проявлялась его сила.

Невѣдомы останутся отношенія народа къ Государю. Народъ таинственный... мистическій?... Полагаю — ни то, ни другое. Простой и земляческій, скажу я, — домашній. Умный — но **домашній,** оттого дальше своего носа не видитъ и сдвинуться никуда не можетъ. Встать — не встанетъ. Сидитъ - сиднемъ и копошится въ землѣ. И много ихъ ... мужики, показывая, что сзади много народу... говорятъ «Тамъ нѣсколько народу»... т. е. сто милліоновъ...

«Показать», эти деревенскіе ничего не могли. Солдаты - дѣти показывали. А отцы сидѣли дома. Богу и Царю крѣпко вѣрили. Законы соблюдали и подати платили.

Свободнѣйшій изъ народовъ, русскій, свободный во всемъ, былъ ограниченъ только общиной. Поздно, но никто иной, какъ Государь Николай II далъ народу и эту свободу. Поистинѣ трагична въ этомъ вопросѣ, внутренняя борьба въ самомъ Государѣ и тѣ, кто удостоились Его слышать, и убѣдиться, какъ Онъ великолѣпно зналъ крестьянскій вопросъ, знали, какъ тяжело Ему давалась эта борьба. Государь боялся обезземеленія крестьянъ и лишь поэтому колебался...

Любовь Государя къ крестьянамъ — продолженіе любви всѣхъ Его предковъ XIX столѣтія. Любовь эта вѣрная и ни разу не ослабѣвшая. Но

Государь не **ищетъ** у народа популярности, какъ это дѣлали и дѣлаютъ современные демократическіе Монархи, не говоря уже о демократіи... Однако ни лукавые намеки Витте, ни угрозы Кутлера и цѣлаго ряда лицъ, не сломаютъ Его рѣшенія, и даже въ революцію 1905 года онъ не отдастъ принудительно во имя спасенія Короны, 36 милліоновъ *) десятинъ частновладѣльческой земли. Этотъ актъ безсмысленъ, незаконенъ и **ничего не разрѣшитъ.** Государь на черный передѣлъ не пойдетъ. При наличіи, до милліарда десятинъ свободной земли по всей Россіи вопроса о малоземельи быть не можетъ.

И разумъ народа это понялъ: крестьяне, въ 1905 году послѣ вспышки аграрныхъ безпорядковъ въ Поволжьѣ **сами прекратили бунты.**

И несмотря на всѣ **препятствія,** чинимыя земскимъ отдѣломъ М. В. Д., крестьяне, бросивъ бунтовать, **переселяются** съ 1906 года въ Сибирь и степи въ числѣ болѣе полумилліона людей въ годъ.

Тоже и въ 1914 году: ни въ одной мѣстности во время войны нѣтъ и слѣдовъ безпорядковъ. И въ 1917 году, несмотря на обѣщаніе новаго правительства отдать земли дворянъ, крестьяне лишь въ рѣдкихъ случаяхъ захватили земли, и только съ октября, съ появленіемъ солдатчины и декретовъ брать землю начался дѣлежъ, погромы и убійства.

Я утверждаю, что какъ въ 1905 году, такъ и въ 1917, захваты, погромы и убійства соверша-

---

*) Изъ 36 милл. десят. исключаются 8 милліоновъ лѣсныхъ дачъ; т. что за исключеніемъ неудобья площадь земли къ 1917 г. не достигала 25 милліоновъ. (Съ 1880 г. по 1917 г. продано было дворянской земли 38 милліоновъ десятинъ).

лись тамъ, гдѣ толпу вели интеллигенты, рабочіе или солдаты. И — обратное— не будь вліянія интеллигенціи въ Россіи, не было бы ни захватовъ, ни насилій...

Какъ ни распущено было населеніе слабой властью, какъ ни ослаблено общиной и забвеніемъ его нуждъ **оно до послѣдней минуты выказываетъ здравый смыслъ и совѣсть,..** теряя ее, когда повальнымъ окрикомъ и гиканьемъ — «бери и грабь» — все кинулось на грабежъ и дѣлежъ...

То же и съ арміей: никогда ея крестьянскій составъ при Царѣ не тронулся бы съ фронта, не будь интеллигенціи, и надо было быть тѣми людьми глупости и безчестія, какими были первые правители въ 1917 году, чтобы заставить армію такъ развалиться...

Вѣря крестьянству Государь былъ правъ; въ немъ одномъ, благодаря природѣ, быту, исторіи и Вѣрѣ жила еще совѣсть, **и будь другое общество и сумѣй бюрократія во время начать осуществлять скромныя сельскія пожеланія и сдѣлать народъ собственникомъ, — исторія Россіи была бы иная и Россія не была бы сегодня погублена.**

Вопросъ народный — вопросъ страшный. Я попытаюсь о жизни народа сказать въ иномъ мѣстѣ. Проживъ всю жизнь въ деревнѣ, я утверждаю наличіе совѣсти и былую народную Вѣру, высокій духъ, сельскую честь и вѣрность крестьянъ Государямъ. Не было случая невѣрности Царю. Пугачевъ — и тотъ ведетъ толпы именемъ Царя. Ни одна война, ни одно бѣдствіе, не вызываетъ въ деревнѣ ропота противъ Государя...

Отсюда и глубокая вѣра и вѣрность Государей къ народу...

И сегодня, вникая въ смыслъ событій, явствуетъ, что символъ «Царь и народъ» — въ Россіи — не пустой звукъ, а сила. Сломалъ эту силу, свергъ Царя не народъ, а продало и свергло Его общество, и въ очеркѣ жизни Государя — Ему, носителю русской славы и бытія страны — **противупоставлено было только общество** . . . .
. . . .

Интеллигентско - рабочее злобно. Все крестьянское добродушно, просто и сильно духомъ, и если бы этимъ великимъ свойствамъ была дана поддержка, — охраняющая Россію сила была бы непобѣдима.

Злая мгла и роса цивилизаціи еще не осѣла въ народъ. Пропаганда на протяженіи полувѣка оказалась безсильна. Начавшееся съ 900-хъ годовъ т. н. «хулиганство» — зараза города — результатъ пропаганды, безвластія, слабости суда и вліянія печати.

Надо было создать что нибудь **огромное,** чтобы сломать духъ, а съ нимъ повалить въ бучу интернаціональной мерзости — народъ. Планъ заговора былъ вѣренъ: зажечь сомнѣніе въ Царѣ — Думой. Черезъ нее хлынуть въ народъ молвой, клеветой, и вовлечь страну **въ войну.** Вооруживъ народъ, бросить въ него идею бунта, мира и земли. Программа «максимумъ» интернаціонала, подкупавшаго всячески наше общество, оказалась вѣрной. Надо было сбить народъ съ пути стихійно, и съ паденіемъ Царя, у народа вырвана изъ рукъ Россія, которой воспользуются всѣ свои и международные воры.

Октябрь 1905 года откликнется октябремъ 1917 года.

Народъ заслоняется отъ Государя сначала бюрократiей, захватывающей Его права, и, наконецъ парламентомъ, ничѣмъ не выражающимъ ни сельскаго народа, ни интересовъ страны. Парламентъ представляетъ лишь убѣжденiя партiй...

А когда общество - блоки и Дума будутъ насиловать волю Государя, Онъ на т. н. англiйскую форму конституцiи не пойдетъ. Государь знаетъ, какъ важно сохранить народу Самодержавiе, который признаетъ лишь полноправную власть.

Видя такое «неслыханное упрямство» общество рѣшаетъ **«взять»** Монарха «живымъ», чтобы заставить Его отречься въ пользу другого, котораго заставятъ отречься отъ Самодержавiя.

Паденiе Россiи вслѣдъ за паденiемъ Царя показываетъ ту глубочайшую живую связь Царя съ народомъ, которой существовала и строилась наша страна.

На сценѣ исторiи: Царь, общество и народъ. Общество вышло сознательно изъ этой цѣпи. Оставшiяся двѣ силы: Царь и народъ — потеряли другъ друга.

Оправдался принципъ Самодержавiя. Безъ него, кто угодно потянется на голову народа, но корней въ народѣ не найдетъ. Корень подлинной власти — отъ глубинъ вѣковъ. Безъ Царя, земля осталась одинокая. Началось возглавленiе народа съ тряпьемъ вмѣсто знаменъ и хоругвей. Началась **война города съ деревней*)** и она не прекратится,

---

*) См. «Записки Землевл.». Н. А. П. Изданiе Суворина 1911 г. и доклады объединен. дворянства 1908 г. (членъ совѣта 1906 — 1914).

пока деревня не возьметъ верха и не **создастъ** правящаго класса...

Государь полагался на народъ, но не отдавалъ себѣ отчета, что народъ Ему помочь въ часъ нужды не сможетъ. Онъ не могъ ни позвать, ни спросить народа. Не было вѣчевого колокола, не было ни вѣрныхъ гонцовъ къ народу, ни посредниковъ. За то набатомъ для созыва революціи будетъ Дума: ея назначеніе: призывъ къ крови...

Императорская система обезличила и слила всѣ области, и онѣ были безгласны и недѣйственны.

. . . .

Опорой своей Государь считалъ армію. Послѣ своего прадѣда, Государь Николай II болѣе всѣхъ къ ней близокъ. Онъ живетъ ея интересами и влагаетъ душу въ военное дѣло.

Но вѣкъ распущенности, броженій, новыхъ идеологій и классовыхъ перестроеній кладетъ отпечатокъ на дисциплину, на духъ войскъ и на традиціи.

Въ 1904 году оказался возможнымъ самовольный отъѣздъ съ фронта генерала Гриппенберга. Возможенъ былъ генералъ Стессель, бунтъ преображенцевъ, бунты въ Сибири и другіе случаи. Въ Японскую войну не оказалось талантливаго командованія... Дисциплина падала, завелась военная бюрократія, не придававшая дисциплинѣ рѣшающаго значенія.

Суворовыхъ, Кутузовыхъ, Радецкихъ и Скобелевыхъ не появилось...

Въ рядахъ арміи были образованные, храбрые генералы, но никого, кто бы обладалъ даромъ народнаго вождя. Въ арміи не появилось военна-

го «Столыпина» съ его героической напряженностью и смертью — «за Царя и великую Россію».

Строгое равенство, порядокъ производства, большая оффиціальность — качества, но они составили однородность командующей массы....

Однако, несмотря на ослабленіе дисциплины — организація арміи въ 1914 году оказалась на высотѣ. Мобилизація прошла безподобно, и готовая нѣмецкая армія натыкается на сильное сопротивленіе...

Командный составъ былъ хорошъ. Кадровое офицерство и войска отличны. Неудачи 1915-16 года не мѣшаютъ въ 1917 году возстановить фронтъ, и десятимилліонная армія была готова къ послѣднему наступленію въ апрѣлѣ...

Глубоко взвѣсивъ всѣ условія войны, **не теряясь ни минуты, при тяжелыхъ неудачахъ** — Государь беретъ на себя командованіе. Окружаетъ себя людьми выдающихся способностей, не считаясь съ ихъ убѣжденіями и своими симпатіями. Возглавляя армію въ такую войну Государь проявляетъ громадную волю и рѣшимость.

Государь вѣритъ генералитету. Выказываетъ огромную выдержку и устойчивость своихъ отношеній, и твердо идетъ къ побѣдному концу. **Ненавидя врага, Онъ ввѣряетъ Россію и себя въ руки страстно любимаго имъ войска...**

Въ арміи Онъ не видитъ «общества», и не боится интригъ и разложенія. Онъ знаетъ слабость и безсовѣстность тыла, но слышитъ, что армія презираетъ этотъ тылъ, и за порядокъ въ войскахъ Государь совершенно покоенъ.

. . . .

Церковь устой и надежная опора Трона. Мо-

нархи **искренно,** просто и усердно берегли Церковь. Оттого и теченіе церковной жизни протекало смиренно и по старинѣ. При Государѣ бюрократическій Синодъ не дерзалъ затрагивать глубинъ религіи. Не дерзалъ потому, что защитой ея устоевъ и живыми вдохновителями, хотя и не вмѣшивающимися въ церковную жизнь — были Государи.

Соборное начало было желанно, и при Государѣ Николаѣ II мы были наканунѣ его осуществленія...

Никакія попытки пропаганды, ни реформаціонныя, ни католическія, при Царяхъ были невозможны и Православіе свѣтилось утвержденіемъ истины, не вмѣшиваясь въ политику...

Здѣсь не мѣсто разбирать возводимыхъ на духовенство и Православіе обвиненій въ слабомъ вліяніи на духъ народный. Вопросъ этотъ слишкомъ сложенъ. Озабочивалъ онъ и Государя, соболѣзновавшаго, между прочимъ, бѣдности части сельскаго духовенства. Государь относился съ особой осторожностью къ затрагиванію основъ зданія нашей Церкви, — такъ прекрасна она была въ своей истовой простотѣ и независимости отъ міра...

XI.

Въ краткомъ перечнѣ отношеній слоевъ населенія къ Государю не исчерпывается вся картина эпохи, но она достаточна, чтобы видѣть, что силы опоры Государя были значительны.

Нерусскія племена государства — кромѣ латышей и евреевъ — лояльны. «Великій Бѣлый Царь» авторитетенъ для востока. Даже поляки и

финляндцы несравненно сдержаннѣе общества и улицы русскихъ столицъ, и въ 1905 и 1917 г. г., во время бунтовъ городовъ и арміи, иновѣрцы и областники наиболѣе сдержаны. Кавказъ до 1917 г. миренъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ политическихъ партійныхъ выступленій. Народы юго-востока и магометане вѣрнѣйшіе племена.

Государь высоко цѣнитъ вѣрность народностей. Онъ сдерживаетъ усердіе бюрократіи въ стремленіи выявить власть въ Польшѣ и Финляндіи и не сочувствуетъ той части печати, которая требуетъ репрессій и руссификаціи...

Къ евреямъ Государь относится сдержанно, не увеличивая репрессій за агрессивныя дѣйствія въ печати и заграницей.. Онъ неустанно повелѣваетъ не **допускать** погромныхъ движеній народа, и тѣ, кто осмѣливается говорить о какомъ то Его сочувствіи къ погромамъ — презрѣнные клеветники.

Съ конца 1890-хъ годовъ, въ связи съ эрой стремительнаго развитія промышленности, государство нуждается въ займахъ, и правительство поставило себя въ зависимость отъ биржъ и евреевъ: — Ротшильдовъ, Шифовъ и прочихъ. Витте и его послѣдователи связываютъ вопросъ займовъ съ еврейскимъ равноправіемъ. Поучительны исторіи соглашеній Шифа - Витте въ Портсмутѣ и обѣщанія Витте; телеграммы Государю и проч... На двукратную миссію д. с. с. Виленкина въ Парижѣ и Нью - Іоркѣ евреи отвѣчаютъ, что получатъ равноправіе отъ народа. Связь всей нашей политики съ еврейскимъ вопросомъ — очевидна. Политика займовъ привела къ зависимости отъ Израиля.

Государь знаетъ объ этой зависимости, но какъ всѣ Власти всего міра ослабить и избавиться отъ нея не въ силахъ.

. . . .

Въ обзорѣ отношеній къ Россіи и Монархіи **иностранныхъ державъ** всегда явствовало, а теперь очевидно, глубокое недоброжелательство большинства странъ. Явно было пренебреженіе, нежеланіе знать ни исторіи, ни строя, ни жизни народа. Не скрыто было и другое: зависть, страхъ передъ нашей физической силой; презрѣніе къ нашему варварству и якобы деспотизму царизма и рабству народа.

Всѣ свѣдѣнія какъ самихъ иностранцевъ, такъ и передаваемыя нашимъ обществомъ — были лживы, клеветнически подтасованы и невѣжественны. До сегодня, ни нашей исторіи, ни сущности Верховной власти никто не знаетъ. Никто не знаетъ, что русскій народъ **жилъ свободной и независимой жизнью,** о которой и не снится на западѣ. Неизвѣстны, высота нашихъ судебныхъ учрежденій земства, легкость нашей податной системы и многое другое. А это «многое другое» составлялось изъ удобствъ жизни, приволья и легкости добыть все необходимое, отъ отлично устроеннаго жилья, тепла и многихъ приспособленій, до свободы жизни и простора, которые дѣлали жизнь сытой, широкой, легкой, оттого и лѣнивой. Въ цѣломъ рядѣ устройствъ жизни, мы ушли впередъ отъ Запада. Никто не зналъ какими благами вольной жизни, пользовались всѣ классы, до крестьянъ включительно. Цѣнить мы ничего не умѣли...

Мы гордо считали себя частью Европы, а Европа насъ никогда своей частью не признавала,

возлагая на насъ при случаѣ тяжелыя обязанности и не предоставляя никакихъ правъ. Видя наши успѣхи, руководящіе круги нѣкоторыхъ странъ задались планомъ свести Россію на положеніе второстепенной державы...

Пророческихъ предупрежденій Гоголя, Достоевскаго, Данилевскаго, Хомякова, Военскаго никто не слушалъ, и бюрократія и общество страстно тянулись къ полной европеизаціи, и — во многомъ чуждой намъ западной культурѣ.

Самой неудачной частью нашей бюрократіи была дипломатія. На протяженіи вѣковъ, и — въ разрѣзъ съ твердостью Монарховъ — проявляется уступчивость, угодничество и работолѣпство чиновъ вѣдомства передъ западомъ.

На глазахъ дипломатіи, безъ всякаго противодѣйствія, общественное мнѣніе запада встаетъ противъ строя и Монархіи. На глазахъ нашихъ пословъ русскій заговоръ растетъ и сливается съ иностраннымъ. Гг. Извольскіе, Поклевскіе и имъ присные свѣтскіе снобы и англоманы раболѣпствуютъ передъ Британіей. Наши послы и министры, Тимирязевы и Витте — восхищаются Вильгельмомъ.

Съ 1911 года въ Германіи готовъ планъ разгрома и колонизаціи Россіи, и съ 1908 года англичане изучаютъ планъ сверженія Царизма и расчлененія насъ республикой. Малыя державы — пассивные участники этихъ плановъ...

Обѣ наши войны, благодаря дипломатіи — внезапны, оттого такъ тяжелы. Исторія раскроетъ систему готовящихся плановъ и образованіе западнаго международнаго заговора - блока. Какъ извѣстны 70 милліоновъ нѣмецкихъ марокъ на

компанію Ленина, такъ извѣстно и многое другое. Важно точно узнать суммы, затраченныя на нашъ переворотъ Англіей и въ Америкѣ и **весь** списокъ русскихъ участниковъ.

. . . .

Государь слабо освѣдомленъ о сочувствіи иностранцевъ русскому заговору.

Не теряя достоинства, Онъ старался поддержать добрыя отношенія съ коронованными собратьями и родственниками, издавна готовящимися къ выступленію противъ Него и Россіи. Высокіе собратья весьма нѣжны и доброжелательны въ перепискѣ. Ихъ совѣты сердечны; объятія почти искренни..., но они не посмѣютъ шевельнутъ пальцемъ для спасенія Государя и послѣ революціи— одни протянутъ руку воровской власти, другіе сдѣлаютъ видъ, что не знаютъ о разрѣшеніи своихъ правительствъ торговать ворованнымъ имуществомъ...

Побужденія монарховъ запада и Государя были различны. Войну хотятъ парламенты. Въ узлы нитей соціальныхъ заговоровъ и интересовъ входятъ и выгоды капиталистовъ; чаянья соціалистовъ, коммерческіе расчеты, биржа и интересы экспорта. На западѣ свои старые счеты и **западъ хочетъ войны.** Монархи — не смѣютъ хотѣть или не хотѣть войны. Они народопослушны, и, сохраняя важность сана, санкціонируютъ желаніе парламентовъ.

Россіи не нужны ни война, ни интересы торговые, ни биржевые. Намъ не нужна война и мы можемъ быть только вовлечены въ нее. У насъ вся отвѣтственность на Государѣ, и Дума на Него ее и возложитъ... У Государя всѣ основанія не при-

нять войну, — но затронута честь страны; — войны требуетъ общество и Европа, и Онъ подчиняется неизбѣжному, увѣренный въ силѣ арміи.

Государемъ проявлено огромное напряженіе воли и мужества въ принятіи войны. Переживъ уже тягости войны и революціи — Онъ спокойно, молитвенно и вѣря въ народъ и судьбу беретъ на себя этотъ новый крестъ....

Въ наступившихъ сумеркахъ Европы, въ каченіи идеологій и былыхъ устоевъ поколеблено до основанія и начало монархическое. Иными націями и демократіями оно будто изъ милости оставлено, какъ antiquité, какъ парадный символъ прошлаго.

Эдуардъ VII использовалъ свое закулисное положеніе въ системѣ тайныхъ дипломатическихъ интригъ и подготовленій къ войнѣ, съ цѣлью ослабленія всѣхъ странъ. Вильгельмъ — въ сторону безпощаднаго плана нашествія, захватовъ, всякихъ насилій; его народъ хочетъ войны, рвется къ колонизаціи Россіи.

Очевидно, что императорское начало въ стадіи разложенія, и монархи сами шатаютъ свои Престолы и авторитеты, основанные въ былое время на рыцарскомъ благородствѣ.

Государь нашъ не сходилъ постепенно по ступенямъ Трона. Нѣтъ, — Онъ высоко несетъ Царскій стягъ. У Него — одно слово. Онъ вѣритъ въ прочность гордыхъ началъ Монархіи, вѣритъ Монархамъ, и въ родство сана и крови. Его дѣйствія прямы, и Онъ приметъ войну за свой страхъ.

Лязгая сталью Крупповскихъ заводовъ, съ ножомъ за спиной, родственный Вильгельмъ не удовольствуется унизительнымъ торговымъ догово-

ромъ*), твореніемъ нашей скудоумной бюрократіи. Онъ сулитъ наши земли своему плодовитому народу, и если не оружіемъ, то соціальнымъ пожаромъ готовъ сжечь страну. Отношеніе его къ Государю — лукаво - злое и безсовѣстное.

Его руку направляетъ другой родственникъ— Эдуардъ VII. Лояльной къ Государю остается Францiя. Государь вѣренъ этому союзу своего отца. Во Франціи не мало враговъ царизма, но она не будетъ участвовать въ заговорѣ, и когда начнется революція, она увлечется ея первыми взметами, но она одна, хотя и неудачно, въ 1918 году, сдѣлаетъ попытку помочь Россіи. Характерно, что лишь республики Америка, Франція и Швейцарія дольше всѣхъ не признаютъ воровской власти...

У Россіи кромѣ Франціи друзей не было; коронованные собратья одни безразличны или показали себя явными или скрытыми, во всѣ войны XIX столѣтія, врагами и раскрытіе участія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ заговорѣ — вопросъ времени.

Международныя событія складываются внѣ воли Государя. Силы противъ Него слишкомъ велики. На Него ополчаются скрытыя въ то время и полуобнаруженныя сегодня международныя организаціи. Одинъ, безъ согласія съ другими монархами, Онъ — безсиленъ...

---

*) Нашъ вывозъ въ 1875 г = 400 милл., при ввозѣ 550 м. Въ 1890 г. = 700 милл. при ввозѣ 400 м. Въ 1891 г. мы подняли таможенныя пошлины и таможенный тарифъ. Съ 1893 начало таможенной войны съ Германіей, которая усиливаетъ экономическую эксплоатацію Россіи. Желаніе Австріи захвата Балканъ, а Германіи колонизаціи Турціи и Россіи (Багдадская ж. д. и пр.) приведетъ ихъ къ карательной экспедиціи въ Сербію. Основной торговый договоръ Россіи съ Германіей (1904 г.) даетъ огромную прибыль аграріямъ и промышленникамъ Германіи и разоряетъ Россію. Окончаніе его и новый договоръ повлечетъ причины войны.

. . . .

Лишь въ 1904 году наша печать показываетъ открыто свое лицо. Идейные либерализмъ и консерватизмъ становятся реальными лѣвыми и правыми теченіями. Можно установить безъ оговорокъ, что опредѣлилось всеобщее лѣвое теченіе и прессы и литературы, отражая мысли и чаянія городскихъ обществъ. Сельское общество и деревня никогда своего голоса и печати не имѣли и были безсильны.

Въ столицахъ, лѣвое теченіе — радикальныхъ и большинства еврейскихъ газетъ нѣсколько сдерживается «Новымъ Временемъ», которое до 1905 года либерально и конституціонно, но «милостиво» къ бюрократіи и Монархіи до 1917 года. Газета эта «свѣтская», ее **читаетъ** весь Петербургъ и живетъ по ней.

Большая часть остальной печати въ обѣихъ столицахъ **революціонна.** Лозунгъ — злоба и поносительство всего своего. Всего, что бы ни дѣлало правительство, что бы ни совершило дворянство, духовенство и администрація.

Лѣвая печать — ноющая пила, политическія «четьи минеи», съ зудящимъ призывомъ къ смутѣ, ненависти и кому то, за что то, мести. Тонъ печати зловѣщій, осуждающій, безъ проблеска смѣха, радости жизни, надежды, безъ отзвуковъ славы прошлаго и призывовъ къ будущей. Печать наша зоветъ къ совершившемуся, зоветъ отъ чего-то спасать народъ. Ея тонъ годъ отъ году заунывнѣе, призывы — грубѣе и рѣшительнѣй. Печать, наемная и ожесточенная, сдѣлаетъ свое громадное и страшное дѣло.

У правой печати нѣтъ тиража. Скажутъ, нѣтъ

тиража, нѣтъ и Монархизма. Отчасти — это правда. Въ обществѣ одни считаютъ, что монархизмъ и собственность «сами собою разумѣются». Другіе, — что Монархія такъ сильна, что нечего ее защищать. Третьи, — по выгодѣ, или искренно консерваторы, но стѣсняются и не смѣютъ высказываться. «Гражданинъ» ненавистенъ за рѣзкость, и за репутацію своего даровитаго, но не государственника, редактора. «Московскія Вѣдомости» далеки, бѣдны и имя редактора опорочено чуть ли не какъ еврейское. Кн. Ухтомскаго и Комарова почти не читаютъ. Съ 1906 года появляются двѣ - три газеты, взявшія сразу «ругательный тонъ»: этотъ тонъ былъ еще объяснимъ въ годы революціи, но газеты эти такъ и не перейдутъ на серьезную экономическую и политическую работу и останутся безъ вліянія. Съ 1900-го года « предупреждаютъ » три - четыре сильныхъ консервативныхъ писателя и одинокій бьется въ «Русскомъ Дѣлѣ» великолѣпный, неоцѣненный Шараповъ. У правой печати нѣтъ денегъ, нѣтъ сильныхъ сотрудниковъ и нѣтъ поддержки.

Попытки создать серьезный казенный органъ кончаются ничѣмъ. Бюрократія неспособна дать жизнь хотя бы одной газетѣ, и во главѣ казенныхъ газетъ бездарности, или безвольные...

Цензура раздражаетъ мелочами, не умѣя дать ни руководящаго начала, ни плана, какъ казеннымъ газетамъ, такъ и всей печати.

Попутно сдѣлаемъ сопоставленіе: въ то время, какъ вся иностранная печать изо дня въ день занята восхваленіемъ своихъ странъ, правительствъ и дѣятелей и лишь меньшая часть — сдержанно оппозиціонна, вся наша печать подлинно измывается

и надъ строемъ и надъ властью и надъ всѣмъ теченіемъ русской жизни.

Общество считаетъ, что никакой защиты строя, собственности и правового порядка — не нужно. Петербургская знать и общество, проживающее милліоны и вывозящее заграницу до 200 милліоновъ рублей золотомъ въ годъ, и Московское купечество, соперничающее съ знатью въ мотовствѣ, **не дадутъ ни копѣйки** на консервативную газету, не внесутъ ни одного рубля союзамъ собственниковъ, и не выкажутъ никакого личнаго участія въ защитѣ строя и права. Ни одинъ «вельможа», ни одинъ богачъ Москвы, ни одинъ изъ веселящихся безъ удержу не далъ никогда и ничего на защиту отъ того, что совершилось... У общества столицъ завѣтнаго ничего не существуетъ.... Зналъ ли, объ этомъ Государь — неизвѣстно: не Ему же было давать починъ публичной защиты Престола, строя и Правительства?

. . . .

Нельзя допускать мысли, что въ лѣвыхъ теченіяхъ общества не было людей идейныхъ, вѣрящихъ въ освободительныя начала, въ конституцію, соціализмъ и прочее. Такіе люди были, но имена ихъ на перечетъ....

Все остальное, стремившееся къ перевороту, было глубоко и цинично корыстное, злобное, морально скверное, и ни къ чему иному, какъ къ тому, что сейчасъ существуетъ, придти не могло. Оставляя область морали и подходя къ оцѣнкѣ ума и замысла движенія, установимъ, что не только по результатамъ, но и въ самомъ процессѣ сказалась совершенное явственная, глубокая бездарность всѣхъ замысловъ общества. Встаетъ вопросъ: не-

ужели всѣ эти господа изъ бюрократіи, изъ «свѣта» и изъ интеллигенціи, шедшіе къ «освобожденію» не имѣли плана и предвидѣнія?.... и неужели всѣ проповѣди, начиная съ Герцена - Бакунина, и всѣ партіи, съѣзды, блоки и т. п., были не что иное,какъ результаты безпросвѣтной глупости?

Одиночные писатели консерваторы, говорившіе, что Россія **погибнетъ**, что заговоры ведутъ Россію къ концу... оказались правы! Отчего же ихъ и слушать никто не хотѣлъ? И **за что** ихъ ненавидѣло общество?

Отчего тѣ, кто теперь сознаютъ, что «они ошиблись», не скажутъ, **почему и въ чемъ** ошиблись? Неужели «стыдно» сознаться? И какъ легко говорить: «мы ошиблись»...

Дюма, во время хода революціи, клялся Наполеону, что онъ могъ остановить Coup d'Etat, но не рѣшился. Наполеонъ отвѣтилъ: «Вы болваны и не умѣете дѣлать революцію»... Что же сказалъ бы онъ нашимъ творцамъ освобожденія съ 1904 года, вплоть до октября 1917 года?....

И неужели **все** результатъ, главнымъ образомъ, глупости? Современныя лѣтописи, описывая событія, каждой строкой подтверждаютъ именно это... Не отъ этой ли бездарности **всего** Государь такъ холоденъ къ призывамъ общества? и не отъ того ли въ 1917 году народъ сразу отвергъ власть общества, и понявъ, что ему сулятъ всякій вздоръ, съ отчаянья, махнувъ рукой, кинулся грабить, благо ему это **приказали,** и грабежъ назвали завоеваніями революціи? . . . .

Окруженіе и бюрократія опорочивали правое движеніе. Чиновники стыдились читать правыя газеты, и прячась читали.

Не отозвался и народъ на его призывы. Въ 1906 году правое движеніе было значительное; главари его требовали у власти подавленія смуты. Позже изъ этого движенія не вышло ничего серьезнаго и законченнаго, чтобы можно было бы противупоставить однообразнымъ требованіямъ лѣвыхъ; въ рядахъ правыхъ, умныхъ людей было еще меньше...

Передъ Государемъ было общество, раздѣленное съ 1905 г., на большинство, открыто шедшее къ разрушенію, и меньшинство, не имѣвшее ни единства, ни политической и экономической программы. Черпать идеи изъ отдѣльныхъ пожеланій было невозможно, и торжествовала бюрократія, указывая лишь на свои заслуги и на положительныя стороны «испытанной» европейской конституціи...

Ссылаясь на свою силу, правительство упускало время, не сознавая, что только при Самодержавіи возможно было провести до конца экономическую мѣстную и главную земельную реформу. Поздно, лишь при Думѣ берется частично ее провести одинъ Столыпинъ, понимая, что черезъ 25 лѣтъ поднятая сильная крестьянская Россія будетъ неузнаваема и непобѣдима.

Это то и учелъ заговоръ. Устраненъ былъ Столыпинъ и рѣшена была война. Лишь война могла дать побѣду надъ Монархіей. Война — неудачная, и во всякомъ случаѣ такая, чтобы мы не были въ средѣ побѣдителей.... Разсчетъ былъ безпроигрышный: въ худшемъ случаѣ падали Монархіи побѣжденной стороны, и въ лучшемъ — могли пасть всѣ главнѣйшія.

XII.

Въ сложныхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ проходитъ вся жизнь Государя. Злоба на Монархію

общества внутри и агресивные планы запада сдерживались тяжелой рукой Его отца. Съ воцареніемъ Государя Николая II, всѣ поняли Его миролюбіе и довѣрчивость. Рѣшено было начать: «теперь или никогда», и началась осада; избѣгали покушеній на Него и оберегали Его, какъ жертву будущаго.

Изъ обзора общаго положенія явствовало, что наше государственное и частное хозяйство отстаетъ почти отъ всѣхъ странъ свѣта. Безспорно, что мы легко могли удвоить и утроить производство сырья. Безспорно, что отечественная промышленность уходила въ чужія руки, что частно-банковская дѣятельность была на границѣ уголовной, что наше финансовое вѣдомство втягивало насъ въ долги и запутывало въ политику...

Отсталость наша относительна, но велика. Экспортъ различныхъ странъ съ 1900 - 1913 г. г. (и параллельно и импортъ) представляется въ слѣдующемъ видѣ: Англія подняла эксп. съ 3 милліард. р. до 6; Америка съ 2½ до 5; Германія съ 2 до 5, и т. д. Больгія съ 700 мил. р. до 1.480 мил. и Россія съ 700 м. до 1.500 м. Т. О., мы имѣя 19 милл. кв. верстъ и 163 мил. населенія вывозимъ и ввозимъ то же, что Бельгія при 25 тыс. кв. в. и 7 милліон. населенія. Въ моемъ трудѣ, еще неизданномъ, примѣровъ много; ограничусь нѣкоторыми. Средняя цыфра дохода Американца (1912 г.) 345 р., Англич. — 273 р. Француза — 233, русскаго — 53.

Мы отстаемъ въ сельскомъ хозяйствѣ, хотя оно даетъ 88% вывоза. Заграницей удобренныхъ земель 60%, у насъ 4%. Крестьяне имѣютъ кредитъ отъ 5 до 14 к. на голову, тогда какъ Американскій земледѣлецъ имѣетъ 60 р., Германскій 53 и т. п. Изъ всѣхъ суммъ кредита сельск. хозяйство получаетъ 6%, Доходъ нашего лѣса даетъ въ среднемъ на десятину въ Сибири 1 к.; на сѣверѣ 3 к., въ Европ. Россіи 2 р. 50 к., тогда какъ средній доходъ въ Германіи 29 р., во Франціи 36 р. и т. д. Съ 1900 г. скотоводство наше уменьшается; добыча шерсти также, плодородіе убываетъ, посѣвы льна сокращаются. Растетъ производство хлопка, сахара, молочныхъ продуктовъ (Сибирь) Съ 1907 г. увеличивается добыча и вывозъ зерна и жмыховъ.... Отсталость особенно замѣтна въ промышленности, несмотря на льготы и субсидіи, на сумму свыше 100 милл. р., и несмотря на притокъ иностраннаго капитала (иностранныхъ предпріятій (отъ 60 - 70%). Производство желѣза и добыча угля увеличивается туго; съ трудомъ удовлетворенъ

внутренній спросъ. Себѣстоимость плавки металла выше заграничныхъ на 40%. Мы покупаемъ чугунъ въ Германіи и Австріи. Добычи чугуна 280 милл. пуд. противъ Америки—2 милліарда, Германіи — $1\frac{1}{2}$ милліарда и т. д. Угля мы добываемъ 2.250 милл.,Герм. 18 миллр.р.,Америка 32 миллр. Расходъ чугуна на человѣка: у насъ 10 п., въ Америкѣ 260 п., въ Германіи 150 п. и т. д. Въ остальныхъ производствахъ и потребленіи наблюдается приблизительно тоже.

Вите увеличиваетъ число предпріятій до 1.500 съ капиталомъ въ $3\frac{1}{2}$ миллр. (въ Германіи 5.700 предпріятій съ капиталомъ 18 миллр.)), но и предприниматели и капиталы послѣднее десятилѣтіе убываютъ; т. к. покупательныя способности народа низка. Весь вывозъ продолжаетъ строиться на производствахъ сельскаго хозяйства, лишеннаго министр. финанс. какой либо помощи. Сбереженія жителя Германіи 143 р., англичанина 106 р. р., француза 96 р., Русскаго 16 р. (1910 г.). Лишь съ 1912 г. замѣтно оживленіе оборотовъ кредитн.. товариществъ. Наши 10 коммерческихъ банковъ (съ 630 мил. р. капитала) и столько же земельныхъ (съ 160 мил. р.) закрыты для сельскаго хозяйства и мелкой торговли.

О кредитахъ с. х. не смѣютъ говорить. Эмиссіи боятся. Бюджетъ растетъ съ 2 милр. (1903 г.) до 3.500 (1910 г.); государственные расходы покрываются займами (долгъ 1892 г. — 1 милр.; 1904 г. — 6 милр.; 1914 г. 9 милр. плюсъ внутр. заемъ 3 милр.), косвенными налогами (водка) и эмиссіей (1904 г. въ обращеніи золота 774 мил. р. и бумажн. денегъ 518 м. р., въ 1913 г. золота 628 мил. р. и бумажн. денегъ 1,450 м. р.). Изъ суммы до 4 милр. госуд. расхода идетъ на производительныя нужды всего 8%; на с. х. не ассигнуется почти ничего. Госуд. долгъ достигаетъ 2 р. 80 к. на голову населенія (въ Америкѣ 5 к.). Крестьянство оскудѣваетъ. Земство ограничено въ средствахъ (въ то же время Англія при бюджетѣ въ 160 мил. ф. с. расходуетъ на **self government** (мѣстнымъ учрежденьямъ) 170 мил. ф. с....

Не смотря на краткій перечень доказательствъ нашей отсталости, все говоритъ, что при провеедніи земельной и мѣстной реформы, при богатствѣ страны — всѣ производства — и притомъ сразу — утроятся. Одной осенней пахотой и съ концомъ трехполья урожаи удвоятся, а съ ними — скотоводство и новое промышленное сельское хозяйство (см. «Записки Землевладѣльца» выводы). Тоже и въ промышленности: успѣхи текстильнаго дѣла (Морозова и др.), два - три образцовыхъ завода Юга, достиженія въ сахарномъ дѣлѣ, все указываетъ на огромныя возможности...

Дѣло въ рукахъ самого народа и въ правильной финансовой политики....

Но ни одинъ заклятый врагъ Монархіи за отсталость эту и пробѣлы не посмѣетъ обвинить ни Монархію, ни Государя.

Лѣнь общества и народа, и особенно Великорусскаго, были нашей болѣзнью. Мы подлинно какъ собака на сѣнѣ лежали, сами не ѣли и другимъ не давали... И пришло время, когда эти другіе рѣшили наше добро отнять.

Историкъ обязанъ установить, что опредѣленіе Государемъ размѣра богатствъ и силъ страны, въ Его эпоху, не было преувеличеннымъ. Запасъ этихъ богатствъ: земли, нѣдръ, лѣса и прочаго, былъ настолько громаденъ, и численность и приростъ здороваго народа такъ великъ, что Государю **не могли придти въ голову** какія нибудь серьезныя бѣды. Еще менѣе Ему могло придти въ голову, что всѣ эти богатства и свою независимость и свободу народъ отдастъ когда - либо и кому - нибудь добровольно...

Заставить работать и добывать могла бы нужда. Побудить къ работѣ — собственность. Поднять самодѣятельность и спастись отъ засилія бюрократизма — широкое областное самоуправленіе.

Этихъ побудителей не было; послѣднихъ двухъ реформъ, **упорно не допускали общество и бюрократія...**

Но несмотря на все, **сила** страны была такова и устройство казалось столь прочно, а управленіе совершалось, видимо, такъ стройно, что причинъ къ тревогѣ и энергичной самозащитѣ своей и Россіи, у Государя быть не могло.

Поэтому, тѣмъ изъ насъ...одинокимъ, кто предвѣщалъ съ 1894 года *) **гибель** страны, **Монархіи,** черный передѣлъ,міровую революцію,войну и прочее, Государь имѣлъ всѣ основанія не вѣрить.Наши

---

*) Доклады мои 1894 - 1897. Саратовскому дворянству, оглашенные въ печати.

предвидѣнія почитались правительствами и обществомъ вздоромъ, и Государю докладывали — что все благополучно...

Государь видитъ и другое: несмотря на тормазы, земское хозяйство, народное образованіе, защита народнаго здравія, ж. д. строительство—шли впередъ...и лишь съ 1905 года задерживаются Думой. Эта послѣдняя, путаясь въ своей«вермишели», не свѣтитъ и не грѣетъ, коптитъ тусклымъ фонаремъ путь національнаго и мѣстнаго прогресса, по которому неторопливо двигалась Царская, а позже Императорская Россія...

Давъ Думу, Государь не колеблется ее сохранить, вѣря въ общество и народъ, вѣря, что ея злоба и скандальность уступятъ когда нибудь мѣсто порядочности, патріотизму и дѣлу.

Государь не теряетъ никогда своей бодрости. Онъ не любитъ Думы, но не показываетъ этого ничѣмъ, проявляя изумительную выдержку и терпѣніе. Надо было имѣть его волю и силу духа, чтобы ни разу не проявить гнѣва...

Сознавая всѣ трудности, но признавъ **силу** всей страны, Онъ не преувеличиваетъ опасности. Обладая огромной памятью, Государь читаетъ, изучаетъ все касающееся Россіи. Въ бесѣдахъ съ многими серьезными людьми, Онъ проявляетъ глубокія знанія по всѣмъ вопросамъ, усваивая лучше всѣхъ крестьянскій вопросъ.

Надо поражаться выносливости и здоровью Государя. Кромѣ государственныхъ дѣлъ, Онъ принимаетъ тысячи людей.

Часто и безтактно окруженіе отнимаетъ Его драгоцѣнное царское время по множеству мелочныхъ придворныхъ вопросовъ, всякихъ связей, про-

текцій и назначеній. Вѣдомо, что Государь желаетъ избавиться отъ этой «мелочи» жизни, но, не желая обидѣть окруженіе и правящій классъ, Онъ утомляется, но вникаетъ во все.

Глубоко разочарованіе Государя въ неуспѣхѣ Его личной идеи **мирной** конференціи. (Гага). Но послѣ этой попытки Государь еще ближе, еще крѣпче привязывается къ **своей** Россіи, становясь еще сдержаннѣе съ Западомъ.

Террористическіе акты оставляютъ Государя хладнокровнымъ. Ему ставятъ въ вину Его будто-бы безсердечіе. Это ложь. Государь всегда встревоженъ, всегда сочувствуетъ, но Онъ и самъ всегда готовъ къ смерти, и проявляетъ громадное самообладаніе, показывая своимъ спокойствіемъ примѣръ **власти.**

Государь не желаетъ ни разу отвѣтить терроромъ на терроръ. Онъ не проявитъ до конца деспотизма Власти, и не назначитъ, какъ то предлагаютъ Ему въ іюнѣ 1905 года (Московскія Вѣдомости) — диктатора.

Можетъ быть въ этомъ непротивленіи злу, историкъ и сочтетъ главную ошибку Государя?.... возможно.... но то была во всякомъ случаѣ не ошибка, а **твердая воля** Государя — не мстить, а ждать и терпѣть....

Не слѣдуетъ еще забывать, что какъ о мѣрахъ предупрежденія и пресѣченія, такъ и возмездія — первыми должны были думать лица правящаго класса. Слабость этихъ лицъ была преступна и о **попустительствѣ** ихъ беззаконію можно написать томы....

Не умѣя играть «роли», — Государь былъ милостивъ, но требовалъ порядка, и этого порядка

бюрократія не умѣла и боялась дать. Общество осмѣливается говорить и писать о какой то Его жестокости... Заграничная пресса плететъ клевету о «кровавомъ царизмѣ»... и даже въ самомъ окруженіи Государя многіе позволяли себѣ указывать на случаи и обвинять, когда Государь не лично, а письменно и безъ «предупрежденія» уволилъ того или иного сановника, Его осуждаютъ за то, что какой - нибудь рескриптъ не былъ достаточно **любезенъ....** Ропотъ салоновъ и канцелярій на Государя не прекращался никогда...

Въ 1905 и 1906 году перебитъ цѣлый рядъ вѣрныхъ Государю людей. То были жертвы не строя, а общества, и только общества и безвластной бюрократіи....

Было время (іюнь 1905 года), когда **Государь** принялъ **громадной важности рѣшеніе.** Объ этомъ событіи еще не время говорить, хотя есть и документы и свидѣтели. Рѣшеніе это связано было съ рядомъ крутыхъ мѣръ въ цѣляхъ успокоенія страны. Но Государь, взвѣсивъ все, передумалъ, и остановился.... и на Его душѣ не осталось раскаянія пролитой крови...*)

Къ партійному началу Государь былъ безразличенъ и безпристрастенъ. Ему ставятъ въ вину принятіе значка праваго союза, но никто не объяснитъ, что Государю было подносимо множество значковъ всякихъ обществъ...

Извѣстно лишь одно, что принявъ вожаковъ

---

*) Генералъ Д. Ф. Треповъ, узнавъ, что Витте оправдываясь, передалъ Ф. Д. Самарину и мнѣ записки, обвиняющія Государя, хотѣлъ сдѣлать у меня выемку. Подробности этого эпизода, характеризующаго Витте я изложу въ другомъ мѣстѣ. Вопросъ шелъ объ арестѣ Витте и группы чиновниковъ и назначенію диктаторомъ Лауница, Дубасова или Столыпина.

партій въ 1905 г. — Государь былъ внѣ партій и никакихъ отношеній къ нимъ не имѣлъ, и зналъ о нихъ лишь черезъ сановниковъ.

Вліяніе партій — умѣренныхъ, обновленія, націоналистовъ, прогрессистовъ и проч. было совершенно ничтожно, какъ ничтожны были ихъ «лидеры». Правая партія къ 1914 году безъ денегъ почти не существовала. Этой партіей руководили отставные бюрократы и члены Думы. Собранія были малочисленны и о нихъ никто не зналъ. Вспышка фанатизма 1905 года угасла и силъ у правыхъ не было никакихъ...

Не зная партійной жизни, Государь и здѣсь вводится въ обманъ. Въ тревожные дни января 1917 года главари — часть правыхъ депутатовъ и сановниковъ по телеграфу завѣряютъ Его и Государыню въ готовности и огромной численности отдѣловъ Союзовъ. На самомъ дѣлѣ организацій этихъ почти нѣтъ. Однако вѣра въ эту «несуществующую» силу поддерживается сановниками и министрами и такое увѣреніе имѣло роковое значеніе на рѣшеніе Государыни...

Послѣднимъ обстоятельствомъ, осложнившимъ наступившее спокойствіе страны съ 1907 года — былъ **славянскій** подъемъ въ Петербургѣ. Въ 1909 году его создало тоже Петербургское общество. Видя наступившее успокоеніе, радикалы и «иностранцы» образовали неославянскіе кружки, отрекаясь отъ идей Московскаго Самаринскаго кружка. Цѣлый рядъ свѣтскихъ лицъ, съ членами палатъ выѣхали агитировать въ славянскія земли. Печать во главѣ съ «Новымъ Временемъ» забила въ барабаны, требуя освобожденія славянъ уже не отъ Турціи, а отъ Австріи. Посольство этой страны было

чуть не разгромлено толпой. Задоръ на собраніяхъ, въ Думѣ и банкеты создавали атмосферу войны, При этомъ въ Россіи никто ничего не зналъ, и славянскаго вопроса народъ не признавалъ *). Это воинственное настроеніе совпало съ походомъ печати Англіи и Франціи за Славянство, причемъ директивы движенія даются Англіей. Съ той поры Германія и Австрія на сторожѣ. Безспорно, что **слѣдствіемъ этого движенія общества было приближеніе войны.** Фитили ставятся западомъ, а наши общество и печать призывали къ войнѣ.

Съ того же года начинаетъ осуществляться объединеніе радикальныхъ круговъ Запада и Россіи.

Я имѣю основаніе утверждать, что **приказъ** общественнымъ организаціямъ данъ интернаціоналомъ въ 1909 году.

. . . .

Государь — своимъ спокойствіемъ и твердостью не одинъ разъ предотвращаетъ т. н. конфликты, и довѣріе къ **Его** мирной политикѣ ничѣмъ не нарушается. Миролюбіе же дипломатіи и бюрократіи подлежало большому сомнѣнію. Общество хотѣло и требовало войны....

. . . .

Многимъ извѣстно, какихъ усилій стоило Государю сглаживать всевозможныя недоразумѣнія, и оставаясь спокойнымъ, передавать это спокойствіе

---

*) Статьи мои въ 1907 года («восточный союзъ») объ укрѣпленіи союза съ Франціей и заключеніи 20 л. договора съ Германіей, Японіей и Турціей и предупрежденіе о міровой войнѣ — были конфискованы, а послѣ статьи «Диктаторъ» и продолженія ее Шараповымъ (Ивановъ 16), П. А. Столыпинъ предложилъ намъ временно не писать, «благо» я уѣзжалъ заграницу.

Правительству, и тѣмъ самымъ **охранять спокойствіе страны....**

Зналъ ли Государь, что измѣна и заговоры близятся къ Престолу? Есть указанія, что Онъ зналъ и не обманывался; есть указанія и обратныя... Самъ Государь избѣгалъ высказываться....

Могъ ли Государь помыслить, что **огромная** часть правящаго класса относится къ Нему недоброжелательно, съ осужденіемъ и злобой... какъ это было и оказалось? Могъ ли думать, что послѣ 1905 года не образуется сплоченнаго ядра государственниковъ, готовыхъ къ отпору организуемому заговору? Могъ ли допустить, что даже среди окруженія растетъ злой ропотъ и клевета, и что нѣкоторые будутъ замѣшаны въ заговорѣ?

Государь не могъ помыслить, что въ теченіе небывало опасной войны, ни въ одномъ учрежденіи, ни мѣстности, ни кругѣ общества — пропаганда и клевета *) на Него не встрѣтятъ сопротивленія....

Могъ ли Государь полагать, что Его коронованные собратья, допустятъ свои правительства и общества, осуществлять задачу развала Россіи и будутъ безразличны къ Его сверженію?

Могъ ли думать Царь Россіи и Верховный командующій, что въ средѣ любимой Имъ арміи, въ его командномъ составѣ, въ неслыханное нарушеніе присяги, дисциплины, традицій, и въ пору, когда армія была **наконецъ** въ силахъ побѣдно кончить войну, — на Него, ни въ чемъ неповиннаго, посягнутъ?

---

*) Въ ноябрѣ 1016 г. Саратовское дворянство возстаетъ противъ клеветъ на Государя, повергаетъ къ стопамъ Самодержавнаго Царя свои чувства и просьбу о призывѣ къ власти людей испытанной чести, разума и твердости.

И наконецъ народъ.... нація...русское ея ядро... выковывавшее столѣтіями само свою власть, та армія, которая «со слезами умиленія» и криками восторга Его привѣтствовавшая, сразу отвернется? а нація,пластомъ отвалится отъ своего Царя, равно душно предастъ его, не дрогнувъ хоть гдѣ - нибудь бѣшенствомъ протеста противъ жалкаго общества?

Могъ ли Государь допустить, что, не думая ни о Родинѣ, ни о чести, ни о прошломъ, ни будущемъ, народъ смѣнитъ свой крестъ, свои стяги, на тряпку интернаціонала?...

Могъ ли думать, что Его неповиннаго будутъ судить? За что и кто? Думать, что **никто** — ни въ Думѣ, ни въ обществѣ — за Него, Царя и человѣка, не заступится?...

Нѣтъ, Государь не могъ допустить ни одной изъ этихъ..... мыслей...

Отсюда его стойкость, спокойствіе, безхитростность, вѣра въ армію, въ народъ, въ свѣтлое будущее — **Его отечества...**

Могъ ли Онъ знать, что заговоръ предусмотрѣлъ все?... политика Витте, война съ Японіей, 1905 годъ, — революція.. своб.оды, собраніе силъ заговора. Славянскій и еврейскій вопросъ. Партіи. Міровая война... соучастіе въ революціи Германіи и Англіи; организація Ленина и прочее....

Все шло по плану — геніально простому и безошибочному...

Государь нашъ геніемъ не былъ, и такого плана предусмотрѣть не могъ...

Но **страшно** то, что кругомъ Него не оказалось никого, **кто бы предупредилъ Его,** зная о заговорахъ....

XIII.

Самодержавіе или Императорство? Общество не знало и не знаетъ до сихъ поръ, какой у насъ былъ строй. На это не даютъ точнаго отвѣта ни государственное право, ни наука. Знаетъ народъ; знаетъ Царя, хозяина земли...

Въ интересномъ очеркѣ «двѣ Россіи» графа А. Салтыкова, утверждается, что успѣхи прошлаго лежали въ Петровскомъ строѣ, въ Императорствѣ и что будущее — въ немъ же... новый призывъ Варяговъ и полное западничество..

Огромные труды славянофиловъ доказываютъ обратное: славянофилы **возвращаютъ** къ до Петровскому царству и въ отреченіи отъ Самодержавія **и укрѣпленіи германо** - романскаго императорства — видятъ паденіе Россіи..

«Народъ, живущій вѣрой и бытомъ, твердо стоитъ на Самодержавіи, тѣмъ самымъ устраняясь отъ политиканства, видя въ немъ необходимое зло, возлагаемое какъ бремя на жертвующаго собою Государя, за что и воздастся Ему честь и любовь соразмѣрно подвиговъ»...

Народъ не понимаетъ власти въ наклонности къ абсолютному (императорскому), ибо онъ считаетъ власть органической частью самого себя (первый изъ всѣхъ). Власть увѣрена въ своей связи съ народомъ... Земля понимаетъ, что есть государево дѣло, и что ей вмѣшиваться безъ приглашенія не подобаетъ... **Царь понимаетъ великое земское дѣло, и что цѣль государева — дать землѣ жить своею земскою жизнью....**

Самодержавіе есть активное самопознаніе народа, концентрированное въ одномъ лицѣ... Самодержа-

віе проявляетъ себя всякими видами общенія съ народомъ, изъ которыхъ однимъ можетъ быть земскій соборъ... Величіе самодержавія заключается въ величіи народа, добровольно ввѣряющаго ему свою судьбу....

Здѣсь нѣтъ мѣста привести всѣ доводы цѣлой плеяды мыслителей и идеологовъ, черпавшихъ эти доводы изъ исторіи и изъ былой реальной жизни народа. Доводы эти взяты не изъ головы, а изъ подлиннаго прошлаго жизни народа. Эта жизнь была жестоко и досадно,отчасти вынужденно прервана Петромъ I, надорвавшимъ всѣ кровныя нужныя связи съ народомъ. Черезъ два вѣка придется выдумывать эту связь, и брать императорскій же западный образецъ, и привести въ столицу поденно - наемный безотвѣтственный парламентъ, который не только не установитъ этой связи, но **укрѣпитъ пагубную централизацію,** стремясь къ упраздненію самаго Царя, и развалу государства. Въ этомъ процессѣ какъ никогда будетъ выявляться, что Власть бремя, а не привилегія, и къ ней будутъ предъявляться непосильныя и безсмысленныя требованія...

Цари, какъ и Государь Николай II ищутъ опоры въ народѣ, въ опросахъ, въ исторіи, въ чтеніи... и наконецъ въ Думѣ, чая въ ней **подобіе** Соборовъ, съ которыми Цари **дружно** и доброхотно управляли страной...

Царь - глава, — народъ тѣло; части требуютъ только взаимодѣйствія. Царь есть отрицаніе абсолютизма; онъ связанъ предѣлами народнаго пониманія; служеніе — рама, въ предѣлахъ которой власть почитаетъ себя свободной. Служеніе — ох-

рана, огромнѣйшихъ территорій сцѣпленныхъ въ одно цѣлое.

Нельзя не признать великолѣпія идеи, **что Царь всегда съ землей,** всегда сдумывается съ народомъ. Славянофилы доказываютъ, что Самодержавіе всегда считало себя ограниченнымъ (въ противуположность императорству), что оно жило въ народѣ и Церкви. Россія — огромный «приходъ».... и все время хочетъ этого приходского начала.

Власть Царей и Императоровъ въ корнѣ и по формѣ — различны. Д. Хомяковъ удачно говоритъ, что Императоръ — хроническій диктаторъ — вѣчный идеалъ диктатуры, происшедшій изъ власти полководца: альфа и омега человѣческой дѣятельности происшедшей черезъ обожествленіе (Римъ - Наполеонъ)...

Наше Самодержавіе — смиренно: оно бытовая вѣра, устраняющая политиканство...

Востокъ, своей громадой ни чѣмъ не похожъ на раздробленный на мелкія части западъ, держится самодержавнаго начала и въ исторіи мы видимъ, что народы востока считаютъ власть частью самихъ себя, выразителями себя, неизбывной своей силой. Цари — независимы отъ всего міра; они ревниво хранятъ независимость Россіи, и народъ этой независимостью и доволенъ...

Наше Самодержавіе идетъ отъ Хана Золотой Орды — а не отъ Варяговъ; воплощается въ русское и не успѣвъ быть доведено до идеальной формы Иваномъ IV (областное самоуправленіе), ломается Петромъ, извращается — заигрывающей съ Церковью и народностью — Екатериной... но охраняется послѣдующими Государями, какъ нѣчто важное, не пререкаемое...

Государи становятся для общества и иностранцевъ — Императорами; для народа они остались — Царями, и русская земля **не общественная, а народная.** На протяженіи двухъ вѣковъ, никто не смѣетъ разрѣшить вопросъ объ историческомъ генезисѣ; никто не знаетъ, императорская ли наша власть, или Царская? Общественное мнѣніе высмѣиваетъ и злбствуетъ на «царизмъ - абсолютизмъ» и «деспотизмъ» нашихъ Государей. А эта ложь и подтасовка, которую наше общество нарочно подноситъ Западу. Абсолютизмъ и деспотизмъ былъ на Западѣ, а у насъ ни того, ни другого **никогда** не было, ибо въ существѣ Самодержавія этихъ признаковъ нѣтъ...

Появленіе признаковъ деспотизма при Императорствѣ Петра I — умаляется, и ограничивается самодержавной основой власти... Но, заслоняя самодержавіе императорствомъ, Петръ I никогда отъ самодержавія не отрекался, зная гибкость, глубину и силу корней этой власти. Онъ принялъ новую форму, оставивъ сущность. Въ **сотняхъ** случаевъ, даже творя по новому Россію, онъ черпаетъ мысль и право изъ самодержавія....

«Если мой законъ плохъ, не исполняйте его» — говоритъ онъ, куда то отъѣзжая. Такъ скажетъ Царь, и никогда не скажетъ Императоръ...

Послѣ сближенія съ народомъ въ Отечественную войну, Государь Александръ I — порывается дать Земскій Соборъ. О томъ же Николай I пишетъ гр. Киселеву. Онъ почти рѣшается на генералъ - губернаторства (области). Александръ II и Александръ III готовы подойти къ областному управленію: мѣшаетъ ревнивая бюрократія, ограничившись бюрократическимъ земствомъ...

Много разъ Государи готовы вернуться къ Самодержавію, но безсильны, воспринявъ «систему» императорства, и боясь ее нарушить и поколебать, не возстановивъ въ полнотѣ Самодержавія....

Вернуться не дастъ и другая сила — бюрократическая, завладѣвшая значительной частью имперской власти. Невидимо, на Престолѣ борятся два начала ,разныя по существу, происхожденію и значенію...

Но **коренное** начало готово взять верхъ...

Внизу шло расхищеніе власти: «чиновникъ - внѣшнее орудіе абсолютизма — механическое орудіе власти, — началъ жить **для себя,** исключительно въ интересахъ самосохраненія. У чиновниковъ съ Царемъ только дѣловая связь... Для власти чиновникъ не оказался достаточно безвольнымъ, а для народа былъ эксплуататоромъ»...

Бюрократія ограничила императорство, и по образцу запада, она еще болѣе ограничитъ его парламентомъ... Неограниченнымъ, не только по титулу, но по существу права власти останется самодержавіе, сохраненное Государемъ...

Самодержавіе и было страшно обществу и западу **своими неограниченными возможностями.**

Западъ боялся Царя, а не Императора, въ силу того, что самодержавіе - народное. Царь былъ неразрывно силенъ въ народѣ. Евреи не только не признаютъ, но ненавидятъ Христа и Его ученіе, т.к. оно народное. Тоже, въ маломъ примѣрѣ, представляетъ ненависть къ Православно народному Самодержавію. Западъ боится Царско - народной силы, нападая на первую. Сломится первая, сломится и вторая. Этого и добьется революція.

У Императоровъ, отъ Римскаго и до Англійскаго короля,отнималось все, кромѣ тоги, мундира, пенсіи и короны. У Самодержавія ничего не отнято: оно времено **отошло** отъ народа съ Государемъ. **Отъ народа отпала сама его Держава.**

Мы — восточное государство — пробыли два вѣка подъ Императорствомъ —и рухнули опять таки въ форму западную - соціалистическую, по послѣднему слову западной науки, взлелѣянной императорствомъ*). **И никакой иной реальной, какъ** большевистская форма у вздорнаго и лживаго ученія соціализма нѣтъ. Промежуточныхъ станцій соціализма, на которыхъ жизнь можетъ остановиться — не существуетъ....

И, рухнувъ, мы начнемъ искать, кто мы были и кѣмъ будемъ.Запутавшіеся **въ неправдѣ евразійцы будутъ поздно доказывать доказанную жизнью** истину, что мы восточники, а Салтыковы, что мы, погубленные западомъ, имъ же спасемся. Хороши мы будемъ, если **теперь** начнемъ новую распрю!

Начиная съ географіи, Православія, и кончая этнически плохими и хорошими свойствами — **намъ некуда уйти отъ нашей восточности.** И ни Императорство, ни евразійство насъ не измѣнитъ. Мы — мы, хотя бы и мѣняли выраженія нашихъ лицъ и именъ. А главное — Россія — Россія, пока она не раздѣлена и не расхватана по кусочкамъ западомъ. И никакихъ entweder - oder намъ ставить нечего. Это доказалъ 1917 годъ. Мы измѣнить себя можемъ только сами, и въ самой борьбѣ за право самимъ держаться или пропадемъ, какъ русскій народъ, или побѣдимъ какъ соборная нація — всѣхъ народ-

*) Первый интернаціоналъ организовался подъ покровительствомъ, и на субсидіи Наполеона III.

ностей, удержавъ Россію сами, черезъ Царя, сковавъ ея части этой властью.

Нѣтъ, утвержденіе гр. Салтыкова, что роль Императора — борьба съ народомъ — незаманчиво. Самодержавіе боролось съ уклончивостью народа отъ государственныхъ дѣлъ (не политика), съ непокореніемъ правдѣ, закону и Вѣрѣ, но не создавало себѣ роли борца.

Царь печется о народной нуждѣ. Когда нужно, самодержавіе — не слабѣе диктаторскаго императорства — оно **покоряетъ** своей волѣ, и при Иванѣ IV и Петрѣ, рубившихъ головы супротивникамъ.

Царь первый стражъ страны отъ иноземныхъ; Царь — врачъ, и вмѣшивается въ жизнь народа, когда онъ боленъ, и оставляетъ его въ покоѣ, когда онъ здоровъ и даетъ ему самоуправленіе для работы: хлѣбъ насущный даждь намъ днесь.

А Императорскій бюрократизмъ и парламентаризмъ — зудить народъ, вѣчно вмѣшивается, лживо опекаетъ, тревожитъ жизнь, мудритъ. Самодержавіе — симптомъ здоровья, запаса силъ;симптомъ начала — въ противувѣсъ западной культурѣ — симптому конца... Типъ самодержавія вырабатывался на глазахъ народа, составляя источникъ его силы, что и привело къ могуществу Россію — т. к. въ гущѣ народной, до половины прошлаго вѣка, жило **духовное** родство съ народнымъ, пусть и мужицкимъ, былымъ самодержавіемъ. Родство это и было ненавистно. Его и разбили.... Долгіе, счастливѣйшіе вѣка, Россія жила по «Божьи», по совѣсти, правдѣ и въ свободѣ...

Восточное самодержавіе было гражданское, избѣгавшее вмѣшиваться въ дѣла духа; но исто-

вость, религіозный паѳосъ Царей, виталъ передъ народомъ какъ образецъ смысла жизни Россіи...

Въ то время, какъ западъ стоитъ за формы ограничительныя, или республиканскія, по временамъ переходя въ абсолютизмъ, смиренное Самодержавіе вершитъ надъ всѣмъ и неограничено, т. к. въ немъ народный духъ — не желающій себя ограничивать.

Народъ знаетъ, что ни по строенію, ни по размѣру, ни по духу — Россія не схожа съ другими странами — и равняться не хочетъ.

Самодержавіе отвѣчаетъ идеѣ подлиннаго народоправства, съ созданной самимъ народомъ вѣнчанной благородной вершиной: головой, судьей жизни, хранителемъ его духа, совѣсти, обычая, религіи, силы, славы, земли и проч. Царю отстаивать своего значенія не надо, т. к. ограничителемъ своей власти не можетъ быть самъ народъ.

Славянофилы называютъ самодержавіе — «активнымъ самосознаніемъ народа, концентрированнымъ въ одномъ лицѣ»... но они до конца не договариваютъ, **объ осуществленіи этой власти самоуправленіемъ** Калиты и Грознаго, въ противуположенію западному абсолютизму центра.

Въ одномъ лицѣ нашихъ Государей два міровозрѣнія: императорство,и «невѣсомое» самодержавіе, которое въ силу какого то рока — не хотятъ признать «вѣсомымъ», дѣйственнымъ, каково оно есть. Въ этомъ — трагедія, борьба двухъ смысловъ: Императоръ и Царь; первый готовъ сдаться, какъ сдаются по очереди монархи запада.

Царь не сдается, т. к. онъ не въ семьѣ монарховъ, онъ восточный, самоуправный, коренной русскій. Императоровъ много, а Самодержецъ—одинъ.

Завѣтность вопроса такъ велика, что послѣдніе Государи боятся его тронуть.... интуитивно оберегая титулъ.

Судятъ мудро славянофилы. Но за ними не пойдутъ радикалы, ненавидя самый вопросъ; не пойдутъ другіе, чуя въ quoad systema ошибочность.. У славянофиловъ все вѣрно, кромѣ страха передъ самоуправленіемъ, кромѣ слѣпого и безразсуднаго поклоненія общинѣ и непремѣннаго сліянія въ славянское море. И все сильное, независимое, желающее работы, права собственности, какъ единственнаго двигателя жизни, съ ними не пойдетъ. И въ то время, какъ одни, завистники историческихъ успѣховъ Государей и Царской Россіи, все отрицаютъ: другіе — доктринеры, не договариваютъ, и зараженные духомъ бюрократизма не посмѣютъ дать совѣта — **какъ силой самодержавія окончательно устроить жизнь Россіи...** а не славянства, отторгнутаго въ своей части навсегда западомъ. Самодержавіе охраняется самими Царями — для будущаго...

Отъ недоговоренности, и лукавства бюрократіи — незаконченность реформъ АлександраII. Отсюда же слабость земства, отсюда — община, отсюда гибельныя войны за славянство, отсюда гибельная централизація...

Критикъ исторической системы: ex sese non ex cousendu Ecclesiae осудитъ главное: чуждость духу нашего народа. Мысль вновь «оваряжить», отречься отъ старой Россіи, отворить всѣ двери не только культурѣ запада, но и самимъ европейцамъ — безумна. Отъ этой мысли недалеко договориться и до Монархіи made in Germany. Говорящіе о сумеркахъ Россіи замалчиваютъ о сумеркахъ Европы, не говорятъ, что есть уже двѣ Европы — старая че-

стная и новая, теряющая честь, разумъ и духъ правды. Не говорятъ и о современныхъ соціалистическихъ монархіяхъ. Какую же Европу и какого монарха зовутъ спасать Россію?

Въ сужденіяхъ за и противъ Самодержавія и Имперства — лежитъ противное русское свойство вѣчнаго бездоннаго спора: Споръ былъ и есть — разлагающій, особенно во время летаргическаго сна Россіи. Вмѣсто двухъ крайностей, давно послѣ Петра I должна была вырабатываться форма **Своей,** всероссійской Царской власти, принимаемой изъ всего лучшаго — самодержавнаго, а также и императорскаго права. Государь — Царь всея **Россіи,** равный и желанный всѣмъ народностямъ. Всѣ признаки граненой твердости императорства — неотъемлемы; вся структура могла быть сохранена — при условіи воспринятія изъ самодержавнаго начала цѣлаго ряда основъ, въ противувѣсъ абсолютизму, бюрократіи и парламентаризму и признаній широ**каго областного и уѣзднаго самоуправленія и собственности.**

Это, и ничто иное, сто лѣтъ просилось въ жизнь, и при освобожденіи крестьянства отъ рабства и отъ общины, при нашемъ богатствѣ и просторѣ, хозяйство страны было бы великимъ и строй былъ бы народу — желаннымъ. Этого то и не дано было совершить Государямъ XIX вѣка: не дано средой ихъ окруженія, обществомъ, чиновниками и интеллигенціей, сливающихся къ 1916 году въ одно цѣлое противъ самой Россіи...

XVI.

Въ своихъ безпрерывныхъ трудахъ по изученію состоянія страны, управленія, финансоваго, во-

еннаго и иныхъ дѣлъ, Государь рѣдко успѣвалъ посѣщать театры и полковыя собранія. Его отдыхъ былъ въ семьѣ; дѣти его воспитанны безукоризненно, и любовь семьи — Его поддержка. Его рѣчь проста, продумана и никто не упрекнетъ Его за неумную рѣчь, за невѣрное сужденіе. Государь знаетъ многое, но далекій отъ мѣстной жизни, Онъ не могъ всего знать. Такъ не зналъ Онъ о паденіи трудовой энергіи своего народа, по причинамъ уже сказаннымъ. Лишь внимательный наблюдатель зналъ, что работа русскихъ, и интеллигента и рабочаго была несравнима съ работой европейцевъ — у которыхъ усидчивоесть, стойкость, и продолжительность работы доведена до такого напряженія, о которомъ русскіе всѣхъ профессій не имѣютъ и представленія. Менделѣевъ отмѣтилъ и пониженіе уровня научныхъ трудовъ нашей интеллигенціи, и уменьшеніе производства въ странѣ, и показалъ цыфрами огромный процентъ ничего недѣлающихъ группъ населенія; Но кромѣ того, — свобода выбора труда, свобода географическая, свобода условій промышленнаго и сельскаго труда, и превышеніе спроса были у насъ такъ велики, что развитіе лѣни отражалась не только на производствѣ страны, но и на моральныхъ свойствахъ, на воспитаніи и укладѣ всей жизни населенія. Нужны были и мѣры побужденія, и они существовали, но и само праздное и веселящееся общество и чиновничество, закрывали глаза на такіе вопросы; печать ихъ замалчивала, и Государя завѣряли, что жизнь идетъ нормально.

За послѣдніе годы было и другое, едва ли извѣстное Государю явленіе, такъ называемое «хулиганство», проникающее изъ города въ деревню; въ

немъ открывались опасные признаки этническаго общественнаго недуга, или навыка, который и долженъ былъ вылиться въ революцію. Достоевскій и нѣкоторые наблюдатели указывали на нарожденіе этого свойства,... но и по сегодня, мы русскіе осуждающіе другихъ, боялись и боимся взглянуть и оцѣнить себя....

И оглядываясь назадъ , рядомъ съ славнымъ, видны и мрачныя стороны былого, объясняющія нѣкоторые наши недостатки. Если забылось время распрей республиканско - удѣльнаго періода, кончившагося спасеніемъ въ единомъ царствѣ; если далеки воспоминанія смутнаго времени, то еще свѣжи картины эпохи Екатерины II, бунты гвардіи, убійство Петра III, и многое другое. Страшны страницы описанія (Саблукова и др.) звѣрскаго убійства благороднаго Павла I. Сколько цинизма и наглости въ этомъ заговорѣ; сколько тайны въ участіи Англіи и Германіи. Какъ показательны участники свѣтскаго разгульнаго заговора!*)

А спустя 20 лѣтъ забродилъ опять не низъ, не чернь, не вѣрное и благодарное Государю крестьянство и помѣстное дворянство, а опять верхъ общества. Заговоры противъ умнаго и добраго Александра I; бунтъ семеновцевъ, масоны, «Арзамасъ», «рыцари креста», «союзъ спасенія» и проч.**) Лозунги заговора: Конституція, отрече-

---

*) Во главѣ заговора: Рибасъ, гр. Панинъ, гр. Паленъ, гр. Бенигсенъ, гр. Зубовъ, Кн. Зубовъ, Кн. Яшвиль, гр. Уваровъ, Вильде, Аргамаковъ, Талызинъ, Кн. Вземскій, гр. Кутузовъ, Кн. Долгорукій и т. д. — 140, которые въ свалкѣ приканчиваютъ Императора.

**) Въ заговорахъ до 400 человѣкъ: гр. Муравьевы, кн. Волконскій, Кн. Трубецкой, Рылѣевъ, Бестужевъ, кн. Одоевскій, Якушкинъ, Пестель, Раевскій и проч. Заговоры длятся до бунта при Государѣ Николаѣ I — (процессъ 121.).

ніе, республика и... цареубійство (Каховскій, Бибиковъ 180 ч).

Безнаказанное за сто лѣтъ озорство и преступленіе верха общества столицъ, временно пріостановится.... и вновь начнется съ звѣрскимъ убійствомъ Александра II.. и послѣ перерыва продолжится т. н. общественнымъ заговоромъ ста шести — 6 ноября 1904 г. возгласившимъ всѣ свободы и четырехъ членную формулу, т. е. большевизмъ. Заговоры 1904 - 17 г. крѣпнутъ и **наконецъ** покончатъ съ Монархіей и Россіей.

Гдѣ же, и когда зародился приводящій насъ въ ужасъ большевизмъ, — въ народѣ, или въ столицахъ и средѣ близкой къ Государямъ? Найдется опять честный Саблуковъ, который поименуетъ весь составъ заговора, думы, блока. И тогда опредѣлится, кто непростительно виновенъ въ гибели страны — этническія ли свойства народа, или образованнѣйшее общество, дошедшіе до апогея **нераскаянной наглости.**

Выводъ можетъ быть тяжелый; не для расплаты онъ будетъ нуженъ, расплата безцѣльна и Государь завѣщалъ къ ней не прибѣгать. Выводъ нуженъ для тѣхъ, кто думаетъ вернуть родину; чтобы знать, какъ и кѣмъ управлять ею.

Выводъ необходимъ и для тѣхъ благонамѣренныхъ и вѣрныхъ строю, среди всѣхъ сословій, которые были далеки отъ заговоровъ и политики: Неучавствующіе по малодушію молчали, когда за общество и его именемъ говорили, кому было не лѣнь, — и въ печати и въ партіяхъ и въ думѣ. Цѣлыя группы русскихъ сторонились партій, дѣлая свое дѣло, и было бы недобросовѣстно, не смотря на трудность разграниченія, не

оговорить этого, и огульно обвинять всѣхъ. Съ уточненіемъ составовъ заговоровъ для исторіи выяснятся и тѣ группы, которыя стояли внѣ всякаго обвиненія: ихъ надо знать....

Если — разумѣя общество, мы говоримъ о вліятельныхъ и массовыхъ группахъ, которыя его вели, то и въ обвиненіи соучастниковъ заговоровъ надо оговориться: мы винимъ всѣхъ. Мы забываемъ исторію и не сознаемъ, что событія, какъ брошенный бумерангъ возвращаются назадъ и ищемъ причинъ въ событіяхъ ближайшаго дня. Мы заслоняемъ ужасами и нелѣпостью большевизма подлость нашихъ революцій. Мы ищемъ виновниковъ на западѣ — и они были. Мы проклинаемъ подполье,.... и есть за что проклинать. Мы обвиняемъ евреевъ, масоновъ... и мы правы объявлять, что до революціи они держали на откупу тысячи русскихъ, и что они научили насъ, какъ дѣлать революцію (Теорія: Маркса, Энгельсъ, Лассаль и др.) и что давъ русскимъ совершить ее, они овладѣли ея завоеваніями (Ленинъ, Троцкій, Апфельбаумъ и др.), взявъ Россію на откупъ.*) Но если даже все это такъ, смѣемъ ли мы, русскіе, винить въ томъ, что совершилось и Англію, и Германію и подполье и евреевъ? Важно ли сопоставленіе, что въ 1801 г. посолъ Англіи Уитвордъ руководилъ заговоромъ противъ Павла I, а въ 1917 г. посолъ Бьюкененъ

---

*) Чуждые по національному и религіозному духу народамъ всѣхъ странъ, въ 1822 г. евреи возгласили (міровой израильскій союзъ), свое человѣческое Мессіянство, и ждутъ Мессію, который «привезетъ на 300 мулахъ ящики съ ключами отъ христіанскихъ сокровищъ». Великій Гейне, открылъ великаго Маркса, давшаго **законъ**, путь къ Мессіянству. И евреи борятся и побѣждаютъ подъ единымъ знаменемъ: большевизма, интернаціонала и еврейства.

Отъ насъ зависитъ быть побѣжденнымъ или побѣдить.

былъ въ заговорѣ противъ Государя? Важно ли, что Вильгельмъ шелъ объ руку съ Ленинымъ, Бьюкененъ съ Керенскимъ, Ллойдъ - Джорджъ съ Апфельбаумомъ? Все важно, но это частности по сравненію съ совершеннымъ нами русскими, для достиженія 2 марта.

А мы, были мы, или нѣтъ? Имѣли мы все вліяніе и власть? Имѣли ли защиту въ лицѣ Государя? Имѣли ли свободу, богатство и славу? **Чего же намъ не хватало?**

Нѣтъ, слагать вину на другихъ нечего. Все на насъ; мы обязаны были все предвидѣть, обязаны были защитить свободу, землю. Не Царево дѣло было насъ защищать, а Онъ до послѣдняго часа защищалъ Россію и насъ. А мы? Одни опрокидывая, другіе допустивъ опрокинуть, сдали все и отъ страха убѣжали....

Помочь будущимъ поколѣніямъ мы можемъ, объединившись на безоговорочномъ признаніи своей, русской вины — передъ Государемъ и Россіей.

У насъ было все; медленно, но съ 1907 г. хозяйство шло впередъ. Какова бы ни была бюрократія, но по инерціи управленіе не останавливалось. Земство работало хорошо. Отъ насъ зависѣло утроить доходы плодороднѣйшей земли, нѣдръ, лѣсовъ и проч.....

Государь зналъ всѣ эти возможности. Надо было видѣть Его горячность, когда Онъ говорилъ о красотѣ Кавказа, о любимомъ Имъ побережьи Чернаго моря, или когда Онъ вспоминалъ богатство Байкала, Урала, Малороссіи, Сѣвера и шири южныхъ степей, Сибири и дальняго Востока. Государь преклонялся передъ величіемъ природы Россіи,

внушалъ любовь къ ней Цесаревича. Онъ зналъ Россію и боялся за нее. А мы, знали, любили ли ее?

Недоумѣнные вопросы...

. . . .

Съ XVIII вѣка народъ отрываютъ отъ Государей. До Царя все дальше и дальше. Чиновникъ и интеллигентъ присваиваютъ себѣ права учить издали народъ правамъ и обязанностямъ. Вводится полная европейскаго образца опека... но какъ вводится? чиновникъ и интеллигентъ, попирая бытъ и духъ — тянутъ народъ въ разныя стороны, и терявшій Царя — отца и судью, народъ переставая понимать — чего отъ него хотятъ, и не давая себѣ отчета, что надо дѣлать, повѣритъ посуламъ общества и отрывается отъ тысячелѣтняго начала — царскаго... и рушится, наконецъ, не на Него, а на окруженіе. «Съ Богомъ за Царя на господъ!»

Пройдутъ годы... — и народъ **самъ,** безъ пропаганды будетъ шептать... не о Императорѣ и Монархѣ, а о Царѣ судьѣ, о Царѣ, творившемъ по Божьи, неподкупномъ, смиренномъ, но строгомъ. И если что и жалко будетъ народу оставить, то идею «совѣтовъ», какъ намекъ, на **невыполненное** начало самоуправленія.

Забывается востокъ, съ его страстнымъ, солнечнымъ желаніемъ независимости. Вростая въ Европу, мы потеряли свободу, попавъ въ рабство ея ставленникамъ — соціалистамъ - бюрократамъ. И въ этомъ — безоговорочно виновно общество.

Достоевскій говоритъ, что для русскаго заманчиво «право на безчестіе». Смутное время, стрѣльцы, Разинъ, Пугачевъ, убійства Царей, обѣ революціи, временное правительство, предательство Государя, Брестскій миръ, пытки извергов, дебошъ,

воровство, керенщина, горьковщина, рестораны и большевизмъ. Все современное кажется позорно, невыносимо, и окаянно, и все отъ **какихъ то причинъ:** отъ безволія и лѣни — этническихъ свойствъ.

Но изъ мрака событій, изъ кровавой тѣни и трупнаго смрада просвѣчиваютъ и сверкаютъ сказанія славнаго прошлаго и лучшаго будущаго. Прошлаго — въ лучахъ то самодержавнаго, то императорскаго **творчества**. Пройдя черезъ все, Россія къ 1917 году приближалась **Царями къ высотѣ могущества и новой побѣдѣ. А побѣда эта лежала въ рукѣ Самодержавнаго Государя Николая II.** Онъ велъ къ ней, рѣшивъ послѣ нея дать желанный покой, самоуправленіе и кончить земельное устройство.

Общество это понимало и рѣшило цѣною Россіи вырвать у Государя эту побѣду и это величіе...

Побѣда и слава Царя были **страшны** обществу, рвущемуся къ власти надъ народомъ... Западъ съ своей стороны не могъ бы допустить побѣды Россіи... и заговоръ всей силой своей ударитъ прежде всего на Государя...

Потерявъ Царя, народъ потеряетъ голову и окажется еще болѣе дикимъ и страшнымъ,чѣмъ во времена Разина, Тушина и Пугачева. Народа **усовѣстить** уже некому.

Въ чемъ же синтезъ русской природы и духа? Неужели, какъ пишутъ, мы скифы, неужели только палачи и рабы безчестія, и народъ Хаоса... и неужели, въ насъ всегда былъ проклятый «максимализмъ души»?...

Мы ищемъ, сомнѣваемся, мучаемся... а отвѣтъ уже данъ. Его далъ, преданный всѣми, замученный всѣми, нашъ Государь Николай II. Въ прощальномъ

словѣ своемъ, безчестно скрытомъ одно время обществомъ — **Государь все такъ же любовно и довѣрчиво обращается къ народу и арміи.** Его слова благостны и дышатъ вѣрой и заботой о народѣ и Россіи.

Но слова Его къ обществу — укоръ въ измѣнѣ.

Онъ, носитель высшаго духа — разсудилъ и утвердилъ своей вѣрой въ народъ — нашу вѣру въ него. Онъ простилъ и **проявилъ громадную волю,** завѣщавъ намъ вѣрить и не терять надежды въ Россію и народъ. И тѣ, кто знаетъ народъ крестьянскій, знаютъ, что народъ достоинъ Его вѣры и благоволенія.

Государь нашъ не искалъ славы, оставаясь олицетвореніемъ смиреннаго Самодержавія, но Онъ саномъ своимъ держалъ въ рукахъ славу Отечества, и, прощая, славу эту Онъ завѣщалъ народу... Поймутъ ли Его хотя бы теперь?

У насъ нѣтъ символа побѣды въ могилѣ, «неизвѣстнаго» солдата. У насъ есть другой трепетный символъ — могила Царя — державшаго въ рукахъ настоящее знамя побѣды. Знамя это у Него вырвано вмѣстѣ съ жизнью... и мы обязаны поклониться Его жизни и смерти, какъ неслыханной побѣдѣ духа...

XV.

Государь не интересовался общественнымъ мнѣніемъ. Такимъ же было Его отношеніе и къ мнѣнію общества, когда онъ допускалъ во дворецъ «старца» Распутина...

Поведеніе этого комедіанта - молитвенника невѣдомо было Государю.

Распутинъ былъ введенъ высоко рекомендован-

ной духовной особой — съ репутаціей тоже молитвенника. Онъ допускался рѣдко — въ часы болѣзни наслѣдника.

Государемъ руководитъ желаніе исполнить **мистическое болѣзненное** желаніе супруги — видѣвшей въ молитвахъ старца помощь во время недуга сына. Очевидно, что на Государыню дѣйствуетъ и гипнотизмъ, какъ дѣйствовалъ раньше таковой же гипнотизмъ французскаго доктора Филипа. Все показываетъ, что въ гипнотическомъ вліяніи Государыня не даетъ себѣ отчета.

Государь не допускалъ вмѣшательства въ свою частную жизнь... Царственная чета, въ своей кристальной чистотѣ и простотѣ не имѣла мысли, что человѣкъ Ими къ себѣ допущенный — безсовѣстенъ и наглый лукавецъ. Государь не можетъ слѣдить за нравственностью лицъ, которыхъ онъ иногда видитъ, изъ которыхъ иные мало и отличаются за глазами поведеніемъ, отъ разгульнаго старца...

Государь считаетъ его иногда юродивымъ, и снисходитъ къ его простоватой искренности...

Попавъ въ довѣріе, Распутинъ, какъ всѣ ему подобные — зазнался, понимая, что терять ему нечего, а пожить можно всласть. Онъ хитро изображаетъ простака и юродивость блаженнаго и молитвенника, и умѣетъ притворится искреннимъ, дѣйствуя на мистическую, тревожную и усталую душу Императрицы. Въ отношеніи къ нему Императрицы есть доля суевѣрія, отраженія медіумизма, **царившаго** въ высшемъ и придворномъ обществѣ. Лѣченіе Наслѣдника травами друга Распутина Бадмаева, даетъ какіе-то результаты, и Царица - мать, въ это, связанное съ молитвой лѣченіе невольно вѣритъ.

Условія жизни склоняютъ Государыню къ мис-

тицизму; угрозы первой революціи, убійства, призракъ участи королей Франціи... частыя церковныя служенія, открытіе мощей, исканіе высшей защиты. Государыня чувствуетъ измѣну; отсюда, сближеніе и дружба съ женщиной оказавшейся мелкой. Слухи черезъ нее о нелюбви общества побуждаютъ Государыню смотрѣть и на «старца», какъ на доброжелателя...

Государь и Государыня — оба цѣльные, вѣрующіе, нравственно усталые, живутъ безъ друзей, безъ знаковъ расположенія. Во имя молитвенныхъ экстазовъ, этому «крестьянину» прощается его грубость. Развращенность его — имъ была невѣдома. Они далеки въ своей чистотѣ отъ распущенности образа жизни общества, разгулъ котораго былъ болѣе утонченный, чѣмъ разгулъ того же Распутина...

При дворахъ Королей, Царей, рыцарей и бояръ — отъ вѣку были фавориты, шуты, чудаки, совѣтчики, буфоны и молитвенники, и Распутинъ былъ чѣмъ то подобнымъ.

Онъ былъ тѣмъ «дворовымъ» слугой, съ пороками, которые водились у баръ, былъ «фаворитомъ», какіе существуютъ у всякой толпы... какими были потомъ Керенскій, Пуришкевичъ, Гучковъ, Иліодоръ, Горькій и прочіе.

Недалеки въ исторіи — «пирожникъ» Меньшиковъ, дворецкій Кутайсовъ и иные. Что же было бы, если бы у Царя появился не одинъ, а нѣсколько совѣтниковъ — простыхъ крестьянъ?... Былъ бы тотъ же вопль злобы и молва, и ненависть...

Выборъ былъ несчастный. Въ приближеніи этомъ, чувствуется что то тягостное и роковое, что то сатанински продуманное и сліянное все съ той же распутиновщиной эпохи и среды, которая сама

разнузданная нравами — осмѣлится осуждать безупречнѣйшую русскую семью.

Лѣнь, распутство, хамство и прочее совпадетъ провиденціально съ корнемъ именъ — «Распутинъ, Ленинъ, Нахамкесъ, Воровскій» и иные...

Царя осудятъ распутные, пляшущіе, болтающіеся по ресторанамъ... «снобы»...

Государь не вникалъ въ слухи о старцѣ — и **терпѣлъ** его ради Императрицы, вѣрившей его силѣ...

О вліяніи этого паразита не стоитъ и говорить. Вліяніе это было на нѣсколькихъ сановниковъ, у него заискивавшихъ и думавшихъ вліять; вліялъ вѣдь и Керенскій, и подъ его «обаяніемъ» были передовые общественники...

Но попытки вліянія на Государя были безуспѣшны. Со смертью Столыпина уровень кадра сановниковъ былъ однообразенъ. Штюрмеръ былъ давно выдвинутъ группой правыхъ и умѣренныхъ Совѣта и Думы; онъ былъ давно главой ихъ единенія. Хвостовъ и Протопоповъ — фавориты умѣренныхъ и радикаловъ Думы. Неумные, безвольные, они типично собирательны для бюрократіи и общественности. Такія же посредственности были и въ думскихъ кругахъ. Ни крупныхъ, ни смѣлыхъ — просто не существовало.

Никакого вліянія на событія старецъ не имѣлъ, и если за него цѣплялись нѣсколько выскочекъ и конспирировали, то результатовъ такихъ конспирацій не было и быть не могло.

Исторія доказала и большее; когда революція выбросила, наконецъ, впередъ «общественность», то представители ея оказались и по малодушію и бездарности — еще хуже тѣхъ, кто были послѣднее

время въ рядахъ бюрократіи. Т. о. ссылки на вліяніе старца просто вздорны; и вся буффонада его убійства, всѣ преувеличенія и приданіе ему какой то роли въ ходѣ государственныхъ дѣлъ — все лживо и неумно.

Никогда, и ни въ одномъ дѣлѣ этотъ человѣкъ лично на Государя вліянія не имѣлъ.

Тѣмъ не менѣе это ничтожное имя — попадетъ въ исторію. Значеніе его создавалось умышленно. Если высшій заговоръ противъ Россіи неоспоримый фактъ, и война была той обстановкой, при которой могла создаться рѣшающая революція... то нужно было придумать и реальный аксессуаръ, поводъ — для опороченія безупречной чистоты, облика самаго Государя, Его семьи... и Монархіи. Есть, хотя и не доказанныя указанія, что «старецъ» былъ агентомъ и Германіи, и интернаціонала и его русскихъ отдѣловъ, и связью всякихъ «блоковъ» и союзовъ... Приближенная свита старца: Симановичи, Манусевичи, Манусы, Рубинштейны и вся шайка, съ кружащими около людьми свѣта устраняютъ сомнѣніе въ томъ, что онъ былъ орудіемъ въ чьихъ то рукахъ.

Поддерживаемый нѣсколькими чиновниками не у дѣлъ, старецъ играетъ свою роль умно, но цѣли не достигаетъ, благодаря сопротивленію воли самаго Государя. На Государя повліять трудно...

Государь равнодушенъ къ клеветѣ. Ему не въ чемъ, и не передъ кѣмъ оправдываться. Но вмѣшательства въ свою жизнь Онъ не допускаетъ. На этомъ и играютъ противники, раздражая Государя и Государыню, вызывая ихъ упорство. Игра расчитана и достигаетъ цѣли. Старецъ выростаетъ въ фигуру рока. Появляются Кордэ, желающія его

смертью «спасти» Россію! Скандальность убійства будетъ сигналомъ къ революціи. Весь народъ сразу узнаетъ что **былъ** какой то Распутинъ и что есть **измѣна. Молва** готова и дѣлаетъ свое дѣло.

Иного повода обвиненія, какъ «старецъ» и измѣна, создать было нельзя. Клеветали свѣтскія гостиныя; клеветала бюрократія, купечество, общество, часть офицерства, печать, армія, города. Молва создаетъ обвиненіе въ **измѣнѣ** Царской семьи и Дума аплодируетъ негодяямъ, сообщающимъ это «открытіе». Союзники осмѣливаются требовать своего военнаго контроля около верховнаго Вождя арміи. Отъ Государя, въ такое время, осмѣливаются уйти его приближенные и нѣкоторые министры, укрѣпляя этимъ клевету. Совершается невѣроятное по наглости и ничтожности причины.

Молва становится на дыбы и ищетъ выхода... Вмѣсто обожанія своего и такого Государя, вмѣсто бережнаго къ Нему отношенія и тактичнаго предупрежденія о молвѣ, Государю дѣлаются дерзости, пишутся истерическія письма, Ему угрожаютъ. Изъ за ничтожнаго мужичишки, не имѣющаго никакого вліянія на ходъ событій создается эпосъ, съ грязнѣйшей трагикомедіей убійства. Молва — разнесена по всему міру.

Послѣ убійства, у англійскаго посла собирается совѣщаніе «вождей» общества — будущихъ правителей. Выносится **приговоръ** о неизбѣжности государственнаго переворота — во имя «побѣды». Улицу растравливаютъ лживымъ слухомъ о недостаткѣ продовольствія. Деньги на революцію даны. Купленные люди работаютъ. Дума готова и совершаетъ переворотъ. Нити заговора сходятся...

Слѣдствіе временнаго правительства поз-

же установило полную безупречность Государя и Его семьи, какъ въ исторіи старца, такъ и въ сплетнѣ объ измѣнѣ Царицы и о прочемъ. Все отъ слова до слова оказалось подлѣйшей изъ клеветъ, которая когда либо создавалась.

Нужно было осужденіе... совершена и казнь. А кто проведетъ слѣдствіе и судъ надъ тѣмъ обществомъ, которое создавало эту клевету и привело къ казни? Гдѣ оно, это общество? Уловимо ли оно? Будетъ ли надъ нимъ судъ?

Будемъ ждать, какъ историки перешагнутъ черезъ эти эпизоды. Найдется ли въ нихъ простая порядочность досказать правду — или они уклонятся, умолчатъ, будутъ щадить общество и понесутъ эхо клеветы въ глубь вѣковъ?

Да не будетъ этого...

XVI.

Западъ издавна готовился къ войнѣ: Франція — въ цѣляхъ самозащиты; Англія — во имя міровой торговой гегемоніи, Германія, — съ цѣлью захвата власти на континентѣ и колонизаціи земель Россіи. Австрія бряцаетъ оружіемъ нѣмцевъ. Малыя страны, какъ и великія, жаждутъ расширенія территорій. Капиталисты потираютъ руки, предвкушая наживу и имѣютъ свой заговоръ и планъ. Соціализмъ, имѣя тоже заговоръ, учитываетъ войну, какъ неминуемое сверженіе ряда монархій и побѣду демократій...

Ближній востокъ — всегда готовый для взрыва пороховой погребъ.

Не желаетъ войны одинъ Государь Николай II. Но уже послѣ Японской войны, Россія какъ Импе-

рія, перестала принадлежать себѣ, и занимая «почетное» мѣсто среди «великихъ» державъ,во всякую минуту можетъ быть вовлечена въ войну...

Самодержавіе не было воинствующимъ. Оно собирало, защищало, устраивало землю почти безъ насилія. Императорство — тяготѣетъ къ войнѣ. Создается слава русскаго оружія, особенно на поляхъ чужихъ странъ. «Солдата нашего мало убить, его надо повалить» — завистливо говоритъ о насъ иностранный Государь...

Такъ было до Японской войны...

Неудачи этой войны, и новый, интеллигентскій духъ командныго состава — не разувѣрили Государя въ силѣ арміи и народа и Государь не сомнѣвается въ побѣдѣ.

При Государѣ Николаѣ II, даже при **постоянномъ урѣзаніи** Думой военныхъ кредитовъ, Россія готова къ войнѣ. Во главу командованія — Государь избираетъ лучшихъ стратеговъ и всецѣло имъ ввѣряется, **не сдѣлавъ самъ своимъ вмѣшательствомъ ни одной ошибки.**

«Настроеніе» общества даетъ Государю надежду, что война будетъ протекать при лучшихъ, чѣмъ въ 1904 году условіяхъ, когда общество предательски мѣшало войнѣ, когда студенты посылали привѣтствія Микадо и позже депутаты въ Выборгѣ призывали не платить податей и не давать солдатъ. Настроеніе въ 1914 году повышено. Происходитъ трогательное единеніе радикаловъ съ Пуришкевичами,*) разсылающими телеграммы королямъ**).

---

*) Часть рѣчи праваго Пуришкевича по стеногр. Думы въ февралѣ 1917 г.: «вы знаете господа, что старая власть не можетъ воскреснуть, ибо весь старый строй жизни прогнилъ сверху до низу и упалъ отъ дуновенія свѣжихъ національныхъ здоровыхъ чувства народа. Вы знаете, что защитниковъ ста-

Лозунгъ — «до побѣднаго конца». Но безотвѣтственное общество и такіе же поденные законодатели, могутъ лишь потрясать воздухъ кликами. Дѣло — не въ нихъ. За Россію отвѣчаетъ одинъ Монархъ...

Часъ насталъ. Подготовивъ поводъ и планъ войны, западный заговоръ рѣшаетъ войну, бросая впередъ растравленную Германію. Неизбѣжное совершается. Россія вовлечена въ войну. Вопросъ — въ минутахъ рѣшенія и послѣдняя минута мирнаго разрѣшенія дана нашимъ Государемъ. Вильгельмъ ею не пользуется, а позже, уже поздно: остановить бойню не даетъ техника войны...

Россія шагнула къ границамъ и приняла давно задуманный ударъ монархической Германіи.

Война Монархій, въ которой главные Монархи упадутъ. Тѣнь Бисмарка не явится отвести руку коронованнаго безумца, умѣвшаго расчитывать, но не умѣвшаго чувствовать и вѣрить — не въ «стараго нѣмецкаго Бога», а въ самаго Бога...

Тѣнь геніальнаго Суворова — не встанетъ около нашего Царя и не скажетъ: «Оглянись... нѣтъ ли предателей!»...

Вожди интернаціонала вѣроятно гдѣ то «хохотали», предвидя паденіе Монархій.

раго строя нѣтъ и быть не можетъ въ Россіи, ибо это было бы предательствомъ и измѣной родинѣ въ переживаемые дни военной брани».

Такъ говорилъ фаворитъ, одинъ изъ вождей монархистовъ послѣдняго времени убійца Распутина, герой тыла...

*) Въ числѣ причинъ отхода въ 1907 г. нашей Московской группы — (Кн. А. Щербатова, Ю. Бартеньева, К. Степанова, С. Шарапова и друг.) отъ начавшейся пратійной дѣятельности правыхъ — были «пріемы» правыхъ, въ т. ч. посылки Его Величеству и Коронованнымъ Особамъ всякихъ телеграммъ, призывовъ и завѣреній, совершенно недопустимыхъ.

Черезъ три года, Монархъ Австрiйскiй скроется въ тѣни. Германскiй — трусливо сбѣжитъ изъ своей страны... Монархи побѣдители усидятъ на Тронахъ, любезно склонившись передъ интернацiоналомъ.

Русскiй Государь выказалъ царственное благородство и встрѣтясь лицомъ къ лицу съ врагомъ, онъ своею волей сложилъ съ себя власть. Не смотря ни на угрозы, ни на посулы дарованiя жизни и свободы, Онъ не измѣнилъ союзникамъ, и сохранилъ безупречнымъ имя Царской Россiи, и когда то великаго народа...

Онъ оставилъ армiю «въ ружьѣ», готовой къ рѣшительному походу. Онъ оставилъ Россiю — богатой, неистощенной, способной держаться еще много лѣтъ, — въ часы, когда западъ былъ наканунѣ истощенiя продовольствiемъ и людьми....

Онъ оставилъ побѣду уже предрѣшенную спасенiемъ въ 1914 году Парижа, легендарнымъ натискомъ въ Пруссiи, и собранiемъ армiи въ 12 миллiоновъ.

Напрасно говорятъ, что война оказалась безрезультатной. Нѣтъ, результаты огромны, но обратны цѣлямъ ея. Не разоруженiе и миръ дала эта проклятая война, не давъ удовлетворенiя никому, кромѣ людей зла, а начало будущихъ истребительныхъ схватокъ народовъ. Прежнiе Монархи сдерживали порывы кровоточивой по сегодня Европы. Влiявшее когда то Христiанство отодвинулось въ тѣнь. Новыя соцiальныя устройства,новыя нацiи будутъ безпредѣльно развивать злобу и месть за неоконченное въ 1918 году — и оно повиснетъ надъ мiромъ. Революцiи сольются съ войнами и идея братства народовъ отодвинута на вѣка...

Сверхмѣрная выгода однихъ, нажива другихъ, неудовлетворенность третьихъ — расшатаютъ всѣ смычки Европы какъ организма, рушатъ ея авторитетъ и она будетъ растрачивать свои силы въ національныхъ и соціальныхъ ненавистяхъ и экономическихъ недомоганіяхъ. Соціализмъ и парламентаризмъ доведутъ политическій и экономическій строй Европы до абсурда; капитализмъ — до рабства. Зашевелится мирный, но могущественный Востокъ....

По плану заговора, наша революція родилась изъ войны. Ее привѣтствовала Европа. Исторія докажетъ, что главный замыселъ родился въ Англіи, которая и дальше будетъ сплетать ненависти и создавать недомоганія. Соперницей въ этомъ умыслѣ будетъ Германія. Выведя изъ строя главную силу — Россію, эти страны не дадутъ устоять Европейскому миру. Версальскій миръ будетъ договоромъ, съ перспективой новаго побоища, и подготовятъ его — Лига націй и интернаціоналъ...

Постепенно будетъ вставать смиренный образъ Того перваго, который звалъ міръ къ миру. Его не послушали. Его вовлекли въ безсмысленную бойню и Онъ палъ жертвою своего царственнаго человѣколюбиваго долга. Съ паденіемъ Государя Европа потеряла страну отъ вѣка примирительницу. Опредѣлилось наше первородное восточное призваніе. Отходъ отъ запада—совершившійся фактъ. Независимость — условіе бытія Россіи, которая сама опредѣлитъ свое значеніе, воспринявъ, или вновь Царственную силу единства, или республиканское рабство и раздѣленіе....

XVII.

Не заглядывая дерзновенно впередъ, вернемся къ близкому прошлому. Санкція на переворотъ дана на совѣщаніи посла Англіи — на глазахъ правительства и вѣроятно съ вѣдома союзныхъ странъ (?).

На сценѣ Царь... общество, армія и народъ.

Поводъ къ перевороту - революціи, Распутинъ и недостатокъ продовольствія. Ложь и подлогъ въ томъ и другомъ. Россія полна запасами и новые правители будутъ три года ими кормить страну.

На этихъ «поводахъ» Дума произноситъ слово — «измѣна» и обвиняетъ Власть. Вынужденъ актъ роспуска Думы. Дума рѣшаетъ не расходиться. На улицу выпущена сытая интеллигенція требовать хлѣба. Первые три дня «рабочихъ» почти нѣтъ на улицахъ. Лишь кое-гдѣ — забастовки.

Россія совершенно и всюду спокойна.

Лишь на 4-й день, 1-го марта на улицу вышли всѣ солдаты...

Необходимо мѣсто, куда толпа можетъ скопиться. До 1905 года такого мѣста не было и революція оттого и не удалась. Въ 1917 году это мѣсто — Дума, для этого акта она и создана...

Очевидецъ всего — я даю краткое показаніе.

По Невскому бродило общество, и на улицу, съ чердаковъ дано было съ 23-го по 26-е нѣсколько выстрѣловъ; четверо убитыхъ (всѣхъ «жертвъ» за 8 дней похоронено 83). На углу Литейной и Сергіевской, на фонѣ горящаго Суда (послѣ кражи изъ арсенала старыхъ ружей) была толпа человѣкъ 500. На двухъ телѣгахъ — доски, и на нихъ что то кричали ораторы. Взводъ преображенцевъ былъ уве-

день съ поста въ казармы. Лишь 28-го было серьезное скопленіе на Знаменской площади. Въ толпѣ одиночные солдаты четыре дня ведутъ себя чинно. Стрѣльба въ воздухъ — **только въ Литейной части.**

Подъ командой генераловъ Хабалова и Балка — до двухъ тысячъ солдатъ, четыре дня топчатся съ Гороховой въ Адмиралтейство и назадъ. Разъѣзды тамъ, гдѣ нѣтъ толпы (Забалканскій, Набережная и площадь).

Лишь одна казачья сотня была послана 25, 26-го и 27-го разогнать толпу въ 500 человѣкъ на углу Литейнаго и Сергіевской, но идя по Невскому, не доходя до Литейнаго — сотня оба раза карьеромъ поворачиваетъ по Троицкому назадъ, черезъ Забалканскій на Гороховую.

Ни одинъ изъ министровъ, ни генераловъ на улицы не выѣзжалъ.

На второй день выхода солдатъ изъ казармъ, войска генераловъ Хабалова и Балка, не сдѣлавъ **ни одной** попытки очистить Невскій отъ толпы (23, 24 и 21-го февраля) — мирно расходятся, куда хотятъ. Весь генералитетъ сидитъ въ градоначальствѣ, повязывается бантами и расходится куда попало.

До 27-го рабочіе скапливаются на островѣ, но въ центрѣ идутъ туго, а съ 28-го стягиваются къ Думѣ.

Вотъ что было первые четыре дня въ Петербургѣ. **Никакой революціи не было.** Незначительныя толпы были въ раіонахъ: Невскій, Литейный, Знаменская площадь.

Ни одной попытки разогнать эти толпы сдѣлано не было.

Революція началась только въ стѣнахъ Думы. Отъ Думы зависитъ все остановить.

Туда скапливался **не народъ,** а **сбродъ,** общество, интеллигенція, рабочіе и солдаты. Тамъ произносится слово **революція,** никѣмъ инымъ **какъ членами Думы,** и слова эти разносятся **всей безъ исключенія печатью по Россіи, которая несмотря на это, вплоть до 10 марта (Московское движеніе) невозмутима.**

Эта справка приводится мною для слѣдующаго: когда въ Петербургѣ (22-е - 28-е) **не было и подобія революціи, и вся страна была совершенно спокойна — и пресловутыя массы были численно ничтожны и мирны — Дума черезъ Родзянко сообщала Государю въ ставку, и всѣмъ командующимъ, что революція въ полномъ разгарѣ.**

Опровергнуть Государю этого подлога и новой лжи никто изъ бюрократіи и военныхъ чиновъ **не посмѣлъ.**

Обмана, подлога и преступленія равнаго этой буфонадѣ, исторія не знаетъ..

Отъ событій тѣхъ дней вѣетъ чѣмъ то гнуснымъ и мѣщанскимъ. Никто ничего **не смѣетъ.** Все какъ ошалѣлое чего то ждетъ и по всей странѣ несется лживый голосъ предсѣдателя Думы и печати:
— революція!

Она наступитъ, когда народъ станетъ бѣсноватымъ, одержимымъ, и начнетъ отъ этого клича пропадать....

Ленинъ — на балконѣ Кшесинской — сильнѣе всей Думы. Ленинъ — революція, онъ каторжникъ по призванію, наемникъ, шпіонъ, насильникъ, наглецъ, но знаетъ чего хочетъ, глумясь надъ Россіей, народомъ .... миромъ.

А въ дни 22 - 28-ое идетъ подленькій обманъ,

безпричинный сломъ исторіи, подъ призывъ Думы — «спасенія Россіи и побѣды».

На Государя лгали всѣ. Теперь Ему лгутъ всѣ.... общество, бюрократія, высшая власть, Дума — командующіе... Распадъ страны, начатый въ 1904 г. обществомъ и бюрократіей, — довершенъ.

Была ли попытка все это остановить? — Не было никакой. Гражданская и военная бюрократія — сразу и вся, струсила и сдалась, не пробуя защитить ни Россіи, ни Государя, ни строя, ни арміи, ни самихъ себя...

Гдѣ же былое окруженіе Государей?... Гдѣ Меньшиковъ, Шереметьевъ, Волынскій, Бецкій, Потемкинъ, Румянцевъ, Растопчинъ, Суворовъ, Кутузовъ, Киселевъ?.... сколько славныхъ именъ! сколько сильныхъ людей. Гдѣ люди высокаго уровня общества и бюрократіи эпохъ Государей Николая I и Александра II?

Гдѣ Сусанинъ, Мининъ? Ни кругомъ Государя, ни въ Петербургѣ — нѣтъ людей. Все растворилось, или въ интеллигенціи, или въ снобизмѣ, или въ разгулѣ кутящаго и спекулирующаго тыла.... Останутся кн. Долгорукій, Татищевъ, Боткинъ... эти не оставятъ Царя... И позже не будетъ Кобленца... и пока не слышно о Мининѣ...

Революціи не было. Она начнется съ часа отреченія Государя. И актъ этотъ исторгнутъ новымъ подлогомъ.

Всѣ тѣ роковые дни Государь Николай II, былъ видимо совершенно покоенъ.

Онъ вѣритъ въ народъ и въ армію....

XVIII

Революція Франціи — ни на минуту **не продаетъ** Родины, къ чему идутъ и что дѣлаютъ у насъ съ умысломъ и отъ страха поголовно всѣ вожаки — съ часа отреченія Государя, единаго, не продавшаго ея....

Цѣль требованія отреченія — побѣда. — Сколько безсовѣстной вздорности въ этомъ условіи!....

Вожаки **говорятъ** о побѣдѣ, но ни одна душа не вѣритъ словамъ — оттого побѣды быть не можетъ...

Весь народъ понялъ сразу, что въ происходящемъ все ложь. И народъ **когда - нибудь** долженъ узнать что все было подлогомъ и кто его совершалъ.

Да, — и у французовъ, и у ихъ аристократіи и демократіи было «охвостье», но оно откидывалось, отбиралось, ему рубили головы, не давая слишкомъ соваться впередъ.... У насъ большинство оказалось сплошь «охвостьемъ»...

Лишь много позже, отобравшееся бѣлое движеніе, не зная точно, во имя чего идти, сумѣетъ героически умирать, но оно малочисленно и безсильно будетъ побѣдить...

Революція Франціи — побѣждая, диктовала Европѣ условія... Наша революція — начала брататься, завопила «безъ аннексій и контрибуціи» и «долой войну»; заставила воткнуть штыки, позволила продавать за водку оружіе, и все видимое грабить.

Франція рубитъ головы анти - патріотамъ. У насъ рубятъ — патріотамъ.

Пронесшійся вихремъ, послѣ отреченія Царя,

духъ общественной измѣны — убилъ героизмъ, жившій въ народѣ и арміи..

Лживость, пошлость, ненужность и преступность революціи понялась **народомъ** сразу, и весь митинговый до сегодня паѳосъ общества — былъ разоблаченъ. За ңимъ народъ не пошелъ. Народъ принялъ — но презиралъ революцію. Французскій соціалистъ Thomas пріѣхавшій въ числѣ другихъ поздравить народъ, въ августѣ скажетъ: „Votre révolution n'est pas sanglante, mais elle est lâche..."

Столичное общество беретъ наконецъ «власть» въ руки....

Что же получилось? Народъ этой власти не призналъ. Никакой связи съ народомъ не оказалось. Авторитета нѣтъ, т. к. ни чувства, ни чести, ни исторіи, ни преемственности, ни плана у этой власти нѣтъ, и черезъ восемь мѣсяцевъ вожди общества, какъ и вся Дума съ первыхъ дней, «удерутъ», ... какъ разбѣжалось отъ окрика матроса, желанное съ 1904 года учредительное собраніе...

И когда съ 27-го февраля — общество — Дума осмѣлится **судить** Государя и рѣшать его отреченіе, оно дастъ себя навѣки **суду** исторіи, и судъ этотъ узнавъ, **кто** и за **что судилъ,,** вынесетъ обществу позорнѣйшій изъ приговоровъ. Не нужно именъ, — самыя имена и каждое имя дѣйствующихъ противъ Царя и Россіи людей въ организаціяхъ«Шиповскаго» съѣзда, а позже блока,комитетовъ и послѣдняго думскаго ядра — и есть **клеймо** несмываемого преступленія... И никого не тронетъ сознаніе этихъ господъ, что они «ошиблись», ни развязная ссылка на чьи то слова, что «нечего зарекаться отъ возможности поумнѣть сообразно обстоятельствамъ».. Кровь

Царя... и милліоновъ людей, и позоръ Россіи... не обстоятельства...и кровь эта клянетъ зачинщиковъ..

Франція судила Короля, Ему ставили въ вину: негодные финансы, голодъ, нищету рядомъ съ роскошью двора. Привилегіи дворянства и духовенства рѣзали глаза народу. Налоговое напряженіе было крайнее: 12 десятинъ дворянской земли — платятъ 9 ливровъ, а крестьянскія 4 — платятъ 14 ливровъ, Король терялся, видя упадокъ страны...

У насъ ничего схожаго нѣтъ. Страна богата, сыта, спокойна, на пути здоровыхъ земельныхъ реформъ; какъ нигдѣ въ мірѣ ничтоженъ налогъ и взимается безъ всякихъ, кому либо привилегій. Страна — могущественна, и способна содержать величайшую армію въ мірѣ. Страна — въ состояніи войны. Государь — образецъ скромности. Нѣтъ ни малѣйшаго повода къ осужденію...

Сходство лишь въ окруженіи Государя; Malle de Pan говоритъ, что «благодаря свѣтскому, эпикуреизму, изнѣженности, все что было знатнаго, во Франціи, всѣ собственники были совершенно разслаблены»..

У насъ, какъ и во Франціи — весь правящій классъ шелъ къ пропасти — съ короной на головѣ. Сходство было еще въ томъ, что какъ у Государя, такъ и у Короля — «былъ одинъ человѣкъ — его жена.»

Но тутъ же и разница: въ счетѣ десяти тысячъ жертвъ французской революціи — восемь тысячъ дворянъ, изъ которыхъ около тысячи военныхъ легло за Короля, въ бою за Него...

Во Франціи — лозунгъ «Монархія» — не сходитъ съ устъ борющихся, и никто не прячется за

одну идею спасенія страны. Вещи назывались своими именами.

Въ Монархіи сознавали силу, были ей вѣрны и оттого съ такимъ восторгомъ народъ позже привѣтствовалъ Корону, хотя и императорскую...

Короля критикуютъ и судятъ годами, такъ какъ народъ не отдаетъ его сразу.

Иное у насъ... Безъ голоса и воли народа и безъ всякаго участія Россіи, шайка заговора и разогнанная Дума — осудила Государя — въ два дня и арестовала Его. Нѣтъ сходства и въ поведеніи окруженія; сколько разъ въ Версалѣ, и на улицахъ, и банкетахъ, монархисты въ кровавыхъ схваткахъ отдаютъ свою жизнь за Короля!...

У насъ? — Ни одной сабли не будетъ вынуто въ защиту нашего Государя. Все кругомъ безвольно молчитъ... Государь послѣ отреченія подъѣзжаетъ къ Царскому Селу: въ поѣздѣ придворные; до остановки поѣзда, почти всѣ, чтобы не быть узнанными около Государя, выскочатъ на ходу...

Невозмутимъ лишь Государь. Послѣ отреченія, арестованный, въ ссылкѣ, Онъ и Царица и дѣти, всѣ и каждую минуту царственно спокойны и величественны въ своей простотѣ и безстрашіи...

Нѣтъ сходства и въ поступкахъ Монарховъ...

Король уступаетъ шагъ за шагомъ. Бѣжитъ, цѣпляется за власть. Позволяетъ на себя одѣть красный колпакъ... цѣлуетъ и благодаритъ своихъ мучителей. Благородный и невинный — Онъ теряется и становится игрушкой революціи... Но народъ не хочетъ Его потерять и крестьянство остается ему вѣрнымъ...

Ни насилія, ни угрозъ, несмотря на свое полное одиночество, Государь Николай II — не боится...

Ни минуты малодушія. Ни одного движенія къ уступкѣ. Доброй волей даетъ Онъ въ 1905 году конституцію, и не отдавъ и не давъ ничего въ 1917 году — отречется...

Общество, требуя отреченія, будто не знаетъ, что послѣдствіе отреченія—смерть! Moriendum esse!

Шайка Робеспьера изощряется дать обстановку суда и говорить о казни — прямо...

У насъ заговоръ предаетъ Царя чужимъ рукамъ, и для этого сошлетъ Его «съ глазъ долой»...

«Дайте Кутону стаканъ крови — онъ хочетъ напиться» — вспоминаетъ чью-то фразу историкъ...

Нашъ историкъ спроситъ общество и Думу — напились ли они достаточно невинной крови?... Не въ крови развѣ руки Родзянокъ, Керенскихъ, Гучковыхъ и всего поименно заговора, блока, партій?

Въ плеядѣ вожаковъ французской революціи: Кордье, Мирабо, Петіонъ, Редереръ, Кондорсе, Маратъ, Сіесъ, Барнавъ, Лафайетъ, Фурнье и другіе. Въ ихъ средѣ таланты и **умы.** Многихъ историки зовутъ негодяями — но они составляютъ Гору, они не бѣгутъ, какъ наши, они авторитетны въ народѣ, въ Европѣ, они — власть, и многіе, подъ угрозой казни, борятся за привилегіи Короля, даютъ и защищаютъ великія начала — **собственности, цѣлости и независимости** Франціи. Революція даетъ армію, которая бьетъ Европу, и въ рядахъ босой арміи родятся — Наполеонъ, Мюратъ, Даву, Ней и вся галлерея незабвенныхъ героевъ и тоже умовъ, и талантовъ, и патріотовъ. Отстоявъ **собственность и границы**, а потомъ проходя побѣдно по Европѣ — Франція въ правѣ когда - нибудь простить свою революцію!

Можетъ развѣ Россія простить нашу и господъ

Шиповыхъ, Гучковыхъ, Милюковыхъ, Керенскихъ и все присное, дѣлавшихъ **все** обратное? Создавшихъ не гору, а злую кровавую яму. Французская революція, разрушая, творитъ. Она никому не подражаетъ, оттого она не постыдна какъ наша, а трагична. Франціи не были нужны исканія ни франкофиловъ, ни интернаціонала. Нѣтъ! Францію будитъ четкій кличъ націи: ça ira. Впереди ихъ революціи — всегда боевой звукъ трубы и барабана; оттого она отвратительно кровава, безумна, — **но не подла.**

У насъ все иное. На другой день отреченія — штыкъ въ землю, и «айда до дому» — углубляй и спасай революцію! Царя не стало. Фанатиковъ Монархіи не оказалось никого. Къ Вѣрѣ призыва нѣтъ. **Безъ этихъ символовъ Отечество останется безъ содержанія.**

Углубляя революцію, невѣдомый никому шутъ Керенскій и прочіе изображаютъ Россію... вздорныя спазмы, исканія словъ... и рядомъ генералы, козыряющіе новому **начальству.** Но въ исторіи не было шутовъ героевъ, — и такіе генералы побѣждать не могли. Ни Карно, ни Дюмурье, ни Мюрата у насъ не окажется. Ясно, что Керенскихъ никто не послушаетъ, и о побѣдѣ не можетъ быть и рѣчи. У власти ничтожества и ихъ смѣнятъ сильные, изъ тьмы той же интеллигенціи и того же общества, и взявъ за горло народъ, безъ его спроса будутъ продавать Россію *).

Какъ дѣлалась ревлюція и какъ выявляли свое предательство и свою бездарность руководители освобожденія, описывается очень своеобразно историкомъ (sic) г. Милюковымъ. Онъ утверждаетъ, (стр. 43), что Дума и блокъ сдѣлали много своею дѣятельностью; онъ описываетъ (стр. 44) какъ «ликвидировали» министровъ, какъ шла работа комитетовъ, какъ депутаты разъѣзжали по казармамъ, какъ Гучковъ (стр. 48)

Годы революціи Франціи идутъ подъ знакомъ побѣды. Послѣдняя серія Горы — Фурнье, Дантонъ, Роверъ, Варенъ, даже мясникъ Лежандръ и Робеспьеръ не отступятъ въ комитетахъ безопасности и спасенія. Уродствуя у гильотины, они не забываютъ охраны собственности и борьбы съ врагомъ страны. Франція содрогается, но духа не теряетъ. Французскій народъ и общество — не воры!

Когда то нашъ восточный земскій край выдвинулъ Минина и вооруженный народъ, повалилъ спасать Царство отъ воровъ и поляка Владислава. Истомленный, но царственный духъ побѣждаетъ безъ рѣчей. Иное въ 1917 году. Народъ тотъ же, но его завлекли въ болото. Убили — духъ. Въ народѣ и обществѣ еще немало чудесныхъ людей — но они ошеломлены наглостью вожаковъ общества, и не вѣрятъ ни себѣ, ни другъ другу.

Одинъ порывъ офицеровъ подъ Тарнополемъ угасъ вспышкой патріотизма. Впереди не было никого и людская лава хлынула домой грабить — благо во имя спасенія революціи обѣщана несущест-

---

«оборонялъ» столицу отъ войска Государя, какъ усадивъ власть въ крѣпость демократія «боролась» со старой властью, какъ Шульгинъ требовалъ Царской народной присяги, какъ Милюковъ заявилъ, что «ихъ выбрала революція» и что «старый деспотъ, доведшій Россію до разрухи» будетъ уничтоженъ, и т. п. Много важнаго написалъ г. Милюковъ и его сознаніе, какъ развивалось предательство заслуживаетъ вниманія и назидательно для многихъ.

(Замѣтка передъ выпускомъ книги), ослабляетъ исторію г. Милюкова о измѣнахъ, его изреченія въ день 10-лѣтія революціи: «идея нашей революціи есть идея **права**», внѣдряемаго въ сознаіе массы», «великій рубежъ для новой жизни» и т. д. Его друзья говорятъ о «рыцарскомъ орденѣ интеллигенціи». Но говоря объ идеѣ «внѣдренія права», г. Милюковъ справедливо не раздѣляетъ февраля отъ октября, и говоритъ, что революція «продолжается». Не смѣло ли доказывать, что временное правительство, заговоры и большевики утверждали **право?**

вующая и ненужная земля, и во имя стараго «мы калуцкіе». Ни минуты не вѣря новой власти — народъ, очертя голову, чувствуя позоръ совершившагося, убѣгая отъ самаго себя, довершитъ грабежомъ воровскую идею революціи. Армія сдается безъ боя. Альфа и омега соціализма — ложь и пораженчество.

Зная нашу психологію, нѣмцы побѣдивъ насъ, не торопятся въ Москву. Царственный родственникъ Государя Вильгельмъ чувствовалъ конецъ своей арміи и нашу побѣду, послалъ Ленина и евреевъ съ 70 милліонами марокъ разворотить революцію и Ленинъ, раскаливъ до бѣла самую смерть сломилъ всѣхъ. Отдавъ нанятымъ большевикамъ сѣверо - востокъ, гордые своимъ преступленіемъ нѣмцы войдутъ на югъ, — и народъ нашъ и общество будутъ раболѣпно ждать своей участи отъ генераловъ Эйхгорна - Грюннера и прочихъ...

Свиты генералъ Скоропадскій поѣдетъ на поклонъ къ Кайзеру, а представитель собравшейся въ Москвѣ общественности, скажетъ присланному добровольцами делегату, — что «спасеніе Россіи отъ нѣмцевъ, а не отъ союзниковъ».

Все позорно; полосой свѣта перейдетъ въ исторію лишь чудесный путь добровольцевъ, какъ попытка защиты народной чести...

Водворится не власть, — а «международный синдикатъ» расхищенія Россіи. — Ходульная цивилизація запада и демократія торжествуетъ. Европа заболѣваетъ клептоманіей, а эмиграцію назовутъ «воблой»...

Ключи мира и войны — въ рукахъ большевиковъ...

XIX

Чѣмъ больше пройдетъ времени, тѣмъ отчетливѣе рѣзецъ исторіи будетъ обрабатывать рельефъ великолѣпной жизни нашего Государя, и значеніе этой жизни въ міровой исторіи. Онъ, и никто иной **бросилъ** вызовъ міровому безвѣрію, безчестію и идущему вихремъ стадному человѣческому безумству...

Монархъ христіанинъ — первымъ въ исторіи принялъ на Себя нападеніе мрачнаго интернаціонала и всей земной арміи грядущаго инквизитора... Западники должны себѣ сказать, что ихъ былой закономѣрной Европы — не существуетъ. Если еще нѣтъ двухъ Европъ: одной держащейся за право, бытъ и религію — а другой, спекулятивной и извращенной — то все же, приближеніе Европы, если не къ концу, то къ полной переоцѣнкѣ всѣхъ quasi — высокихъ достиженій своей пресловутой культуры — близко.

Допущенное западомъ и забытое такъ легко сверженіе и смерть благороднѣйшаго носителя истинной цивилизаціи, высокаго защитника того же запада отъ восточнаго и сѣвернаго нашествія, отзовутся на судьбѣ всѣхъ странъ.

Фанфары соціализма замолкнутъ, показавъ міру, что у соціализма иного лица, какъ большевизмъ, нѣтъ, и человѣчество въ концѣ концовъ смертельно испугается этого лица... Когда нибудь самое слово соціализмъ будетъ произноситься съ проклятіемъ и смѣхомъ. Но и капитализмъ долженъ пережить глубокій кризисъ, и рука времени и самосохраненія властно отведетъ его съ хищныхъ путей, по которымъ — «золотой телецъ», ведя пе-

редъ собой свое дѣтище соціализмъ — безмятежно шествуетъ и развращаетъ...

Паденіе Государя Николая II и съ нимъ — Россіи — потрясетъ еще міръ. Эхо и раскаты этихъ событій перейдутъ въ вѣка, и сегодняшнее равнодушіе къ судьбѣ Россіи и хищническія на нее стремленія, смѣнятся великой тревогой, когда эта Россія начнетъ подниматься и оглядываться...

Человѣчество, дошедшее до химическихъ способовъ самоистребленія, равнодушное къ изувѣрствамъ войны и къ процессу русской революціи, и полагающее, что революція состояніе нормальное и допустимое — пойметъ кровавымъ опытомъ, что надо или идти съ культурой назадъ, или, не скрываясь, показать свое лицо преступника, или же начать **новую** жизнь...

Мира нѣтъ; война тлѣетъ и, вспыхнувъ, опять зальетъ кровью міръ...

Игра въ коллективы, въ демократію, парламентъ и соціализмъ и все прочее — наканунѣ разоблаченій и краховъ, и потерянные люди обративъ взоры на кресты могилъ прошлаго... возстанутъ.

На все происходящее, въ томительные мѣсяцы своего изгнанія взиралъ нашъ Государь... Но позволимъ себѣ думать, что не міровыя проблемы занимали Его тяжкія думы, а иныя, родныя о своей Россіи, которую Онъ беззавѣтно любилъ.

Въ своихъ послѣднихъ словахъ народу — Государь не сказалъ ни слова упрека; въ нихъ слышалось лишь горе за Отечество...

Живя въ легендахъ трагическихъ смертей почти всѣхъ своихъ предковъ, и зная не мало средствъ «ублажить» тѣ или иные слои населенія, Государь на эти способы не пошелъ. Онъ не страхуетъ себя,

даруя дворянскую землю крестьянамъ. На трусливые совѣты въ 1905 году дать всѣ свободы и полную конституцію, Государь созываетъ Думу, и терпѣливо оставляетъ ее дѣйствовать. Но ничто Его не заставитъ отказаться отъ Самодержавія. А какъ легко было отказаться отъ одного слова, и на нѣкоторое время получить покой!...

Въ 1907 году Государь даетъ рѣшающій земельный законъ, хотя главная сила общества противъ Него и Его лучшаго министра.

Цѣною договора съ Германіей Государь можетъ обезпечить миръ своей странѣ. Но Онъ знаетъ, какихъ уступокъ отъ Него требуютъ. Онъ вѣренъ союзу отца съ Франціей, и уже въ изгнаніи, отвѣчаетъ нѣмцамъ на условіе своего спасенія — «что дастъ отрубить себѣ руку, но не подпишетъ мира»...

Государю все время грозятъ «еврейскимъ вопросомъ». Верхъ общества — въ «блокѣ», — и «блокъ» въ первую голову требуетъ равноправія евреевъ; министры финансовъ твердятъ — entweder-oder... Въ силу глубокаго мышленія и предвидѣнія Государь на эту мѣру не идетъ, но готовъ сдѣлать всѣ облегченія...

Все въ чувствахъ Государя — противъ войны. Но затронута честь страны, и колеблясь лишь нѣсколько часовъ, бодрый, твердый, Онъ принимаетъ вызовъ.

Всѣ акты Государя полны достоинства. Ни одного исходящаго отъ Него несправедливаго рѣшенія... Монархъ безупреченъ...

Прошелъ годъ войны. Какъ и въ Японскую войну, комедія общественнаго патріотизма тянуться дальше не можетъ. Повторяется 1905 годъ. Неу-

дачи арміи въ Польшѣ ставятся въ вину Государю и строю. «Они» — недовольны безупречнымъ Монархомъ. «Они» — все лучше сдѣлаютъ. Тылъ, въ азартѣ разгула не унимается. Во Франціи и Германіи на двухъ строевыхъ въ тылу одинъ. У насъ — на одного въ строю — тыловыхъ двое...

Провинція держится съ достоинствомъ, но столичный распутный тылъ, гуляя въ ресторанахъ, сыпя деньгами, паясничаетъ, интригуетъ и ведетъ походъ на Царя.

Парижъ и Берлинъ закрыли всѣ увеселенія. Тамъ полная тишина, напряженіе патріотизма и безпрекословное послушаніе Власти. У насъ, Государь запретилъ вино; въ городахъ, въ свѣтѣ, въ обществѣ — оно льется рѣкой. Народъ и солдаты — вина не пьютъ... его пьетъ общество... Хмѣльное общество — ропщетъ и въ арміи раскатомъ превозносится Гучковъ и его присные... Блокъ — заговоръ показываетъ зубы, фрондируютъ опять титулованные и сановные — и сановники — боятся тронуть сановниковъ. Посланный въ Нью - Іоркъ для улаженія еврейскаго вопроса агентъ министерства финансовъ сообщаетъ изъ Америки, что синдикатъ банковъ не интересуется больше еврейскимъ вопросомъ, т. к. равноправіе будетъ дано не Монархомъ, а самимъ народомъ»...

Требованіе «блока» поддерживается Англіей и ему сочувствуютъ союзники...

Пріѣздъ въ Стокгольмъ Ризова къ Неклюдову съ намеками на сеператный миръ. Безтактная дипломатія показываетъ документъ Государю... Возмущенный Государь дѣлаетъ рѣзкую отмѣтку «не смѣть и думать о мирѣ», но ею пользуются, чтобы сказать, что Онъ «читалъ» эту бумагу.

Къ Государю пристаютъ, Его тревожатъ мелочами, будто измываются надъ Нимъ...

Но ни блоку, ни Думѣ, ни державамъ — никому Онъ не дѣлаетъ уступки. Не сдѣлаетъ, т. к. всѣ требованія только дерзки и неумны.

Правительство безсильно. Смѣны подающихъ въ отставку министровъ не даютъ никого сильнаго. Составъ бюрократіи и палатъ одинаково безцвѣтенъ. Кто бы ни былъ на мѣстѣ послѣднихъ министровъ, — было бы тоже самое... Бюрократія, какъ классъ — перестала существовать. Заговоръ спѣшитъ дѣйствовать. Обществу, Думѣ и всѣмъ даны директивы о неизбѣжности переворота. Все «координировано»; съ сентября 1916 года организована швейцарская группа Ленина и революціонное правительство, вышедшее изъ «блока» **разрѣшитъ** Ленину пріѣхать помогать революціи. Историкъ долженъ разобраться, какія группы и лица работали для нѣмцевъ, какія — подъ руководствомъ англичанъ?

До сихъ поръ скрыты стенограммы членовъ Думы послѣднихъ дней. Скрыты и рѣчи посланцевъ Думы — Государю.

Молвѣ о Государѣ, объ измѣнахъ и прочемъ дано полное распространеніе. Дума сознательно стремится къ своему роспуску, т. е. къ перевороту... Думѣ и самому заговору бояться нечего — съ ними армія, съ ними — Европа...

Спокоенъ и твердъ Государь. Тревога Государыни Ему не передается. Безпорядки Ему не страшны. Планъ наступленія въ апрѣлѣ — готовъ. Онъ предвидитъ славный конецъ войны, не допуская мысли о революціи во время войны и наканунѣ побѣды.

Государь опирается на Свою вѣрную армію, на Свой командный составъ...

XX

Наступаютъ послѣдніе дни.

Сообщеніемъ о несуществующей революціи, при полномъ спокойствіи народа и арміи, при обиліи всего въ странѣ и наканунѣ побѣды — обманомъ всѣхъ — Онъ свергается.

Вслѣдъ за отреченіемъ начинается кровавая,до сегодня длящаяся революція...

Страна безъ Власти — хаосъ, и имъ воспользуется первый сильный человѣкъ, наемникъ Германіи и интернаціонала — Ленинъ.

Соціализмъ — высшее достиженіе европейской культуры, плодъ тысячелѣтнихъ исканій мудрецовъ, найдетъ себѣ приложеніе въ необъятной Россіи. Народъ надолго согнетъ выю подъ этимъ страшнѣйшимъ игомъ. Еврейство будетъ править страной и сдѣлано будетъ все, для ослабленія, для раздѣла, распродажи Россіи, для вывода ея на столѣтіе изъ ряда производящихъ государствъ, для обращенія ее въ выморочное пространство, а народа — въ рабское состояніе.

«Политика» запада по отношенію къ упавшей Россіи будетъ безстыдная; проявлена будетъ жадность наживы и презрѣніе къ ея народу и исторіи.

Лишь будущія русскія поколѣнія учтутъ чудовищность происшедшаго, и надо вѣрить, что этотъ безчеловѣчный по жестокости и цинизму урокъ научитъ ихъ любить Россію и познавать своихъ враговъ.

Страшны дни перелома Россіи. Страшны — не революціей, которая жалка и презрѣнна, и не по-

слѣдующимъ поведенiемъ общества, армiи, да и всего народа, добившихся права на безчестiе... а страшна простота событiй тѣхъ дней въ ставкѣ.

Передъ Царемъ встаетъ вождь общества жалованный Государемъ камергеръ Родзянко. Онъ дерзаетъ вступать въ наглые переговоры, и сразу грозитъ и предрѣшаетъ, заручившись еще съ 1915 года поддержкой въ армiи.

Однако запугиванье лживой революцiей на Государя не дѣйствуетъ. Очевидно, Государь не вѣритъ. Онъ не вѣритъ, что правительство поголовно струсило. Онъ не вѣритъ, чтобы среди бюрократiи, ея учрежденiй, Сената, Совѣта, командующихъ тыломъ армiи не было **никого,** честнаго и смѣлаго.

И, наконецъ, Государь **у себя въ ставкѣ,** вождь всей силы страны; очевидно Онъ въ безопасности.

И вотъ въ этой ставкѣ происходятъ событiя, которыхъ никакой человѣческiй умъ предусмотрѣть бы не могъ. Какой изъ заговоровъ предусмотрѣлъ и все подготовилъ, мы точно узнаемъ впослѣдствiи...

На 4-ый день «безпорядковъ», только въ Петербургѣ, — 2-го марта въ 6 ч. утра, помимо Государя — Вождя армiи, — генералъ Алексѣевъ, послѣ «долгаго» тайнаго ночного разговора по телефону, **послалъ** всѣмъ главнокомандующимъ предложенiе довести до Его Величества, черезъ него, Алексѣева, какой **выходъ** они видятъ изъ **сложившихся обстоятельствъ,** которые имъ очерчены: **но** при этомъ Алексѣевъ сообщилъ генераламъ, что **Родзянко** считаетъ **возможнымъ** продолженiе войны **лишь въ случаѣ отреченiя Государя отъ Престола.**

На это обращенiе, **уже** 2-го, получены анало-

гичные отвѣты отъ главнокомандующихъ изъ разныхъ мѣстъ (кромѣ отвѣта генерала Сахарова)...

(Все сіе установлено въ сообщеніи начальника связи ставки Сергіевскаго).

Въ 11 часовъ 2-го, всѣ отвѣты посланы Алексѣевымъ Государю въ Псковъ.

Командующіе дерзаютъ безъ спроса своего Государя и Верховнаго, и даже не являясь къ Нему лично находить исходъ войны въ Его отреченіи.

Государь отвѣчалъ: «Нѣтъ жертвы, которой я бы не принесъ для Родины».

Немедленно въ ставкѣ подъ руководствомъ генерала Лукомскаго составляется **проэктъ** отреченія.

Въ ночь на 3-е, чины ставки — «толпясь» у аппарата, узнаютъ объ отреченіи Государя, за себя и сына...

Генералъ Алексѣевъ предупредительно передаетъ текстъ командующимъ...

Вотъ все — самое главное. Въ эти часы совершалась исторія перелома Россіи. Въ эту минуту рѣшилась судьба Россіи и кончалась война...

Позволимъ себѣ стать въ положеніе Государя...

Противъ Него опять встало Петербургское общество съ улицей. Россія опять безмятежна, ничего не знаетъ и молчитъ. Государь обращаетъ Свой взоръ на армію — въ лицѣ второго послѣ себя вождя — Алексѣева... Государь видитъ, что и здѣсь этотъ Его ближайшій помощникъ — за общество и за Петербургскій сбродъ улицы; узнаетъ, что онъ **противъ Него и что, безъ Его вѣдома,** посылаются съ мнѣніемъ Родзянки телеграммы... Безъ Него — генералы и Дума соглашаются, что продолжать съ Нимъ войны нельзя... Безъ повелѣнія Царя, безъ

вопроса и приказа Вождя — командующіе заглазно указываютъ выходъ, берутся рѣшать судьбу Россіи.

Предоставимъ историку тщательно показать, были ли и съ какихъ поръ, Алексѣевъ и генералы въ сговорѣ съ революціей, и что смѣли всѣ они имѣть противъ Государя, чтобы идти на явный подлогъ? Въ ночь 2-го марта заговоромъ попрано было все... Командующіе, какъ и депутаты, презирая присягу, дисциплину, исторію, боевую славу — смѣютъ вмѣстѣ съ обществомъ не только судить своего Государя и Вождя, но... совѣтовать, требовать, просить... не все ли равно... отречься и освободить Свой Престолъ и постъ, и обезглавить Россію... И за что? — на какихъ основаніяхъ?... Впрочемъ на это... какъ и на убійство Павла I и Александра II, и на причины смерти во время революцій пятнадцати милліоновъ людей — не отвѣтитъ никто...

Все — безпричинно...

Міръ не слыхалъ ничего подобнаго этому правонарушенію. Сказались этническія свойства русскаго общества. Не народа — нѣтъ. Народъ былъ не причемъ.... Анархія плеснула кровью въ лицо — сверху... Ничего иного послѣ этого, кромѣ большевизма не могло и не должно было быть...

Конечно Государю были безразличны угрозы Думы. Съ Нимъ — армія. И вотъ противъ Него подымаются командующіе... цѣпь замкнулась... вся армія. Вся ли? Тогда гдѣ же та часть, которая за Царя и Вождя?...

И на этотъ вопросъ до сихъ поръ исторія мрачно молчитъ: ни одного жеста за Царя сдѣлано не было.

Русскій Царь преданъ.

Предана вся Россія... Предана армія, и она послѣ этого неминуемо предастъ. Слѣдствіемъ актовъ Алексѣева и командующихъ — приказъ № 1, безпрекословно выполненный тѣмъ же Алексѣевымъ; братанье; Брестъ и остальное. Съ ночи 2-го марта нѣтъ арміи, нѣтъ и Россіи...

Ничего иного Государь не могъ сдѣлать — какъ отречься.

Государь понялъ все и Россія услышитъ Его судъ въ словахъ:«Кругомъ предательство, ложь, измѣна»...

Таковы главныя слова исторіи эпохи. Ими все объясняется.

Судить имѣетъ право одинъ Государь; и страшны эти слова Государя Россіи; страшны своимъ значеніемъ. Въ словахъ Государя — вся исторія Его царствованія. Знающіе **всѣхъ дѣятелей** эпохи, знаютъ весь ходъ измѣны Ему и всей Россіи..

У Государя могло быть три рѣшенія: уступить обществу, обезличить свою власть, отдать ея сущность и остаться слугою общества и запада. На это Онъ не пойдетъ...

Видя измѣну генераловъ и прибытіе двухъ іудъ, посланцевъ Думы, Государь могъ повелѣть созвать воинскія части, объявить свою волю: диктатуру, отрѣшеніе генераловъ и разстрѣлъ ихъ и депутатовъ на мѣстѣ...

Кровь въ арміи, рискъ бунта за и противъ себя. Даже при вѣроятіи успѣха Государь, какимъ мы знаемъ Его, на кровь не пойдетъ. Оставалось рѣшеніе — отреченіе...

Въ ту ночь рѣшенія тревожно носились образы Россіи... вся исторія твореній Его предковъ... вся слава... весь незнамый неоглядный народъ и про-

сторъ владѣній, и столь вѣроятное и возможное свѣтлое будущее. Его совѣсть безупречна. Непрерывно Его служеніе. Блага Его цѣль; и благополучіе Россіи устраивалось такъ легко.

Онъ, Царь старой могучей Россіи, остановитъ на минуту ея жизнь и исторію... Все кругомъ или молчитъ, или хочетъ Его униженія. Одинъ — противъ милліоновъ — Онъ съ молитвой совершитъ таинство отреченія. Съ Государемъ — пала царская сила, пала передъ неимовѣрной силой западнаго интернаціонала, съ его милліардами денегъ и подручными темными силами — русскихъ подданныхъ.

1-е и 2-е марта 1917 года — важнѣйшіе дни всей исторіи Россіи, ея «быть или не быть»: Самодержавіе — или соціализмъ? Единое Царство — или республика? Побѣда — или пораженіе? Слава — или позоръ? Народная свобода при Монархіи, или кабала соціальная и экономическая? и, наконецъ: или тысячелѣтняя независимость Россіи и самодовлѣющій ходъ впередъ, — или полная зависимость и... иго — въ тысячу кратъ болѣе тяжкое, чѣмъ монгольское, и владычество надъ страной алчныхъ міровыхъ силъ. Въ тѣ часы Христіанская Россія дрогнетъ, отдавая надолго народъ во власть дьявола...

Непобѣжденнымъ остается одинъ Государь...

Въ часъ рѣшенія Государя совершалось таинство, а не политика, и напрасно лѣтописцы упрощаютъ моментъ отреченія — въ эпизодъ...

Таинственность происходящаго подтверждается тысячелѣтней исторіей страны, связью Царей съ Православіемъ и народомъ и актомъ помазанничества Богомъ, въ котораго еще по сегодня вѣритъ часть человѣчества.

Передъ этимъ прошлымъ и будущимъ Госу-

дарь стоялъ **одинъ.** Ни на одного Монарха еще никогда не ложилось бремя подобнаго рѣшенія, т. к. нѣтъ болѣе великой и важной страны, какъ Россія...

Въ сопоставленіи трехъ силъ: Власти, общества и народа выступаетъ яркая картина: великъ, ясенъ и бѣлоснѣжно чистъ обликъ носителя Власти

Низменно, преступно и мрачно Общество.

Недоумѣненъ и поневолѣ мраченъ тоже обманутый народъ.

Безошибочно продуманно совершенъ захватъ Власти. Предусмотрѣно ея страшное одиночество: лживое утвержденіе о революціи, обвиненіе въ измѣнѣ, телеграммы командующихъ, блужданіе поѣздовъ, быстрота дѣйствій, удаленіе отъ Петербурга и семьи... все продумано. Интернаціоналъ, германцы и евреи... довольны исполненіемъ своихъ русскихъ сообщниковъ...

И не было руки, которая взяла бы за горло этихъ всѣхъ и тряхнула бы ихъ силой безпощадной жестокости!...

Никакихъ двухъ революцій не было. Была одна Февральская; и Родзянки, Гучковы и иные ее начнутъ, — а Ленины, Троцкіе, Свердловы и Юровскіе ее продолжатъ. Одни свергнутъ, арестуютъ, осудятъ; другіе — убьютъ. Палачи — всѣ. Кто агенты Германіи и интернаціонала — какая часть общественниковъ — совершенно безразлично. Россія предана — всѣми... Партіи, салоны, блоки, комитеты, всѣ дѣлали **одно** дѣло... И когда **общество совершитъ,** неповинный досего, далекій отъ всего, ничего не знающій народъ, потерявъ Царя, ринется по пути того позора и безчестія, которое ему **указано обществомъ** и его желаннымъ «отвѣтственнымъ» правительствомъ.

Система строя, на которую опирался Государь — **Императорство,** — Его не защититъ. Съ поколѣніемъ измѣнниковъ и малодушныхъ — она рухнула раньше Его рѣшенія.

XXI

Государь все время спокоенъ. Одному Богу извѣстно, что стоитъ Ему это спокойствіе. Лишь 3-го марта, **привезенный** обратно въ ставку, Онъ проявляетъ волненіе. Сдерживаясь, стараясь быть даже веселымъ, Онъ вышелъ изъ поѣзда, бодро здороваясь съ Великими Князьями и генералитетомъ. Видѣли,, какъ Онъ вздрогнулъ, удвидавъ шеренгу штабъ - офицеровъ. Государь всѣхъ обходитъ, подавая руку. Но вотъ **конецъ** этой **шеренгѣ.. Крупныя слезы текли по Его лицу, и закрывъ лицо рукой, Онъ быстро вошелъ въ вагонъ...**

Прощаніе со ставкой и арміей. Государь видимо сдерживаетъ волненіе. У иныхъ офицеровъ — на глазахъ слезы.

Наступила еще и послѣдняя минута... Гдѣ то тутъ должны нахлынуть тѣни Сусанина, Бульбы, Минина, Гермогена, Кутузова, Суворова и тысячъ былыхъ вѣрныхъ. Здѣсь и гвардія, военное дворянство, народъ...

Слезы офицеровъ — не сила... Здѣсь тысячи вооруженныхъ. И ни одна рука не вцѣпилась въ эфесъ, ни одного крика «не позволимъ», ни одна шашка не обнажилась, никто не кинулся впередъ, и въ арміи не нашлось никого, ни одной части, полка, корпуса, который въ этотъ часъ ринулся бы, сломя голову, на выручку Царя... Россіи..

Было мертвое молчаніе..

Все было **невѣроятное,** все хмурое, тоскливое, завороженное, безвольное

Но во всемъ этомъ грустномъ и мрачномъ, сама собою, для исторіи начинаетъ ярко свѣтить вырастающая личность Государя Николая II...

Онъ прощается съ офицерами, изъ которыхъ иные падаютъ въ обморокъ... напряженіе минуты достигаетъ апогея...

Владѣетъ собою Государь. О, какъ Онъ можетъ воспользоваться этой минутой!...

Вотъ **солдаты** Его привѣтствуютъ. Ихъ много; люди затаили дыханье; лязгаетъ оружіе, армія еще вся цѣла; все связано традиціями, дисциплиной, всей исторіей. Силища — страшная... Солдаты — **народъ.** Какихъ тутъ нѣтъ губерній...

Къ нимъ, къ народу Его послѣднія слова...

«Прощайте братцы» будятъ напряженную тишину трагическія слова Царя...

«Братцы» — говорятъ у насъ въ народѣ не часто. Слово старинное, любимое, ласковое и призывное: «Помогай Богъ, братцы»; **«здорово, братцы»...** и **«спасите, братцы!»** зоветъ, проситъ подмоги у своихъ человѣкъ погибающій, въ бѣдѣ, въ обидѣ... въ страхѣ... Задолго до того Государь ошибся — сказавъ Тверцамъ вмѣсто «несбыточныя» — «безсмысленныя мечтанія»... Слова были пророческія...

Ошибись Государь теперь и скажи Онъ — не **«прощайте»,** а **«спасите братцы»,** и быть можетъ этого слова было бы достаточно... чтобы повернуть ходъ исторіи...

Могла быть бойня, кровь... но **все** могло бы кинуться Его спасти и кто знаетъ, не сталъ ли бы нашъ Государь — кумиромъ арміи, кумиромъ наро-

да, ставъ подъ его защиту, опять, по старому кровно сроднившись съ нимъ...

Кто знаетъ? — гадать не нужно...

Государь сказалъ великія незабвенныя слова, сильнѣе всякаго Манифеста...«Прощайте»—чудное слово нашего чуднаго языка. Онъ прощалъ. А «братцы» — прозвучало лаской къ народу, который Онъ такъ братски любилъ...

Въ этихъ словахъ сказался не паѳосъ Императорства, а смиренное народное Самодержавіе, православное, неизбывное, всепрощающее и свое земляческое...

Эти завѣтныя слова внесутся въ исторію и когда нибудь и стариками и молодыми поколѣніями — націи — любовно поймутся... и заставятъ дрогнуть сердца.

«Право на безчестіе» 1917 года будетъ же когда нибудь со всѣхъ насъ снято, и новые, подобные былымъ подвиги, обѣлятъ и похоронятъ ненавистныя событія этихъ долгихъ лѣтъ и того страшнаго дня...

Государь остался одинъ передъ народомъ.

Такъ простился Государь съ народомъ...

Такъ угодно было Богу...

Государь не измѣнилъ ни Россіи, ни воинской чести.Онъ не призвалъ къ защитѣ себя,ни къ бунту. Онъ не прорвалъ фронта, какъ совѣтовалъ какой-то безумецъ, а повелѣлъ народу и арміи продолжать до побѣды войну. Онъ остался одинъ... Мы не знаемъ думъ Царя. Знаемъ лишь Его рѣшенія. Четки, величественно просты слова и мысли — мученика. Не Онъ отрекается, а отъ Него и тысячелѣтней Россіи отрекся народъ. Съ нея, съ Россіи снимает-

ся вѣнчавшая главу корона, опустились ея крестъ и знамя, смѣняясь терновымъ вѣнцомъ.

Прольется Его кровь. Прольется кровь и невинныхъ, многихъ членовъ Его семьи и милліоновъ истерзанныхъ, тоже невинныхъ людей.

Въ актахъ Государя — глубокій смыслъ и огромная **воля.** Онъ одинъ сознаетъ и будущее докажетъ, чѣмъ для Россіи была Царская власть... Недаромъ неся это бремя, Онъ, съ 1905 года не отдаетъ ея сущности. Онъ знаетъ, что завтра безъ Него начнется что то совсѣмъ иное и страшное. Государь боится этого невыносимо страшнаго для Родины, но, сознавъ свое одиночесотво, иначе поступить не можетъ: **иначе будетъ хуже, и... Онъ отрекается, но сохраняетъ всецѣло не тронутой, ни въ чемъ неизмѣнной, носимую Его предками и Имъ власть. Онъ такъ и не уступилъ народнаго Самодержавія...**

Онъ передалъ исторіи эту власть незыблемой, и тѣмъ завѣщалъ, что другой власти для Россіи быть не должно, что она ей родная, коренная — по духу, по судьбѣ, по ея разуму... и потому, что эту власть вынашивалъ и держалъ вѣками хоругвью надъ собою, соборно, **самъ,** когда то державный великій народъ...

Государь сберегъ ее ему. Сберегъ отъ грязныхъ рукъ и умаленія ее предѣловъ, отъ урѣзаній и формъ зависимости...

Пусть будутъ республики, конституціи и новыя пробы... пусть дерево срублено, но корень цѣлъ. Природа свое возьметъ, корни тысячелѣтней власти хранятся въ землѣ живые.

Царская Россія навсегда останется памятникомъ мощи своего прошлаго. Отъ памяти — не уйдешь, изъ памяти былого не выкинешь. Родина

будетъ терзаема, доколѣ народы ея не вспомнятъ и не почувствуютъ свою прежнюю могучую, сіяющую...

Европеизація, конституціи, соціализмъ научатъ народъ, пробудятъ сознаніе. Народъ — не истуканъ. Къ оплеванному и разоренному отечеству проснется жажда любви. Не забудутся посягательства иноземныя; все вспомнится. Надоѣдятъ хозяева безъ счета и края — вмѣсто одного хозяина; потянетъ на собственность и на покой; пробудится и честность..

И народная мысль — хочетъ не хочетъ, а будетъ рыться, и дороется до корня Царскаго. Всѣ вспомнятъ и Того, кто за тотъ корень творческій положилъ свою жизнь...

Съ Государемъ вмѣстѣ пала страна, но не умерла, и встанетъ единой, какой была... иначе не будетъ именоваться Россіей....

На какого законнаго преемника выпадетъ бремя и честь понести крестъ **Іоанна Калиты,** принявъ наслѣдіе нашего Государя? —

Усвоена ли будетъ Тѣмъ преемникомъ важность акта Государя, сохраненія имъ своей власти не умаленной? Многое впереди тайно въ Промыслѣ Бога, но акты Государя Николая II **обязываютъ...** Реально одно: акты, завѣты и исторія жизни Государя. Событія Его царенія, не только урокъ, **но и матеріалъ будущаго строенія...**

Изъ тьмы настоящаго и эпохи паденія общества и народа, Его образъ будетъ все болѣе и болѣе возвышаться и просвѣтляться, становясь **примѣромъ** чести, воли, труда и тихой благости. Царь милосердный возбудитъ великое горе народное.

Входя въ исторію съ путеводнымъ именемъ Государя, Ему послѣдуютъ всѣ тѣ, кто наконецъ

рѣшится побѣдить воцарившееся чудовищное **зло.** In ictu oculi!

Его именемъ. Его образомъ осѣняться будутъ арміи добра. И послѣ тяжкаго перерыва, Его примѣру и завѣтамъ обязаны будутъ неотступное слѣдовать преемники Царской власти. Его имя и образъ встанутъ не разъ передъ Монархами другихъ странъ...

Государь нашъ предопредѣленъ Промысломъ Бога. Самая жизнь, отреченіе и смерть Его затронули глубже всего область Духа. Все въ жизни и въ концѣ Его, свидѣтельствуетъ въ Его пользу, — не только передъ нашей и міровой исторіей, но и передъ судомъ Вѣчнаго Правосудія.

Смерть избавила Государя отъ страданія видѣть происходящее. Великомученическій конецъ Его и семьи Его еще ярче, немеркнущимъ свѣтомъ озарилъ память о Немъ. Мы умремъ; выростутъ новые русскіе. Дрогнетъ когда нибудь сердце народовъ Россіи — и опомнясь, всенароднымъ порывомъ благодарности, жалости и раскаянія — въ помыслѣ Церкви своей — народъ пожелаетъ пріобщить имя Государя къ лику Святителей....

Имя Его — борца, подвижника, противъ скопищь, вставшихъ на Христову правду, должно быть вписано въ Исторію Церкви.

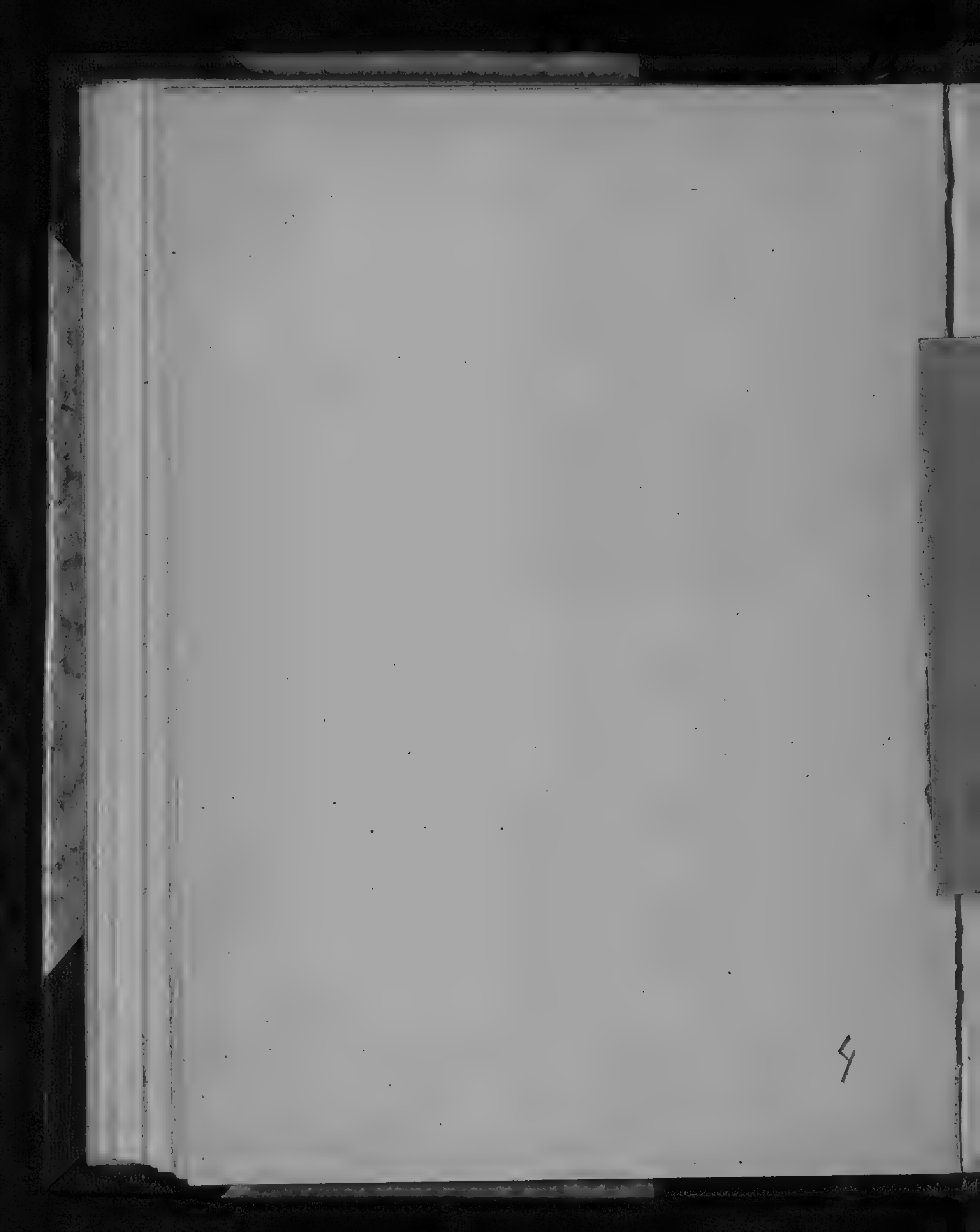
Онъ — искупительная жертва эпохи; жертва безвѣрной и преступной части людского міра, виновнаго не только въ Его смерти, но въ гибели безчисленнаго числа людей, и въ попраніи Высшихъ завѣтовъ....

Все подлежитъ суду и возмездію Бога. Зло подняло мечъ, но и на него поднимется мечъ...

История Государя учитъ насъ уповать на молитву и въ раскаяньи объединяться, для — дѣйствія, памятуя, что призваніе Россіи — быть неразделимо единой...

Съ Его — Государя нашего именемъ на устахъ будемъ молиться о самомъ дорогомъ для насъ, — о нашей Русской Землѣ...

Висбаденъ
1924 г.

4

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

Стр. 19. — Въ примѣчанiи 5 строка снизу — читать „Куломзина".

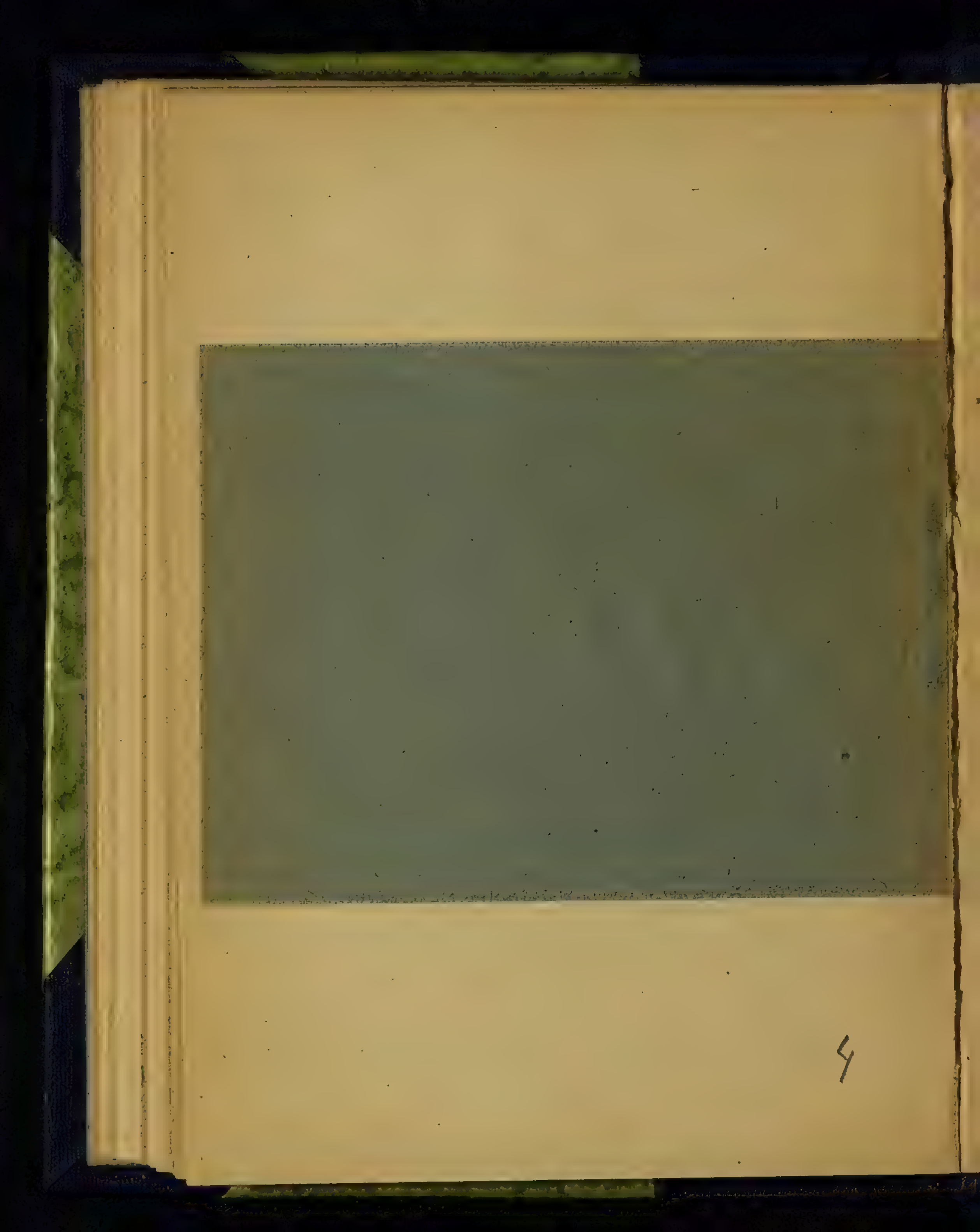
Стр. 25. — Первая строка снизу вмѣсто 30 слѣдуетъ 3, 0.

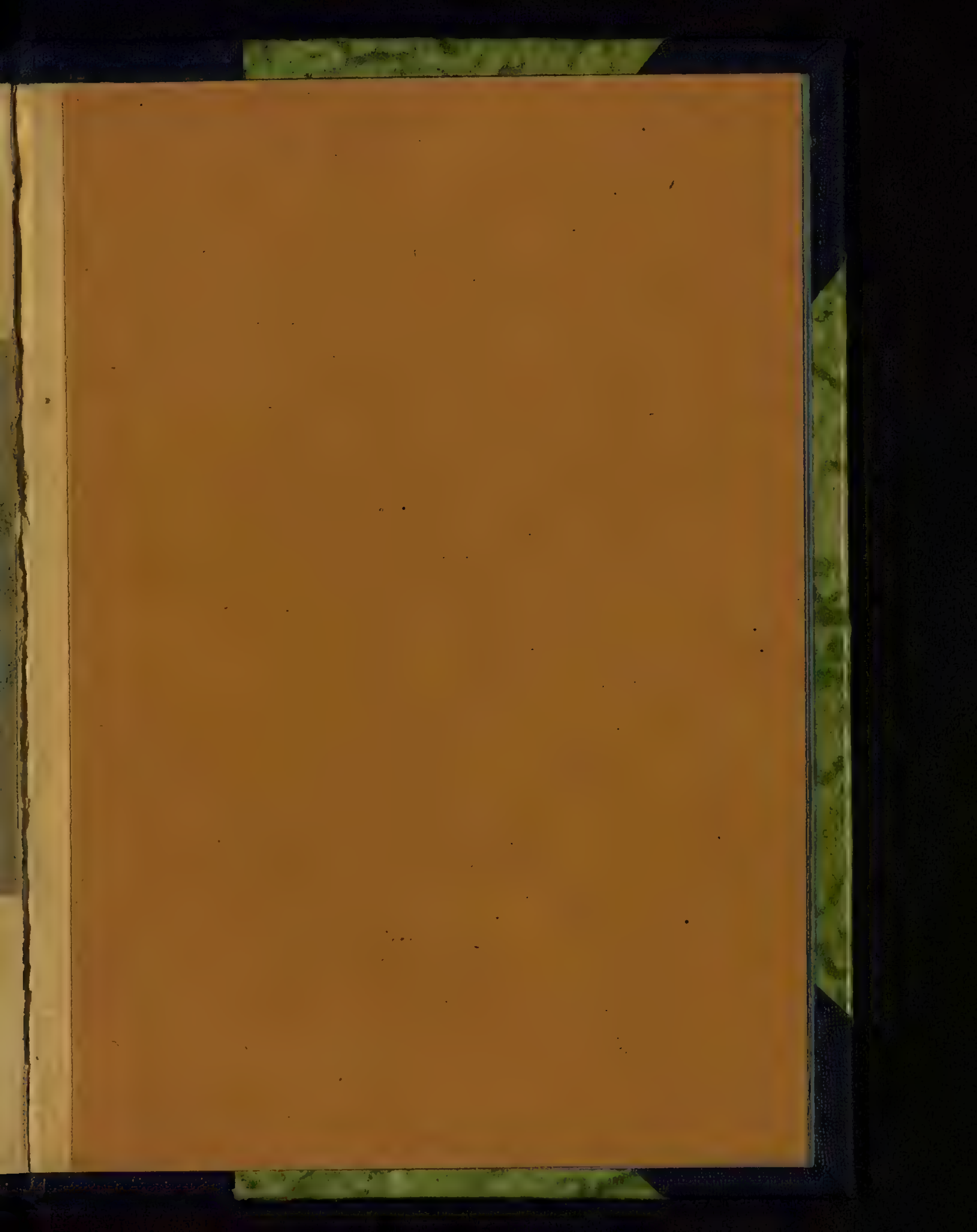
Стр. 59. — Первая строка снизу слѣдуетъ не 79 %, а 72 %.

Стр. 79. — 8-ая стр. снизу — слѣдуетъ не „мiра" а „мира".

Стр. 83. — 11-ая строка снизу — въ „коммерческомъ" слѣдустъ одно „м".

Стр. 113. — Первая строка сверху — 180 не читать.

4

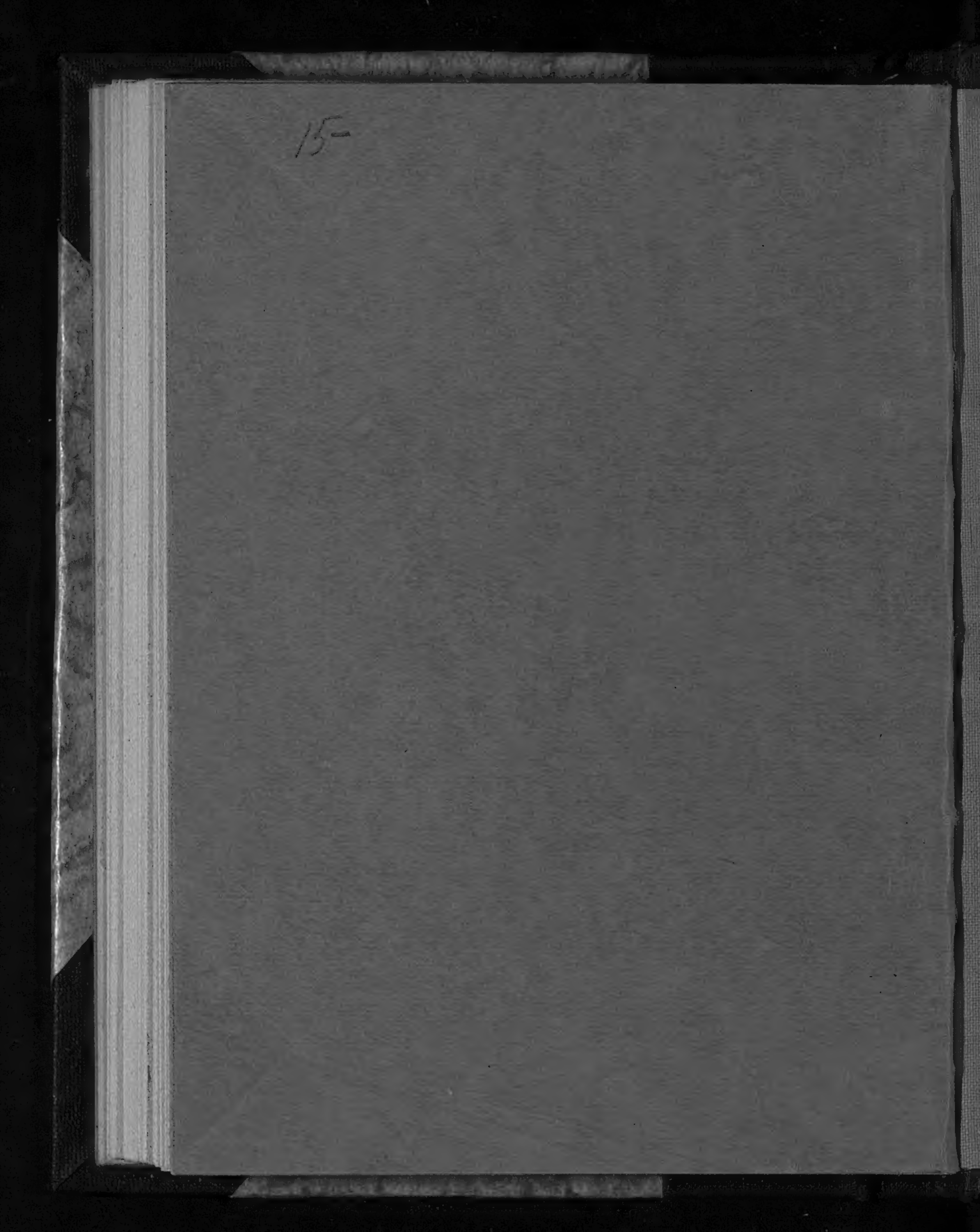
СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Société „N. P. KARBASNIKOFF"

23, Rue de Richelieu, PARIS (1e)

Téléphone : LOUVRE 61-96

15-

